Крест и звезда генерала Краснова

В. Акулов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга родилась из небольшого очерка, задуманного как венок на могилу доблестного генерала от кавалерии Русской Императорской Армии, Атамана Всевеликого Войска Донского, классика русской военной прозы, крупного русского военного мыслителя и ученого, создателя и основоположника новой в истории русской военной школы науки — военной психологии — Петра Николаевича Краснова

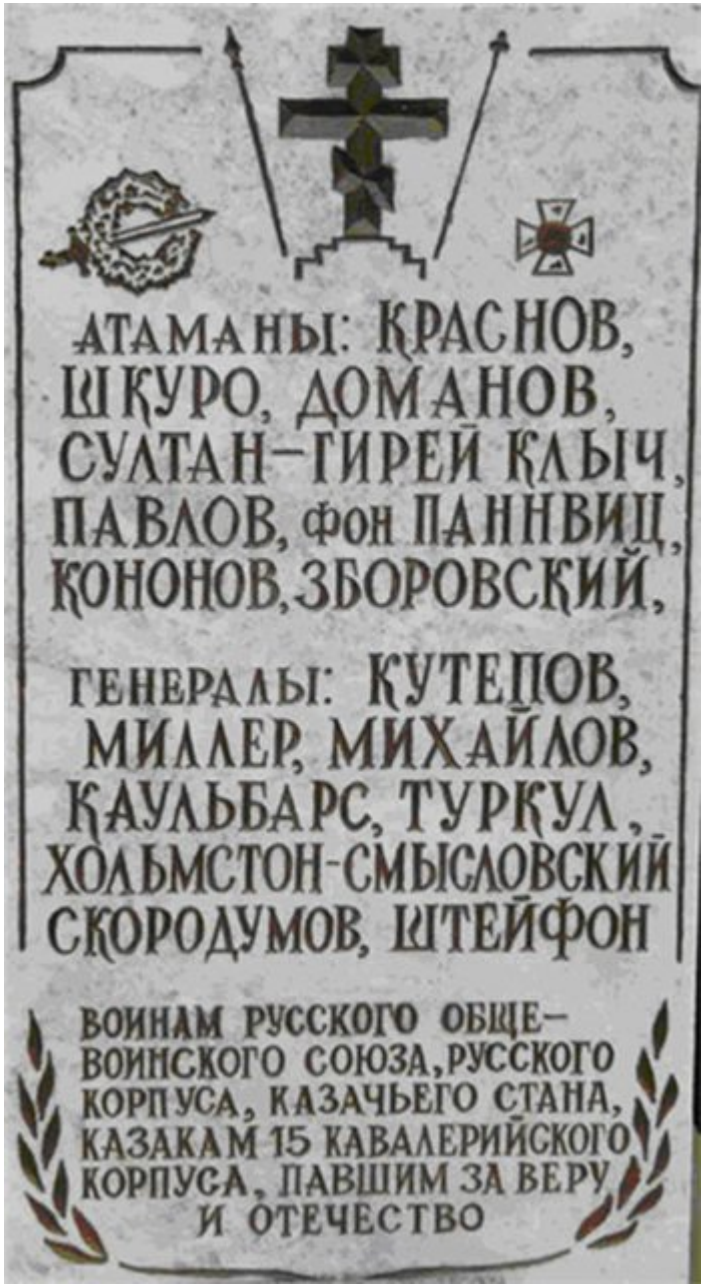
- Вольфганг Акунов
  - «Невостребованный прах»
  - Потомок героев России
  - Тяжело в учении — легко в бою
  - Литературный дебют
  - Пути-дороги
  - Хотят ли русские войны?
  - Хотели ли мы войны?
  - На Великой Отечественной
  - Черные дни «великой бескровной»
  - Октябрьский переворот
  - Всевеликое Войско Донское
  - Избрание Краснова Атаманом
  - Об иудейско-масонских корнях большевицкой символики
  - Подводные камни
  - Союз с Германией
  - На внутреннем фронте
  - «Германский бронепоезд»
  - «Союзническая» ориентация «единонеделимцев»
  - Упущенные шансы
  - Печальные итоги
  - Благодарность западных «союзников»
  - Годы на чужбине
  - На Второй Гражданской
  - Трагедия генерала Краснова
  - Аман
  - О «коллаборационизме» казаков

Вольфганг Акунов
КРЕСТ И ЗВЕЗДА ГЕНЕРАЛА КРАСНОВА ИЛИ ПЕРОМ И ШАШКОЙ

«Чаю воскресения мертвых и жизни будущаго века. Аминь».

Надпись на Баклановском знамени.

«Невостребованный прах»



Его бренные останки покоятся среди так называемых невостребованных прахов жертв политических репрессий

советских карательных органов в некрополе московского Донского монастыря, где рядом с мощами Святого Страстотерпца Патриарха Тихона хранится величайшая святыня российского казачества — Чудотворная икона Божьей Матери Донской, по преданию, поднесенная Благоверному Великому Князю Московскому Димитрию Ивановичу донскими казаками перед судьбоносной Куликовской битвой. И каждый год 1 июня им приходят поклониться немногие уцелевшие ветераны Белого казачества, потомки казаков-жертв красного террора и представители нынешнего казачьего движения — слабого, рыхлого, разобщенного, как никогда, в кровь раздираемого групповщиной и мелкими амбициями «атаманов» (которых, как порою кажется со стороны, гораздо больше, чем рядовых казаков!), но все же существующего, наперекор всему, и служащего живым доказательством того, что — всем расказачиваньям вопреки! — казачьему роду нет переводу. Нет и не будет! И вот, перед мысленным взором православных христиан, приходящих сюда помолиться и поклониться невостребованному (слово-то какое!) праху мучеников, встает видение посмертного парада Всевеликого Войска Донского у гроба Войскового Атамана и его верных соратников, сопровождавших его на протяжении всего его жизненного пути — светлого, как клинок казачьей шашки — и вместе с ним едину чашу смертную испивших.

Лучи яркого июньского солнца озаряют пробудившуюся от подобного смерти зимнего сна природу и заливают морем золота то место, где навеки упокоился Атаман. В конном строю застыли бравые донцы с красными лампасами, с боевыми наградами на груди, заслуженными в кровавых схватках с большевизмом, в лихо сдвинутых набекрень фуражках, с шевелящимися на ветру чубами, обнаженными шашками салютуя праху своего славного Атамана.

Трепещут эскадронные значки и сине-желто-алые донские казачьи знамена, а впереди — значок командующего, черное Баклановское знамя с Адамовой головой — белым черепом, перекрещенными костями и заключительными словами Православного Символа Веры: «ЧАЮ ВОСКРЕСЕНИЯ МЕРТВЫХ И ЖИЗНИ БУДУЩАГО ВЕКА. АМИНЬ». Пританцовывают кони, прядают ушами, втягивают широко раскрытыми ноздрями теплый летний воздух. Вот они, казаки, наши последние рыцари! Они ушли в Вечность, навстречу свету, и мрак не поглотил их, по слову Священного Писания: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его!».

Эта статья родилась из небольшого очерка, задуманного как

венок на могилу доблестного генерала от кавалерии Русской Императорской Армии, Атамана Всевеликого Войска Донского, классика русской военной прозы, крупного русского военного мыслителя и ученого, создателя и основоположника новой в истории русской военной школы науки — военной психологии — Петра Николаевича Краснова. Талантливый полководец, он разил врагов России и казачества мечом на поле брани. Талантливый публицист и писатель, он неустанно поражал ее врагов пером. Православный русский воин, он всю свою жизнь, во всех своих ипостасях, нес службу Богу, Царю и Отечеству — службу, бывшую для него нераздельной со службой родному Казачеству, всегда живым в его душе и сердце, а через это — всему миру и человечеству.

За эту свою верную службу он ненавидим всеми, кто вел и продолжает вести Россию (и через нее — и все человечество) — к окончательной гибели. Для колеблющегося, двоедушного, неверного в мыслях и чувствах XX века Атаман Петр Николаевич Краснов остался образцом чистоты, цельности и несгибаемости. Даже в своей Священной войне с поработившим Россию Коммунистическим Интернационалом — борьбе, которой он придавал поистине сакральные смысл и значение, казачий генерал Краснов был, если не самым сильным и известным, то уж, вне всякого сомнения, самый непримиримым и последовательным — в буквальном смысле слова «до гробовой доски» — врагом большевизма изо всех вставших под знамя Белой борьбы Русских генералов еще Царского производства:

— от 25 октября (7 ноября) 1917 года, когда отчаянным натиском остатков 3-го Конного корпуса на Петроград Краснов пытался задушить «великую пролетарскую революцию» в ее колыбели;

— через кровавую Первую Гражданскую войну, в которой он, как Донской Атаман, разработал и предложил единственно возможную стратегию победы в этой войне (свои же — не вняли!);

— через двадцатилетний, поистине каторжный по своей неимоверной напряженности общественно-политический и военно-литературный труд в эмиграции, где перо было приравнено к мечу;

— через крестный путь Второй мировой войны, ставшей для Краснова, как и для сотен тысяч других русских людей, «Второй Гражданской», к трагедии Лиенца, вместе с белыми казачьими частями в составе германского Вермахта;

— до того черного дня 16 января 1947 года, когда Военная Коллегия Верховного Суда СССР, после однодневного закрытого

процесса, увенчавшего собой полтора года допросов, издевательств и болезней, приговорила П.Н. Краснова, вместе с другими «главарями вооруженных белогвардейских частей», такими как генералы А.Г. Шкуро, князь Султан-Гирей Клыч и Гельмут фон Паннвиц, к смертной казни через повешение, и немедленно исполнила этот приговор во дворе Лефортовской тюрьмы)

— пролегли огневые версты крестного пути верного сына Тихого Дона.

Потомок героев России

Будущий генерал, атаман и писатель родился 10 (22) сентября 1869 года в Санкт-Петербурге в потомственной генеральской казачьей семье, многими поколениями связанной не только с военной славой России, но и с русской литературой, наукой и культурой. Первым из Красновых навечно вписал свое имя золотыми буквами в историю Отечества прапрадед Петра Николаевича — генерал-майор Иван Козьмич Краснов 1-й (1752–1812 гг.), родом из станицы Букановской на Дону, кавалер Императорских орденов Святого Великомученика и Победоносца Георгия IV класса, Святого равноапостольного князя Владимира IV степени с бантом, Святыя Анны II степени с алмазами, Святого Иоанна Иерусалимского (Мальтийского Ордена), крестов за Измаил и Прагу. Иван Козьмич был сыном простого казака («из казачьих Войска Донского детей»). На службу был записан казаком в 1773 году, а в следующем году назначен полковым писарем. В 1781 году стал сотником, а в 1785 году в бою на Кинбурнской косе, будучи ординарцем у А.В. Суворова, при выполнении его приказа был ранен «в сильнейшем огне» пулей в правую ногу (произведен в капитаны), участвовал во взятии турецких крепостей Очакова и Бендер (ранен в левую ногу и получил чин секунд-майора).

При Измаиле «употреблен был от Главнокомандующего в ночное время для измерения крепостного рва, что и выполнил с точным успехом», а в ходе штурма захватил три турецких орудия (произведен в премьер-майоры). В Мачинском сражении 25 июля 1791 года отнял у турок два знамени (за что получил похвальную грамоту от Государыни Императрицы Екатерины II и именную золотую медаль для ношения на груди). Геройски проявил себя в кампаниях 1792 и 1794 годов против польских конфедератов, был «жестоко» ранен пулей в правую ногу, награжден чином подполковника (в 1792 году) и орденом Святого Георгия IV класса. В 1796 году получил чин полковника, 8 марта 1799 года — генерал-майора. В конце царствования Императора Павла I уволен в отставку. Вернувшись на службу в 1803 году, И.К. Краснов был назначен атаманом Бугского казачьего Войска и занимал эту должность до нашествия Наполеона и с ним «двунадесять язык» на Россию. 22 марта 1812 года И.К. Краснова, по личному прошению атамана Всевеликого Войска Донского М.И. Платова, отозвали в действующую армию. После битвы под Смоленском Иван Козьмич возглавлял девять казачьих полков.

В арьергардном бою у Колоцкого монастыря накануне Бородинского сражения 24 августа 1812 года французское ядро раздробило ему правую ногу. Врачи были принуждены произвести срочную ампутацию (в присутствии самого атамана Платова), но спасти жизнь Краснова не оказалось никакой возможности. Герой скончался на следующий день после 14 часов мучений и был похоронен 27 августа 1812 года в Московском Донском монастыре (где через сто тридцать пять лет упокоился и «невостребованный» прах его праправнука, осужденного неправедным большевицким судом за «измену Родине») при скоплении огромных толп народа, провожавших его в последний путь. После гибели генерал-майора И.К. Краснова в нем была напечатана статья с портретом в «Русском Вестнике» — такой чести удостаивались тогда лишь немногие! С 26 августа его имя, как вечного шефа, стал носить 15-й Донской казачий полк.

Судьба славного родоначальника донских Красновых как бы «задала тон» жизни всех его потомков, посвятивших ее беззаветному служению Отечеству. И здесь невольно приходит на ум следующая аналогия.

15 сентября 1921 года в Новониколаевске (теперь Новосибирск) перед «революционным трибуналом» предстал командир Азиатской Казачьей дивизии генерал-лейтенант барон Роман Федорович фон Унгерн-Штернберг, непримиримый враг большевиков и стойкий монархист, покоривший для России Монголию (за одно это он стократ заслуживает, если не памятника, то, по крайней мере, отмены приговора неправедного большевицкого суда!), женатый церковным браком на принцессе Маньчжурской династии Цин, освободивший главу ламаистской «желтой веры» Богдо-гэгэна от красных китайцев, объявленный монголами Белым Богом войны, мечтавший о создании духовно-военного буддийского Ордена для освобождения России, Европы и всего мира от марксистской чумы и подло выданный кучкой изменников клевретам Третьего Интернационала.

Генерал барон фон Унгерн-Штернберг, не веривший до последнего дня в гибель от рук большевицких убийц Великого Князя Михаила Александровича, по благословению Далай-Ламы и Богдо-гэгэна вел своих казаков, бурят, монголов и тибетцев в бой под злато-багряным знаменем с ликом Спаса Нерукотворного, державными двуглавыми орлами, Царской короной и вензелем Императора Михаила II. В своей снискавшей всемирную известность, вышедшей уже после расстрела барона, политической утопии «За Чертополохом», П.Н. Краснов придал восстановившему Престол Романовых в России Императору Всеволоду Михайловичу, сыну Михаила Александровича,

возвратившемуся в разоренную большевиками страну от Далай-Ламы из Тибета во главе состоявшего из монгол, бурят, тибетцев и казаков православного Белого воинства, черты барона Романа Федоровича фон Унгерн-Штернберга, а сопровождавшему его казачьему атаману Аничкову — черты другого столь же непримиримого врага большевизма — атамана Бориса Владимировича Анненкова, также павшего жертвой коварства и подлости слуг Коминтерна, предательски заманивших его в ловушку и предавших лютой смерти.

Впрочем, сходной была и судьба других казачьих вождей, к примеру, атаманов Александра Ильича Дутова и Григория Михайловича Семенова. Степные рыцари, они привыкли сражаться с врагом по старинке, в чистом поле, на верном коне, с острой шашкой в руке. А погибали от черной измены, от подлого удара в спину…

Участь барона фон Унгерн-Штернберга, как и всегда в подобных случаях, была предрешена еще до сначала судебной комедии телеграммой Ульянова-Ленина, смысл которой сводился к следующему: «Судить и, в случае установления вины, в чем не может быть ни малейших сомнений (!), немедленно расстрелять». Но главный красный обвинитель, небезызвестный Ярославский-Губельман, замыслил напоследок покуражиться над беззащитным пленником. Вздумав сыграть на «русских национальных чувствах» публики в их самом низменном варианте, он попытался представить Унгерна гнусным отпрыском «остзейских баронов», всегда «сосавших из России кровь» и якобы одновременно «продававших ее Германии». И спросил подсудимого издевательским тоном: «Чем отличился ваш род на русской службе?»

Барон фон Унгерн-Штернберг спокойно ответил: «Семьдесят два убитых на войне».

Этот эпизод вполне мог бы послужить эпиграфом и к судьбе самого Петра Николаевича Краснова, весь род которого пролитой за Россию на полях сражений кровью навеки запечатлел сворю верность Отечеству, какие бы изменнические ярлыки не наклеивали на фамилию «Краснов» выкормыши и последыши большевицкой партии национальной измены.

Сам генерал П.Н. Краснов вспоминал о своих предках в автобиографической повести «Павлоны» в следующих выражениях: «Я коренной донской казак. Мой отец был офицером Лейб-Гвардии 6-ой Донской Его Величества батареи, мой дед служил и был командиром Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка, мой прадед служил в Войске Донского Атаманском полку, прапрадед, сотрудник Суворова (упомянутый

выше Иван Козьмич Краснов — В.А.), служил в Донских полках, был в походах в Турции, Польше и на Кавказе и был убит под Колоцким монастырем накануне Бородинского сражения».

Прославились и старшие братья П.Н. Краснова — Андрей Николаевич (1862–1914), крупный ученый, географ и ботаник, основавший, между прочим, в 1912 году знаменитый Батумский ботанический сад, и Платон Николаевич (1866–1924), выдающийся русский математик, переводчик, литературный критик и публицист.

Донской казачий род Красновых поколениями служил Отечеству «пером и шпагой», а верней — «пером и шашкой».

Как говорится, «не из семьи, а в семью» был и сам Петр Николаевич. Еще шестилетним мальчуганом знал он назубок воинские поучения Суворова, под чьими знаменами его прадед добывал славу России, а к двенадцати годам стал «издавать» свой домашний журнал, совмещая в одном лице автора, редактора, художника и издателя. Эта длившаяся несколько лет литературная игра стала для Петра Краснова порой литературного «ученичества».

Тяжело в учении — легко в бою

Получив, подобно большинству мальчиков его круга, начальное образование дома, юный Краснов поступил в 1-ю Петербургскую классическую гимназию. Через пять лет он, по собственному горячему желанию — как видно, сказалась «военная косточка!» — сменил пятый класс этой гимназии на пятый класс Александровского Кадетского корпуса.

Учился в корпусе блестяще по всем предметам и, окончив его вторым в выпуске, был выпущен из него вице-унтер-офицером, после чего поступил в славившееся суровой дисциплиной Павловское Военное училище.

Павловское училище вело свое начало от Сиротского Дома, учрежденного Царем-рыцарем Павлом I в 1798 году. Все поступившие в него сразу же зачислялись на действительную военную службу нижними чинами «на казенный кошт», что было немаловажно для отпрыска многодетной семьи генерала Краснова, которая — вопреки утверждениям большевицких борзописцев! — подобно огромному большинству военных, да и вообще дворянских семей тогдашней России, отнюдь не купалась в «немыслимой роскоши». Блестяще закончив курс — первым в выпуске! — фельдфебелем 1-й Государевой роты, с занесением имени золотыми буквами на мраморную доску, Петр Николаевич Краснов, по Высочайшему повелению, был произведен в хорунжии, с прикомандированием к Лейб-Гвардии Атаманскому Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полку. С производством в офицеры «павлонов» поздравлял сам Государь Император Александр Ш:

«…Громко и отчетливо сказал нам Государь. Каждое его слово запоминалось нами на всю нашу воинскую службу:

Поздравляю вас, господа, офицерами! Служите России и Мне, как служили ваши отцы и деды. Заботьтесь о солдате и любите его! Будьте ему, как старшие братья! Будьте хорошими наставниками. Учите солдат добру, смелости и воинскому искусству. Кому доведется служить на далекой глухой окраине, не скучайте, не тоскуйте, помните, что вы охраняете Российскую Империю. На вас, юнкера Павловского училища, я всегда надеюсь и верю, что, как вы были прекрасными юнкерами, так будете и образцовыми офицерами Моей славной Армии…Мы закричали ура…Флигель-адъютанты передавали каждому из нас Высочайшие приказы о производстве в офицеры. Это были толстые тетради сероватой «казенной» бумаги. На верху

крупными, какими-то «казенными» буквами было напечатано: Высочайший приказ. По военному ведомству. 10-го августа 1889-го года. В Красном Селе.

Ниже мелкими обыкновенными буквами шло перечисление училищ и произведенных из них юнкеров…Каждый из нас листал тетрадь приказа, ища свою фамилию в длинном списке произведенных…Моей фамилии долго нет. Прошли произведенные из нашего училища в артиллерию, в саперные батальоны и, наконец:

> По казачьим войскам:
>
> В хорунжие: — из фельдфебелей Краснов в комплект Донских казачьих полков, с прикомандированием по Высочайшему повелению к Лейб-Гвардии Атаманскому Е.И.В.Г.Н.Ц. (Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича — В.А.) полку.

Дальше я не смотрел. У меня от волнения и усталости темнело в глазах. Я свернул приказ трубкой и положил его под погон…».

В 1890 году хорунжий Краснов был зачислен в Лейб-Гвардии Атаманский полк. Всей душой отдавшись службе, Петр Николаевич очень скоро стал исправным строевым офицером и выдающимся спортсменом-конником. Посетители конных соревнований в Михайловском манеже и скачек в Красном Селе нередко видели среди участников конных состязаний молодого красивого «атаманца» Краснова. Плотная загрузка в полку, не оставлявшая, на первый взгляд, и крупицы свободного времени, отнюдь не помешала раннему проявлению фамильной литературной одаренности Петра Николаевича.

Литературный дебют

17 (29) марта 1891 года в газете «Русский инвалид» была опубликована его статья «Казачий шатер полковника Чеботарева». Ее появление ознаменовало собой начало необычайно плодотворной литературно-публицистической деятельности генерала Краснова. С этого памятного дня его статьи и очерки, под общим, принятым в те годы названием «фельетонов», регулярно помещались на страницах «Русского Инвалида». Кроме того, Петр Николаевич, в качестве журналиста и военного обозревателя, стал также привлекаться к сотрудничеству в журналах «Разведчик», «Вестник русской конницы» и многих других солидных и серьезных изданиях тогдашней русской периодики.

В 1893 году вышел в свет его первый сборник «На озере», вслед за которым с завидной периодичностью, почти что ежегодно, в дополнение к журналистской работе, стали появляться интересные, часто весьма объемные, книги молодого военного литератора. П.Н. Краснов до конца своих дней отличался завидной, если не сказать — поистине чудовищной работоспособностью. Его умение с невероятной быстротой, в отсутствие элементарных условий, казалось бы, необходимых для нормального литературного творчества (досуг, отдельный кабинет, библиотека под рукой и проч.), творить абсолютно разноплановые и разные по жанру произведения вызывало неизменное изумление у современников и продолжает вызывать его у потомков. Естественно, все это неизбежно сказывалось на глубине проработки деталей и в особенности стиля отдельных произведений Краснова, с чем автор, вообще-то бывший (не в пример многим другим) чрезмерно скромным в оценке собственного творчества, впрочем, всегда сам самокритично и охотно соглашался

«Мы академиев не кончали…»

1894 год был ознаменован в жизни Петра Николаевича событием, являвшимся осуществлением самой заветной мечты для множества русских офицеров. Он был принят в Николаевскую Академию Генерального Штаба. Но по прошествии всего года учебы в Академии, по собственному желанию вернулся в полк. Дело в том, что всесильный тогда начальник Академии генерал Н.Н. Сухотин позволил себе в крайне бестактной форме задеть

самолюбие молодого офицера, что и вынудило Петра Николаевича бросить Академию. Возможно, данный эпизод из жизни Петра Николаевича и не заслуживал бы упоминания, если бы за ним не скрывалось гораздо более важного и печального для судьбы Русской Армии, а тем самым — самой Российской Империи, как государства, в первую очередь, не торгового, не промышленного, а военного, «чье предназначение — внушать страх и ужас соседям» — обстоятельства.

По мнению ряда видных русских генералов — в частности, Н.Н. Головина и Ф.В. Винберга — мнению, мало известному широкой российской публике даже тогда (а тем более в наше время!), Академия Генерального Штаба и практиковавшийся в ней стиль преподавания стали резко портиться с конца 80-х — начала 90-х годов XIX века. Столь необходимое для армии широкое военное образование и просвещение стало как бы исподволь заменяться зубрежкой возможно большего количества учебников, а качество образования — подменяться количеством вдалбливаемых слушателям сведений. Талантливые офицеры нередко «срезались» на не имевших никакого значения мелочах.

Как пишет в своей книге «Крестный путь» генерал Ф.В. Винберг: «Академия стала походить на дореформенную бурсу. Сильно развивавшаяся конкуренция между учащимися развращала нравы как обучаемых, так и обучающих. Качественный уровень профессорского персонала стал сильно понижаться. Во взаимных отношениях стали все чаще наблюдаться недостойные военной среды заискивание, искательство, интриги, карьеристические происки».

Репутация Академии Генерального Штаба неуклонно падала, а вместе с ней падал и уровень офицеров, поступавших в Академию из чисто карьерных соображений, и пополнявших затем кадры Генерального Штаба. Создавался тип выскочки-честолюбца.

Как писал тот же генерал Винберг: «Создалась среда, в которую легко могли проникнуть масонские влияния, гораздо легче, чем в строевой состав Армии, огражденный корпоративным духом полковых традиций».

С начала 1900-х годов, когда резко усилилось влияние Генерального Штаба на войсковую жизнь и проникновение выпускников Академии на командные должности в обход строевых офицеров, выпускники этой Академии заслужили в Русском Офицерском Корпусе мало почетное прозвище «моменты». К 1917 году уже три четверти всех полковых командиров всех родов войск (кроме кавалерии!) и большинство начальников дивизий были выходцами из «Черного Войска», как в

Армии полупрезрительно именовались кадры Генерального Штаба.

На совести Генерального Штаба было много неудач Русской Армии в Великой войне, которых могло и не быть. В частности — преступное уничтожение кадров доблестной Императорской Гвардии в совершенно второстепенных операциях, и многое другое. Пороки и недостатки своего Генерального Штаба незадолго до февраля 1917 года осознал, наконец, и сам Верховный Главнокомандующий — Государь Император Николай Александрович, сказавший в частной беседе, что после войны Генеральный Штаб ответит Ему за все.

Не исключено, что именно эти слова, неосторожно сказанные Царем, и послужили детонатором февральского переворота. Чтобы не попасть на суд пред Очи Государевы, «моменты» предпочли опуститься до участия в заговоре против Государя, содействия государственному перевороту и отречению Царя. Переворот 1 марта (роковой день, в который в 1881 году был сражен бомбой террориста-«народовольца» Царь-Освободитель Александр II) 1917 года стал возможным лишь благодаря наличию масонского ядра в центре и толще нашего Генерального Штаба.

После «октябрьской революции» немалое число «моментов» в высоких чинах поспешило перейти на службу к большевикам.

Сказанное, разумеется, не означает, что среди многочисленных выпускников Академии Генерального Штаба до самых последних дней ее существования не было верных, порядочных, честных и храбрых офицеров и даровитых военачальников. Не о них здесь речь, ибо не они, к несчастью, владели «контрольным пакетом» в рамках организации, которая была призвана самый смысл своего существования видеть в спасении Родины и Государя, а вместо этого способствовала гибели сперва Государя, а затем и Родины. Впервые во всей Русской истории высшие военачальники страны нарушили в роковом феврале 1917 году Присягу и Крестное целование, ввергнув Отечество и себя самих в пучину бедствий, конца которым не видно и по сей день.

Что же касается судьбы Петра Николаевича Краснова, то неудачный дебют в Академии окончательно и бесповоротно определил весь его дальнейший жизненный путь — путь строевого кавалерийского офицера и военного писателя-публициста.

В 1896 году Петр Николаевич сочетался законным браком с Лидией Федоровной Грюнейзен (1870–1949), известной камерной певицей, ставшей его верной спутницей и другом во всех тяготах,

походах и скитаниях его героической жизни вплоть до трагического дня 28 мая 1945 года а австрийском городке Лиенце — месте казачьей Голгофы — когда она почувствовала и поняла, что больше никогда не увидит своего Генерала. Четыре года прожила она после этого в одиночестве, пережив казнь мужа на два года, и тихо угасла 23 июля 1949 года в местечке Вальдензее близ Мюнхена.

А пока что на дворе 1896 год. П.Н. Краснов — блестящий офицер блестящего Атаманского полка в самой благополучной и могущественной стране тогдашнего мира — Российской Империи — и вся жизнь впереди.

Скитания, правда, начались уже в следующем 1897 году, когда, по Высочайшему Повелению, сотник Краснов, в качестве Начальника казачьего Конвоя Русской Миссии полковника Артамонова, был послан в далекую, полусказочную Абиссинию (как тогда называлась Эфиопия). Эта командировка стала первым серьезным испытанием его энергии, воли и бесстрашия. Опасности пути, ежедневные лишения, тяжелые переходы по безводным пустыням Абиссинии и по ее непроходимым девственным лесам, воспетым Николаем Гумилевым, закалили богато одаренную натуру будущего Генерала и Атамана.

Из Абиссинии П.Н. Краснов был послан в Россию курьером с весьма нужными секретными бумагами, которые доставил на 30-й день, затратив на пробег на муле 1000-верстного расстояния от Аддис-Абебы всего 11 дней.

«Дневник Начальника Конвоя Российской Императорской Миссии в Абиссинии» был напечатан в 1898 году в «Военном Сборнике» и обратил на себя всеобщее внимание. П.Н. Краснов был приглашен в «Русский Инвалид» постоянным сотрудником. На страницах этой газеты, ставшей при редакторе полковнике Поливанове крупным военным литературным органом, реалистично живописующим быт Армии, еженедельно появлялись фельетоны, подписанные Гр. А.Д. (Град — имя любимой строевой лошади Петра Николаевича).

Статьи Петра Николаевича и его художественные и исторические произведения живо интересовали офицерство, оценившее его тонкое понимание души военного человека, профессиональное описание военного быта, походов, сражений и их участников — от рядовых бойцов до высших офицеров, и с огромным интересом читались на всем необъятном пространстве Российской Империи.

В 1901 году, в период занятия русской армией Маньчжурии — стратегически важной для Российской Империи территории на Дальнем Востоке — был опубликован цикл статей П.Н. Краснова — своего рода путеводитель по боевым действиям. В результате из-под его пера вышел целый ряд научных статей и серьезных очерков.

В 1902 году последовала командировка Краснова в Закавказье. С поста на пост, верхом, Петр Николаевич объездил всю турецкую и персидскую границы. Об этом нигде не говорится, но, кажется, Петр Николаевич был (подобно другому казачьему сыну — генералу Л.Г. Корнилову) ко всему, еще и очень неплохим

полевым разведчиком.

Стратегические маневры Армии под Курском в 1903 году вновь привлекают перо военного обозревателя П.Н. Краснова. Популярность его растет, и материалы его просят к публикации такие массовые издания, как «Нива», «Биржевые ведомости» и «Петербургская газета».

В 1904 году — с началом Русско-японской войны — Петр Николаевич немедленно командируется в штаб Маньчжурской Армии фронтовым корреспондентом. Но, видно, не раз пришлось лейб-гвардейцу менять перо на шашку: об этом красноречиво свидетельствуют полученные им боевые ордена, включая «Анну» IV степени с надписью «За храбрость».

Орден Святого Равноапостольного князя Владимира IV степени с мечами и бантом, а затем и мечи к Станиславу III степени отметили его боевой путь.

А сразу после войны в Санкт-Петербурге был прекрасно издан капитальный труд военного журналиста П.Н. Краснова «Год войны» — талантливое описание войны с Японией, охватывающее период с февраля 1904 по апрель 1905 года, содержащее глубокие выводы о том, как воевать, чтобы не быть побежденными, и сохранившее актуальность и в наши дни (а может быть, именно в наши дни приобретшее небывалую дотоле актуальность!).

В промежутках между вышеперечисленными командировками шла напряженная строевая служба. С 1902 по 1907 год П.Н. Краснов состоит в Лейб-гвардии Атаманском полку полковым адъютантом, а затем командиром 3-й (штандартной) сотни. К этому времени относится следующее событие, оставившее глубокий след в душе будущего генерала Краснова, в котором он всегда вспоминал с огромным волнением.

В январе 1906 года, когда Наследнику Цесаревичу Алексею Николаевичу было всего полтора года, Государь Николай Александрович решил показать Его, как Шефа, Лейб-Гвардии Атаманскому полку:

«Государь взял на руки Наследника и медленно пошел с ним вдоль фронта казаков. Я стоял, — вспоминал генерал Краснов, — во фланге своей 3-ей сотни и оттуда заметил, что шашки в руках казаков первой и второй сотен качались. Досада сжала сердце: «Неужели устали? Этакие бабы! Разморились!» Государь подошел к флангу моей сотни и поздоровался с ней. Я пошел за Государем и смотрел в глаза казакам, наблюдая, чтобы у меня-то, в моей штандартной вымуштрованной сотне, не было качанья шашек. Нагнулся наш серебряный штандарт с черным двуглавым орлом, и по лицу бородача красавца вахмистра потекли непроизвольные слезы. И по мере того, как Государь шел с наследником вдоль

фронта, плакали казаки, и качались шашки в грубых мозолистых руках, и остановить это качанье я не мог и не хотел».

В 1907 году П.Н. Краснов решает продолжать свое образование. Жизнь профессионального военного в Императорской России представляла собой обязательное чередование службы и учебы, и интеллектуальная подготовка тогдашнего русского офицера ни в чем не уступала строевой. На этот раз он выбрал Офицерскую Кавалерийскую Школу — лучшее в Империи учебное заведение для офицеров-конников. Как всегда — первый выпускник школы, после прохождения обязательного двухгодичного курса Петр Николаевич был оставлен при Школе начальником Казачьего отдела.

Тяжелая и ответственная работа по формированию кадров наилучших конников из числа казачьих офицеров не освобождает Краснова от других, не менее важных командировок. Так, в мае 1909 года он отправляется для проверки качества боевой подготовки на учебных сборах с льготными казаками в Донском и Оренбургском войске. В июле с той же целью командируется в Терское и Уральское казачьи войска.

В 1910 году Краснов получает новое звание и назначение: «За отличие по службе производится в полковники с зачислением по Донскому казачьему войску и назначается командиром 1-го Сибирского Ермака Тимофеева полка, оставаясь в прикомандировании к Офицерской Школе». Командуя полком, временно командует бригадой, временно исполняет должность начальника гарнизона города Джаркента.

Под командованием П.Н. Краснова полк, расположенный на границе с Китаем в Степном генерал-губернаторстве, в тысяче верст от ближайшей железнодорожной станции, становится одним из лучших полков во всей Русской Императорской Армии. Полковник Краснов честно и исправно нес нелегкую службу по охране Российской Империи. Будь Император Александр III еще жив, он остался бы доволен Своим Павловским юнкером. Воспоминания об этом счастливом времени, «На рубеже Китая», генерал издал, много лет спустя, в Париже, перед началом Второй мировой войны.

Хотят ли русские войны?

Поздней осенью 1913 года полковника Краснова перемещают с китайской границы на австрийскую, из «пустыни Тартарии» в город Замостье (ныне — Замосьц, центр Замосцьского воеводства на юго-востоке Польши) командиром 10-го Донского казачьего генерала Луковкина полка. Именно Замостью всего через несколько лет было суждено стать ареной ожесточенных боев между поработившими Россию, покорившими Тихий Дон и рвавшимися, под лозунгом: «Даешь Варшаву, дай Берлин, уж врезались мы в Крым!» раздувать пламя мировой революции в Европу (чтобы все было «по Марксу-Энгельсу»!) конными армиями красных и польскими легионами «начальника панства» Юзефа Пилсудского (благополучно забывшего социалистические идеалы своей юности, приведшие его в сибирскую ссылку по тому же делу о покушении на жизнь Священной Особы Царя-Миротворца, за участие в котором был повешен старший брат Ульянова-Ленина, Александр). Именно об этих боях под Замостьем пели «былинники речистые» большевицкой Красной кавалерии свою людоедскую песню:

На Дону и в Замостье тлеют белые кости,
Над костями шумят ветерки.
Помнят псы-атаманы, помнят польские паны
Конармейские наши клинки!

«Польские паны» — это про «белополяков» Юзефа Пилсудского. «Псы-атаманы» — про соратников П.Н. Краснова.

Но до этой, Первой Гражданской, войны, было еще далеко. А вот до начала Первой мировой войны оставалось меньше года. 10-й полк являлся полком прикрытия границы и подлежал 6-часовой мобилизации в случае угрозы войны. В своей необычайно интересной книге «Накануне войны» Петр Николаевич подробно описал подготовку полка к войне и его участие в боевых действиях на начальных этапах.

Он отмечает гигантскую работу, проведенную командованием Русской Императорской Армии после японской войны с целью устранения упущений в боевой подготовке и материальном снабжении российских войск. По всем параметрам

наша армия 1914 года стояла выше армий возможных противников (во всяком случае — австро-венгров), что и показала со всей наглядностью поистине блестящая Галицийская операция 1914 года. Генерал Краснов говорит о прекрасном офицерском составе, об урядниках и казаках полка, об укомплектовании его сверх штата (имея в виду 6-часовую мобилизацию) людьми, конским составом и всевозможным воинским довольствием. Сотни полка насчитывали по 16 рядов во взводах (вместо штатных 14–15).

Один из лучших инструкторов кавалерии в Императорской Армии, полковник Краснов, за отпущенное ему недолгое время, сумел отшлифовать вверенную ему часть до гвардейского блеска по выездке и боевой подготовке, что отмечалось высоким начальством и, в частности, генералом А.А. Брусиловым (который сам был Божьей милостью конником) сразу после маневров. Да, все в полку Краснова было готово к грядущей войне. Но хотели ли мы ее? — вспоминал генерал Краснов свои тогдашние мысли и чувства. Военных часто обвиняют, что именно они — главная причина возникновения войны. Их честолюбие, их славолюбие и даже, будто бы, корысть увлекают их на войну.

Хотели ли мы войны?

Петр Николаевич убедительно показывает, что строевой русский офицер, строевой начальник — как охранитель покоя и безопасности Российской Империи — не мог хотеть войны с Германией и не хотел ее.

Но было, — пишет он далее, — у нас, кадровых офицеров, людей военной касты, отдавших всю жизнь военному делу, одно совсем особенное чувство.

Мы сознавали, что теперь мы готовы к войне, и мы знаем, что такое война, и как в ней нужно поступать. У нас не повторятся ошибки Русско-Японской войны, и потому было сознание, что теперь мы победим, хотя бы и самих немцев, о непобедимости которых мы были наслышаны со школьной скамьи. И было это чувство подобно чувству школьника перед экзаменом из какого-нибудь особенно трудного предмета. И страшно…и хочется быть вызванным, потому что знаешь, что ответишь хорошо. Мы знали, что на новой войне мы ответим хорошо…на двенадцать баллов! Как переменилась Русская армия после Японской войны! Нельзя и сравнивать того, что было, с тем, что есть. Я помню Донские армейские полки за год до Японской войны на больших курских маневрах. Плохие лошаденки, небрежная неряшливая седловка, оборванные вьюки, сосновые пики различной длины, потому что они ломались, и ломались обычно на конце, где петля, и их не заменяли, но перевязывали, петлею к обломку, и такие пики производили впечатление игрушечного дреколья; на маневре жиденькая одно-шереножная лава, вялое гиканье, стрельба с коня и джигитовка. В пехоте — густые цепи, близкие поддержки в сомкнутом строю, атаки с музыкой и барабанным боем, плохое самоокапывание, батареи на открытых позициях, выровненные, как на картинке — все это теперь, а прошло едва десять лет, казалось нам точно прошедшим веком. У нас было все новое и по-новому. Мы знали между тем, что соседей наших (австро-германцев) это новое почти не коснулось. И потому — в общем нежелании войны — было и некоторое хотение помериться силами, держать экзамен, ибо знали мы, что на этот раз выдержим и победим. В Японскую войну кавалерия выступала без биноклей, даже и у офицеров. Теперь И.Н. Фарафонов в полковом цейхгаузе с гордостью подвел меня к стене, увешанной длинными рядами биноклей в футлярах.

— Эти, в желтой кожи футлярах — цейсовские, на всех офицеров полка, — сказал он мне.

— А те, в черных, очень хорошие призматические — на

урядников полка.

И вот в душе боролись сложнейшие чувства: с такими людьми и лошадьми и с таким богато снаряженным полком мы, несомненно, победим…И нам хотелось победы. Но, победив, мы потеряем и людей, и лошадей, и все это снаряжение и имущество…Болью сжимало сердце, ибо, с чем останешься?

— Так вы думаете, Иван Николаевич, — выходя из цейхгауза, сказал я, — войны не будет?

— Кто это знает, кроме Бога? Но верю — Государь не допустит войны. Ну, а когда все это в войне потеряем? Что останется? Вы знаете, что «дома» делается. Пропаганда и брожение придавлены, но они идут, а если мы все это потеряем — Фарафонов широким жестом показал на цейхгауз, у которого полковой каптенармус с разводящим навешивали замки и накладывали печати, — с чем и с кем мы пойдем бороться с подлинными врагами России?…

Мыслящие офицеры Русской Императорской армии в 1914 году понимали, кто является подлинным врагом России.

К несчастью, худшее из того, что могло случиться, случилось.

«В 1914 году, говоря словами самого Петра Николаевича из его романа «За Чертополохом», — тем, кому нужно было погубить Россию, мировому масонству, удалось втравить ее в войну».

Иван Николаевич Фарафонов, войсковой старшина, помощник по хозяйственной части командира полка и прекрасный боевой офицер, принявший П.Н. Краснова в 10-й полк в мае 1915 года, человек «кристаллической» честности, аскет, бессребреник и фанатик военного дела, доведший материальную часть полка до совершенства — «хоть завтра в поход!», вплоть до постоянно обновляемых карт противостоящих австрийских частей, доведенных до каждого офицера полка, был убит зимой черного для России 1917 года большевиками. Как позднее писал П.Н. Краснов в своей патриотической антиутопии «За Чертополохом»:

«И стали гибнуть лучшие люди. И когда они погибли, подняла голову…пьяная, паршивая Русь, все отрицающая, над всем смеющаяся, и сорвала в несколько часов остатки красоты былой Руси, Руси Царской. Руси Императорской…И стала советская республика. Олицетворением ее стал Ленин. Вы видали его портреты! Ведь это тот самый пьяный мужик, вшами покрытый, грязный и никчемный, только вырядившийся в короткий пиджак и примаслившийся партийной ученостью».

А что касается «выдуманных» (якобы!) «черносотенцами» масонов, то «Комсомольская правда» 24-миллионным тиражом в № 132 от 24 июля 2001 года на стр. 21 совершенно откровенно

сообщила в своем интервью с Председателем Российского Дворянского Собрания Америки князем Алексеем Щербатовым, одним из последних друзей А.Ф. Керенского, о том, что Государя Императора Николая II арестовали по приказу масонов, что республику в России 1 сентября 1917 года (не дожидаясь решения Учредительного Собрания о будущем государственном устройстве нашей страны!) масон 33-й степени Александр Федорович Керенский объявил по приказу масонов и т. д. Все это со слов самого Керенского, из его бесед со Щербатовым. Разумеется, во всем этом нет ничего нового для людей, знакомых с вопросом, кроме одного, весьма многозначительного, обстоятельства. Газета с таким тиражом и влиянием не может не быть под руководством тех самых, не к ночи будь помянутых. За гораздо более скромные сообщения о роли масонов в «буржуазно-демократической» Февральской революции 1917 года еще сравнительно недавно был подвергнут остракизму даже вполне прокоммунистический советский историк профессор Н.Н. Яковлев (тот самый, что получил публично оплеуху от академика А.Д. Сахарова за критические печатные отзывы о супруге последнего Е.П. Боннэр), осмелившийся опубликовать их в своей книге «1 августа 1914», увидевшую свет в 1974 и с великим трудом переизданную только в 1993 году.

Это спокойное и откровенное сообщение «Комсомольской правды», прозвучавшее на весь «бывший Советский Союз», непреложно свидетельствовало о том, что к моменту его публикации власть «вольных каменщиков» на территории бывшей Российской Империи стала настолько сильной, что они уже правды не боятся. Впрочем, все это — лирические отступления, а в конце июля 1914 года полковник П.Н. Краснов, отправив жену с остальными полковыми дамами на автобусе в Варшаву и навсегда оставив за собой созданный за восемнадцать лет семейной жизни скромный домашний уют, удостоился «высокого счастья» выступить во главе своего любимого 10-го Донского полка на Первую мировую, или, как до конца своих дней говорили ее участники — Великую, Вторую Отечественную (или Великую Отечественную) Войну.

На Великой Отечественной

Настало время дать отчет за все годы службы и накопленные знания и умения. Петр Николаевич Краснов, мало сказать хорошо, блестяще справляется с этой очень нелегкой задачей, утвердив за собой заслуженную славу не только талантливого, но и удачливого — «счастливого» — командира Русской Императорской конницы. В кровавой мясорубке величайшей из войн, которые до 1914 года вело человечество за всю свою письменную историю, генерал Краснов прославился тем, что с минимальными потерями победоносно выходил из самых безнадежных ситуаций, возбуждая и поддерживая в своих подчиненных непоколебимую веру в свое воинское счастье. Его пример лучше других разоблачает ложь советского официоза о том, что «царские генералы-де не берегли солдата, исходя якобы из принципа: «Бабы еще нарожают!».

Такой людоедский и «шапкозакидательский» принцип был характерен как раз для советских «героев мировой революции», которым русской крови действительно было не жалко — ведь Россия со своим народом была для них не более чем «вязанкой дров в костер мировой революции» — по «крылатому» выражению Троцкого, сформулированному Лениным в еще более краткой, но оттого не менее убийственной форме: «А на Россию мне плевать! Я большевик!».

А вот П.Н. Краснов всегда берег казака и солдата, почитая (и справедливо!) их «золотым фондом», лучшими людьми страны. Радовался их воинским достижениям и всем сердцем любил казака и мужика, одетых в форму Российской Императорской Армии. В ноябре 1914 года П.Н. Краснов, произведенный за боевые заслуги в генерал-майоры, стал командиром бригады в 1-й Донской казачьей дивизии 3-го кавалерийского корпуса генерала графа Ф.А. Келлера. Факт почти мистический: в составе 3-го конного корпуса генерал Краснов вступил в Первую мировую войну и командиром его закончил эту войну, демобилизовав и распустив его по домам в январе кровавого 1918 года.

Вскоре из командиров бригады 1-й Донской дивизии генерала Краснова переводят в командиры 3-й бригады так называемой Туземной, или Дикой, Дивизии — одной из лучших кавалерийских частей Русской Императорской Армии, под командованием невероятной храбрости командира — брата Самого Царя, Великого Князя Михаила Александровича. После шести месяцев боев и походов во главе 3-й бригады Туземной

дивизии, генерал Краснов летом 1915 года получает под свое начало 2-ю Сводную Казачью дивизию, командуя которой до лета 1917 года, он удостаивается многочисленных боевых наград, включая Золотое оружие (награждение которым приравнивалось к награждению Императорским Военным Орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия).

10 июня 1917 года генерал П.Н. Краснов был переведен в начальники 1-й Кубанской казачьей дивизии и командовал ею до 26 августа 1917 года, когда, вызванный в Ставку Главковерхом Корниловым, принял командование 3-й конным корпусом, уже двинувшимся в эшелонах на Петроград. На высокой строевой должности командира этого знаменитого корпуса и завершилось личное участие Петра Николаевича в Великой Отечественной войне.

Но расскажем об этом славном периоде жизни генерала Краснова чуть подробнее.

1914 и 1915 годы были для Петра Николаевича временем непрерывных походов, стычек и боев, то авангардных — в пору наступлений наших армий в 1914 году, то арьергардных — при отходе 1915 года под ударами «тарана Маккензена», когда, из-за изменнической деятельности Думы и других врагов Российской государственности, на фронте почти не было снарядов и патронов. Именно в это трагическое время казачьи части под командованием генерала Краснова успешно выполняли ответственные задания по прикрытию отходящих пехотных и артиллерийских частей.

В 1916 году возобновились наступательные действия Русской Императорской армии, в ходе которых генерал Краснов принял участие в знаменитом Луцком прорыве генерала Каледина (составной части Брусиловского прорыва).

На счету Краснова были:

— взятие с 10-м Донским казачьим полком 1/14 августа 1914 года с боя местечка Белжец и станции Любича, со взрывом железнодорожного моста у этой станции, за каковое дело Петр Николаевич и был награжден Георгиевским оружием;

— участие в составе XIX армейского корпуса генерала Горбатовского в Томашевском сражении с 6/19 по 17/30 августа. В ходе этого сражения полковник Краснов с 10-м и 39-м Донскими казачьими полками и, временами, с 6-й Донской казачьей батареей на широком фронте в течение многих суток сковывал неприятеля, сдерживал пехотную бригаду австрийской армии Ауфенберга; при этом брались пленные, пулеметы и орудия; за боевые отличия в этих делах полковник Краснов был произведен в генерал-майоры;

— ноябрьские бои под Дзвоновицами (Дзволовицами), где П.Н. Краснов участвовал в рукопашном бою и взял за три дня 3000 пленных.

О боях под Дзволовицами казаки 3-й сотни 10-го Донского полка сложили (причем сами, без малейшего участия офицеров!) бесхитростную песню. Вот две строфы из нее:

Налетел орлом крылатым
Генерал-майор Краснов.
Он с полком своим Десятым
Бьет Отечества врагов…

Уж казаки вытесняют
Вражью цепь из Дзвоновиц
И в стодолы заглядают,
Не засел ли там австрийц…

В феврале и в первых числах марта 1915 года разгорелись кровопролитные бои у Незвиска, где генерал Краснов был ранен пулей в плечо, но и раненый остался в строю. В зимний буран он во главе казачьей сотни атаковал венгерскую пехоту и взял в плен целый батальон со всем командным составом. Тогда же, при занятии Незвиска, было взято в плен 14 германских кавалерийских офицеров, 45 нижних чинов, 4 пулемета и много лошадей.

В марте 1915 года П.Н. Краснов участвовал в упорных трехдневных боях по обороне моста через Днестр. В конце марта-начале апреля, как командир бригады 1-й Донской казачьей дивизии 3-го конного корпуса графа Келлера, внес значительный вклад в блестящую победу корпуса над австрияками у Ржавенцов и Топороуца. Взял с боя деревню Малинцы, причем в плен было взято до 3000 австрийцев и захвачено различное войсковое имущество. В мае 1915 года командир 3-й бригады Кавказской Туземной дивизии генерал-майор П.Н. Краснов был награжден самой высшей из русских боевых наград — Орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия IV степени (далее цитируем Представление к Ордену):

«За то, что, командуя 29 мая 1915 года в арьергардном бою у города Залещики, отрядом из 214 и 215 ополченских дружин, одной роты 211 дружины, Черкасским, Ингушским, Дагестанским и Кабардинским конными полками, одной сотней Татарского конного полка, 3-м и 4-м Заамурскими при 4 конногорных

орудиях, весь день удерживал натиск превосходных сил неприятеля, а когда вечером неприятель прорвал расположение наше, атаковал прорвавшие части в конном строю четырьмя сотнями Заамурцев, смял и опрокинул их и прогнал за Днестр, при чем около 100 человек взял в плен».

Эта атака спасла положение всего конного корпуса. Свою победу и высокую награду сам П.Н. Краснов приписывал исключительно высокому боевому духу руководимых им войск и глубочайшей вере русского солдата (как христианского, так и мусульманского вероисповедания!), всегда готового положить свою душу за Бога, Царя и Отечество:

«В 1915 г. я командовал 3 бригадой Кавказской Туземной дивизии, состоящей из магометан: черкесов и ингушей.

В мае мы перешли через р. Днестр у Залещиков и направились к р. Прут. Утром мы вошли в селение Серафинце. Впереди неприятель. Дальше движение с огнем и боем. Я вызвал командиров и дал им боевую задачу. Старший из них, командир Ингушского конного полка полковник Мерчуле, мой товарищ по Офицерской кавалерийской школе, сказал мне:

— Разреши людям помолиться перед боем.

— Непременно.

На сельской площади полки стали в резервных колоннах. Перед строем выехали полковые муллы. Они были одеты так же, как всадники, в черкесках и папахах.

Стали «смирно». Наступила благоговейная тишина. Сидели на конях в шапках с молитвенно сложенными руками. Заключительное слово муллы. Еще мгновение тишины. Муллы подъехали ко мне.

— Можно вести! Люди готовы…

Люди были готовы на смерть и раны. Готовы на воинский подвиг. Они его совершили, проведя две недели в непрерывных боях до Прута и за Прут, и обратно, в грозном отходе за Днестр, к Залещикам, Дзвинячу и Жезаве. Сколько раз приходилось мне наблюдать, как Русские солдаты и казаки, получив приказание идти в бой, особенно в последний его эпизод — атаку, снимали фуражки и крестились.

…В старой, православной великой России вера отцов трогательно говорила нам о бессмертии души, о ее жизни бесконечной у Бога, там, где нет ни болезней, ни печали, ни воздыхания…

…Государство, которое отказывается от религии и от воспитания своей молодежи в вере в Бога, готовит себе гибель в материализме и эгоизме. Оно будет иметь трусливых солдат и нерешительных начальников. В день великой борьбы за свое

существование оно будет побеждено людьми, сознательно идущими на смерть, верующими в Бога и бессмертие своей души».

В июле 1915 года генерал Краснов получил назначение начальником 2-й Казачьей сводной дивизии в 4-м конном корпусе генерал-лейтенанта Я.Ф. Гилленшмидта. Петр Николаевич получил дивизию в момент, когда той, усталой и измотанной в непрерывных боях, выпала труднейшая задача прикрывать отступление наших отходящих армий. Входившие в состав потрепанной дивизии сильно поредевшие сотни имели по 7 рядов во взводах (вместо предвоенных 16 рядов!). С этими более чем скромными силами Красновская дивизия на 75-верстном фронте прикрывала безудержно откатывающуюся под артиллерийским «огневым валом» Маккензена русскую пехоту, спасая ее от верной гибели. Только искусный маневр начальника дивизии смог компенсировать недостаток сил. И это — при минимальных потерях! П.Н. Краснов воевал не по-жуковски («Война все спишет!»), а по-суворовски («Бей врага не числом, а умением!»).

По официальным данным потери дивизии, в период командования ею П.Н. Красновым, были действительно минимальными, как по сравнению с ее потерями при других командирах, так и по сравнению с другими дивизиями в аналогичной обстановке. Это разительно отличалось от установок иных «заслуженных» командующих: «Нет потерь — нет дела!» или: «Трупиков побольше!». Всей своей пламенной душой казак и генерал Петр Николаевич Краснов ненавидел эту, по сути дела, пораженческую установку. И это нередко мешало ему быстро продвигаться в чинах и званиях. Как говорится: «Жалует Царь, да не жалует псарь!».

В трагические лето и осень 1915 года произошел совершенно замечательный случай. Две сотни волгцев, чтобы отбросить наседающую с флангов германскую пехоту, ночью, в конном строю, хватают крестьянские косы (!) и ураганом выносятся из захваченного села, озаренные огнями рвущихся шрапнелей. Черные разрывы тяжелых снарядов и гранат, блеск лезвий кос — и германцы, не выдержав, под ударами шашек и кос, бросаются в рассыпную, бегут! Обе сотни волгцев в полном составе получают георгиевские кресты. Сразу после этого невероятного дела дивизию Краснова перебрасывают на стык Юго-Западного и Северо-Западного фронтов. «И отдыха нет на войне», как писал сэр Редьярд Киплинг. Враг, нащупав слабое место на стыке фронтов, угрожает глубоким прорывом.

С форсированного марша 2-я Казачья Сводная дивизия вступает в бой. Фронт прикрытия — 190 верст — и это при 7

рядах во взводах! Для перехвата инициативы у противника генерал Краснов задумывает и осуществляет глубокий рейд по вражеским тылам, в районе Ковеля. Паника в тылу германцев. Захвачены планы, секретные документы, уничтожены обозы, тыловые учреждения и штаб германской кавалерийской дивизии генерала фон Бернгарди, все перепутано и вражеское наступление сорвано! Захвачены богатые трофеи. Причем потерь с нашей стороны практически нет. Но вместо отдыха дивизия Краснова получает новое задание и бьется насмерть у Кухоцкой Воли. В лесах и болотах дерутся героические казаки героической дивизии, находясь круглые сутки под убийственным огнем германской артиллерии. В результате наголову разбита германская пехотная бригада, взята штурмом мощная железобетонная цитадель, прикрывающая данный участок фронта, взяты многочисленные пленные и трофеи. Наши потери:

Убито — 3 офицера, 37 казаков;
Ранено — 7 офицеров, 145 казаков.

И вновь, вместо заслуженного отдыха, дивизии Краснова придают бригаду 3-й Кавказской дивизии, и доблестные орлы Дона, Терека, Кубани и Оренбургских степей вновь совершают сокрушительный набег вглубь германского расположения.

Вновь паника среди германцев, и гордо реет среди бегущих толп врагов черный «значок смерти» знаменитого героя Кавказской войны казачьего генерала Бакланова, осеняющий теперь другого донского генерала — П.Н. Краснова. Там, где он — нет отступления, и звучит гимн победы. На черном шелковом полотнище значка, вышитом руками монахинь, «Адамова голова» — белый череп над перекрещенными костями — обрамленный заключительными словами православного Символа Веры: «ЧАЮ ВОСКРЕСЕНИЯ МЕРТВЫХ И ЖИЗНИ БУДУЩАГО ВЕКА. АМИНЬ».

После набега — нервная позиционная окопная война до мая 1916 года, а затем Красновская дивизия снова выходит на широкий фронт. В период легендарного Луцкого прорыва генерала Каледина — на решающем участке знаменитого Брусиловского прорыва! — дивизия генерала Краснова вносит в победу решающий вклад. В ходе трехдневных упорных боев его дивизия спешенными полками, при поддержке всего одного батальона пехоты, берет сильно укрепленную позицию неприятеля у деревни Вулька-Галузийская, захватив 800 пленных. Действия 2-й Сводной Казачьей конной дивизии в этих боях были отмечены в приказе по 4-му Кавалерийскому корпусу в следующих выражениях:

> «Славные Донцы, Волгцы и Линейцы, ваш кровавый бой 26-го мая у Вульки-Галузийской — новый ореол Славы в Истории ваших полков. Вы увлекли за собой пехоту, показав чудеса порыва. Бой 26 мая воочию показал, что может дать орлиная дивизия под руководством железной воли генерала Петра Краснова».

В этом бою Краснов был ранен ружейной пулей в ногу. 6/19 августа 1916 года конной атакой Донской бригады, сокрушившей австро-германцев у селения Тоболы, был спасен наш Червищенский плацдарм на реке Стоходе. В ходе этой блестящей атаки было взято более 600 пленных и разное военное имущество.

Участие в боевых действиях Великой войны (с полным основанием именуемой ее русскими участниками Второй или Великой Отечественной!), да еще в качестве командира высокого ранга, непрерывно пребывающего в войсках первого эшелона, на передовой, отнимало у генерала Краснова все время и силы.

Но даже в таких невероятно трудных условиях он не оставлял литературной работы. В «Русском Инвалиде» регулярно публиковались его описания боевых действий, а в 1915 году целых два (!) романа П.Н. Краснова — «Погром» (о русско-японской войне) и «В житейском море».

Работа Краснова в «Русском Инвалиде» продолжалась до самого закрытия издания после февральского переворота 1917 года, после восхваляемой на все лады врагами исторической России «Великой бескровной» революцией (хотя в действительности эта «великая бескровная» началась с убийства офицера Лейб-гвардии Волынского полка своим подчиненным и истребления на улицах Петрограда городовых — последних защитников Богом установленного монархического строя и сопровождалась вакханалией убийств полицейских, офицеров и генералов Русской армии, пока «плавно» не переросла в уже неприкрытую кровавую резню лучших представителей русского народа остервенелой большевицкой сворой)!

Черные дни «великой бескровной»

В инсценированной масонским Временным правительством февральских «демократов» пародии на Русскую Императорскую Армию под названием «Армия и Флот Свободной России» генерал Краснов принять участия не пожелал. Хотя наверняка не знал о том, что британский посол в Париже Ф. Берти, получив известие о «буржуазно-демократическом» февральском перевороте 1917 года в России, писал:

> «Нет больше России. Она распалась, и исчез идол в лице императора и религии, который связывал разные нации православной веры. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на Востоке, то есть Финляндии, Прибалтики, Польши, Украины и т. д., сколько бы их удалось сфабриковать, то по мне остальное может убираться к черту и вариться в собственном соку…»
>
> *(Цитируется по сборнику «Национальная политика России и современность» под редакцией В.А. Михайлова, М., 1997, с. 255).*

Свои переживания в период событий 1917 года, гибели Армии и Державы, Петр Николаевич описал в воспоминаниях «На внутреннем фронте», изданных в I томе «Архива Русской Революции» под редакцией Гессена (Берлин, 1922; Москва, «Терра», 1991, с. 97–190).

Расскажем же об этих черных днях, опираясь на мемуары самого генерала.

Февральский переворот 1917 года 2-я Сводная казачья дивизия встретила на фронте, на боевых позициях, в непосредственной близости к неприятелю. До августа 1917 года, когда ее, наконец, сменили и отвели в тыл для отдыха, дивизия держалась — почти как при «старом режиме». Сам начальник дивизии и все его офицеры верили (точней — хотели верить), что февральская «Великая бескровная революция» (при всем их отвращении к ней!), наконец, завершилась, что Временное Правительство, в полном соответствии со своим названием, пойдет быстрыми шагами к Учредительному Собранию, а Учредительное Собрание — к конституционной монархии, во главе с Великим Князем Михаилом Александровичем, в пользу которого отрекся от прародительского Престола Государь

Император Николай II. На Совет солдатских и рабочих депутатов смотрели как на что-то вроде нижней палаты будущего всероссийского парламента.

Но такое относительно благополучное положение сохранялось только до апреля 1917 года. Сразу же после отвода в тыл Красновская боевая дивизия стала немедленно разлагаться под влиянием красных агитаторов, постепенно превращаясь, подобно всей российской армии, в вооруженную банду.

Сознавая очевидную бессмысленность пребывания в рядах такой, с позволения сказать, армии, Петр Николаевич подал в отставку. Но командующий Особой Армией, генерал Балуев, его отставку не принял, ссылаясь на приказ А.Ф. Керенского — никаких отставок старших офицеров не принимать — и предложил ему возглавить 1-ю Кубанскую дивизию.

10 июня генерал Краснов прибыл в расположение своей новой дивизии в окрестностях Мозыря. До августа 1917 года он, с переменным успехом, пытался привести эту второочередную, состоявшую в основном из казаков старших сроков службы, дивизию в Божеский вид. Сначала дело, как ему казалось, пошло на лад. Страдавшая от бескормицы и плохого снабжения дивизия, стараниями ее начальника, постепенно принимала сытый и довольный вид. Краснову удалось даже начать занятия с казаками. Но, как пишет далее генерал в своих мемуарах:

«Несмотря на все эти внешние успехи, на душе у меня было смутно… Внешне полки были подтянуты, хорошо одеты и выправлены, но внутренне они ничего не стоили. Не было над ними «палки капрала», которой они боялись бы больше, чем пули неприятеля, и пуля неприятеля приобретала для них особое страшное значение.

Я переживал ужасную драму. Смерть казалась желанной. Ведь рухнуло все, чему молился, во что верил и что любил с самой колыбели в течение пятидесяти лет — погибла армия.

И все-таки надеялся…Думал, что постепенно окрепнет дивизия, вернется былая удаль — и мы еще сделаем дела и спасем Россию…

Между тем в армии неуклонно росла рознь между солдатами и офицерами, начало которой положил пресловутый Приказ № 1, составленный в недрах Петроградского Совета Солдатских и Рабочих Депутатов, при еще не вполне ясных по сей день обстоятельствах, и, кстати, формально адресованный отнюдь не всей русской армии, а только Петроградскому гарнизону. Этот приказ состоял из семи пунктов. Солдатам предписывалось:

1) Избирать полковые, батальонные и ротные комитеты, а также комитеты в военных учреждениях и на судах военного

флота;

2) Посылать депутатов в Петроградский Совет — по одному от роты;

3) Политически гарнизон подчиняется Совету и Комитетам;

4) Решения Совета преобладают над параллельными приказами военной комиссии Думы;

5) Держать оружие в распоряжении комитетов и «ни в коем случае не выдавать его офицерам даже по их требованию»;

6) Солдаты могут пользоваться всеми гражданскими свободами, предоставляемыми русским гражданам революцией, и не должны отдавать честь командирам вне службы;

7) Солдаты не должны терпеть грубого обращения командного состава, не должны титуловать командиров, запрещается обращаться к солдатам на «ты», а надо обращаться на «Вы».

Приказ № 1 был немедленно проведен в жизнь в Петроградском Гарнизоне — издан 1 марта 1917 года и на следующий день появился в «Известиях Совета».

В тысячах копий он немедленно разошелся по стране и, как злокачественная опухоль, мгновенно разъел живую ткань действующей армии. Как не поняли думцы, какую петлю им набросили на шею? Как не стыдно было генералу Корнилову и другим, даже после этого хамского приказа (вместо того, чтобы броситься в ноги Царю-Батюшке и, встав во главе верных частей, вырубить до корня и Кронштадта — всех, весь мятежный гарнизон, а, если надо, и весь город, с возомнившими себя «свободными» буржуями, интеллигентами и пролетариями!), поддерживать всю эту сволочь, мразь и хамов, да еще гордиться своим участием в аресте Государыни? А ведь 1–2 марта еще можно было повернуть колесо Истории вспять!

Правда, по словам адмирала А.В. Колчака, генерал Л.Г. Корнилов уже в апреле 1917 года резко изменил свое прежде довольно терпимое отношение к революционным «свободам» (участие в аресте Государыни с больными Царскими детьми и награждение унтер-офицера Волынского полка Кирпичникова за подлое, выстрелом в спину, убийство своего же офицера-«реакционера», положившее начало измене присяге всего петроградского гарнизона, Георгиевским крестом — да еще, по некоторым сведениям, на красной ленте!) и стал предлагать Временному правительству навести, наконец, порядок в стране и армии — любой ценой, пока еще возможно. Не дали! Однако не удивительно, что имя генерала Корнилова — а не, к примеру, Брусилова, которого неистовые толпы, как некоего революционного «папу», носили по улицам в изукрашенном

красными лентами кресле! — становится популярным в офицерской среде. «Офицеры ждали от него чуда — спасения армии, наступления, победы и мира, потому что понимали, что продолжать войну уже больше нельзя, но и мир получить без победы тоже нельзя. Для солдат имя Корнилова — наоборот — стало равнозначащим смертной казни и всяким наказаниям.

> «Корнилов хочет войны», — говорили они, — «а мы желаем мира».

Сведений об июльских днях в Петрограде и первой попытке большевиков захватить власть силой оружия в действующей армии практически не было, так что понять и оценить роковое значение начавшейся в верховном руководстве страны борьбы за власть, было трудно.

Поэтому полученная 24 августа телеграмма из Ставки от генерал-майора Д.П. Сазонова — бывшего помощника Походного Атамана Великого князя Бориса Владимировича («23 августа, 16 часов 57 минут Наштаверх приказал представить вас назначению коман-кор. Третьяго коннаго. Будьте готовы по телеграмме выехать к корпусу. Прошу заехать Ставку, Штаб-атаман, Генерал Сазонов») не могла вызвать у Петра Николаевича ничего, кроме удивления.

По имевшимся у него данным, 3-й конный корпус, которым командовал генерал Крымов, находился где-то на юге, в Херсонской губернии, и добираться к нему через Ставку, делая огромный крюк, было, по меньшей мере, странно.

О том, что 3-й конный корпус в действительности находился в движущихся на Петроград эшелонах, никто в окружении Краснова и не подозревал.

Будь это назначение в старое, дореволюционное время, генерал был бы счастлив. 3-й конный корпус, находившийся ранее под командой лучшего и храбрейшего кавалерийского командира Русской Императорской Армии, генерала от кавалерии графа Федора Артуровича Келлера (1857–1918), пользовался необычайно громкой боевой репутацией (о нем мы уже упоминали в описании жизненного пути генерала и гетмана П.П. Скоропадского).

Граф Ф.А. Келлер, о котором мы упоминали ранее в главе о «германском прихвостне» и «запроданце Москвы» — доблестном русском генерале и бесталанном (в исконном старорусском смысле этого слова, означавшем не «бездарный», как сегодня, а «несчастливый») гетмане Украины П.П. Скоропадском, был едва ли не единственным из крупных русских военачальников,

который, узнав об отречении Государя Императора Николая II, не поверил в добровольность этого отречения и предложил в телеграмме Царю все свои многие тысячи клинков — лучшие в русской кавалерии! — на подавление петроградского бунта. И весь корпус, как один человек, готов был идти за обожаемым командиром на выручку плененного, как казалось (и правильно казалось!) Государя. Не скрой предатель генерал Алексеев эту телеграмму от Царя, еще неизвестно, как повернулась бы Российская история.

Когда в войсках был получен текст присяги Временному правительству, граф Келлер отказался присягнуть этому правительству, сказав: «Я христианин. И думаю, что грешно менять присягу». Если бы так считали и все остальные генералы, офицеры и солдаты Российской Императорской армии, «великая бескровная» Февральская революция окончилась бы, не начавшись, и жили бы мы в какой-то другой, и думается, много лучшей стране. Видно, мало уже было в ту пору христиан (а тем более — христианских рыцарей!) в Русской Армии, и за это отвернулся от нас Господь Бог! Генерала графа Келлера под угрозой обвинения в бунте отрешили от командования 3-м конным корпусом, и в апреле 1917 года корпус принял генерал А.М. Крымов, популярный в войсках командир, человек выдающейся личной храбрости, но — увы! — не отличавшийся моральными устоями графа Келлера.

По некоторым данным, Крымов, наряду с генералами Алексеевым и Рузским, входил в петербургскую масонскую «военную ложу» и имел тесные сношения с ненавистником Императора Николая II А.И. Гучковым, так что его роль в отречении Государя до сих пор еще не вполне выяснена.

Будучи, тем не менее, русским патриотом — в соответствии с собственными представлениями о патриотизме, разумеется! — генерал Крымов, осознав, после провала «Корниловского мятежа», в котором он играл решающую роль, и резкого разговора с Керенским, что с армией, а значит — и с Россией покончено, застрелился на своей квартире (по другим сведениям — в кабинете министра Керенского) в Петрограде 31 августа 1917 года (или ему «помогли» застрелиться). Но это будут позже, а мы пока вернемся в 24 августа 1917 года, к моменту получения генералом Красновым упомянутой телеграммы из Ставки.

«Я имел счастье, — писал генерал, — в рядах этого корпуса командовать 10-м Донским казачьим полком и принять участие в громкой победе корпуса над австрийцами у селений Баламутовка, Малинцы, Ржавенцы и Топороуц, где мы захватили более 6000 пленных и большую добычу.

1-я Донская дивизия, входившая в состав этого корпуса, была для меня родною дивизией. Я в ней командовал полком в мирное время в Замостьи и с нею проделал весь поход с 1914 г. и до конца апреля 1915 г. Все офицеры, и даже казаки, были моими друзьями. Иметь ее в своем корпусе по-настоящему, это было бы величайшим счастьем».

Но в августе 1917 года, при общем развале армии и крушении всех идеалов — это сулило лишь новые горькие разочарования. За два дня, с 24 по 26 августа 1917 года, прошедшие между первой телеграммой, сообщавшей Краснову о планируемом назначении, и второй, от 26 августа, подписанной лично Корниловым, о немедленном прибытии в Ставку, в соседних частях произошел «эксцесс»: были убиты комиссар фронта Линде, начальник пехотной дивизии генерал-лейтенант Гиршфельд, а с ним — командир одного из полков и несколько офицеров. Генерал Краснов пытался, но не смог предотвратить эти убийства с помощью своих казаков, поскольку те в серьезных ситуациях сразу выходили из повиновения.

Сердечно прощаясь со своим полковым командиром генералом Гилленшмидтом, очень полюбившим Петра Николаевича за два года, после двух лет сражений плечом к плечу, генералы заговорили о том, что все время дамокловым мечом висело тогда над каждым русским офицером: угрозе смерти от руки своих же солдат. «Лишь бы не мучили, сказал мне Гилленшмидт…»

«Я не признаю мучений, отвечал я ему. Страшен первый удар. Но он несомненно вызывает притупление чувствительности, полубессознательное состояние, и дальнейшие удары уже не дают ни болевого, ни морального ощущения…»

Какие милые темы для разговоров между боевыми генералами действующей Русской армии, не правда ли? И это — летом 1917 года, еще задолго до большевицкого переворота!

28 августа 1917 года генерал Краснов прибыл в Могилев. Всю войну генерал провел «на позиции», по-теперешнему — на передовой, и в Ставке был впервые. Здесь он узнал, что Корнилов объявил Керенского изменником (а Керенский, в свою очередь, сделал то же самое по отношению к Корнилову), что необходимо арестовать Временное правительство и прочно занять Петроград верными Корнилову войсками. Тогда можно будет продолжать войну и победить германцев. С этой целью генерал Корнилов двинул на Петроград 3-й конный корпус, который, с приданной ему Кавказской Туземной дивизией, разворачивается в армию, командовать которой назначен генерал А.М. Крымов.

Туземная дивизия, с приданием к ней 1-го Осетинского и 1-го

Дагестанского полков, в свою очередь, разворачивается в Туземный корпус. А генерал Краснов должен принять у генерала Крымова 3-й конный корпус, чтобы освободить Крымова для командования новой армией.

Генерал Краснов сразу же отметил, что все эти развертывания осуществляются на ходу, и при этом не в настоящем боевом походе, а в железнодорожных эшелонах, представляющих собой идеальную питательную среду для большевицких и прочих заразных революционных бактерий.

Краснова очень удивило, что Корнилов, к несчастью для себя и России, не предпринял даже попытки выгрузить войска из эшелонов, устроить им смотр, провести по Могилеву церемониальным маршем, сказать войскам несколько зажигательных слов (не речь, Боже сохрани, не речь!), обещать награды здесь и венцы праведников — Там. Словом, придать творимому им государственному перевороту столь необходимый элемент театральности с харизматическим Вождем на белом коне, и столь необходимое русскому человеку ощущение Санкции Свыше. Как все это отличалось от того, как вел в атаку свой корпус граф Келлер!

«Я помню, — пишет генерал Краснов, — как граф Келлер повел нас на штурм Ржавенцов и Топороуца. Молчаливо, весенним утром на черном пахотном поле выстроились 48 эскадронов и сотен и 4 конные батареи. Раздались звуки труб, и на громадном коне, окруженный свитой, под развевающимся своим значком явился граф Келлер. Он что-то сказал солдатам и казакам. Никто ничего не слыхал, но заревела солдатская масса «ура», заглушая звуки труб, и потянулись по грязным весенним дорогам колонны. И когда был бой — казалось, что граф тут же и вот-вот появится со своим значком. И он был тут, он был в поле, и его видели даже там, где его не было. И шли на штурм весело и смело»…

Ничего подобного при так называемом «Корниловском мятеже» не было и в помине. Медленно ползли по ниткам железных дорог эшелоны, часами стояли на узловых и просто станциях, и личный состав частей — еще вчера бывших цветом и гордостью Русской армии — подвергаясь воздействию многочисленных агитаторов (а трудно ли обработать 40 человечков или 8 лошадей в отдельно взятом вагоне!) — превращался в навоз для «русской» и мировой революций.

Результат: по прибытии, согласно приказу Главковерха, в Псков, вновь назначенный комкор-3 генерал П.Н. Краснов был арестован комиссаром Северного фронта, сразу после получения известия о том, что генерал Крымов застрелился (?) в Петрограде.

«Мятеж Корнилова» закончился, так и не успев начаться, подавленный — и кем! — ничтожным Керенским! И храбрые русские генералы, которые еще в феврале советовали Государю уйти (без него-де они управятся лучше!), теперь прикладывали к виску холодные стволы или покорно шли в Быховскую тюрьму дожидаться расправы.

Генерала Краснова, однако, тогда миновала их участь — слишком очевидно было, что его «присоединили» к «мятежу» в самый последний момент, не введя совершенно в курс дела, и так и не дав вступить в командование 3-м конным корпусом. Он был освобожден из-под ареста и вновь утвержден командиром 3-го конного корпуса, но уже генералом Алексеевым — временным начальником штаба Верховного Главнокомандующего (на сей раз уже не Корнилова, а Керенского). Как бы то ни было, 3-й конный корпус являлся, на тот момент, единственной реальной силой, помешавшей большевикам захватить власть в столице и в стране еще в августе 17-го, и потому генерал Краснов принял новое назначение, сочтя Керенского все-таки меньшим злом, по сравнению с товарищами Лениным и Троцким.

Штаб корпуса находился в то время в Царском Селе, а части корпуса были дислоцированы в близлежащих к столице городах. Их присутствие вызывало постоянную нервную дрожь у будущих «вождей Великого Октября», непрерывно требовавших через Совет рабочих и солдатских депутатов увода страшного им корпуса подальше от Петрограда.

В противовес этим истеричным требованиям изменников Родины, генерал Краснов подал на имя Керенского тщательно проработанный проект формирования мощнейшей конной группы из верных Временному правительству кавалерийских и казачьих частей с сильной артиллерией и бронеавтомобилями. Согласно проекту Краснова, часть этой группы должна была постоянно находиться в самой столице, а часть — в непосредственной близости от Петрограда, в постоянной боевой готовности.

Проект был вручен генералом Красновым командующему войсками Петроградского военного округа, который принял у него этот рапорт-проект и передал его Керенскому. Трудно сказать, в каком из этих двух звеньев произошла утечка информации (а попросту говоря — обыкновенная измена), но уже на следующий день текст красновского проекта каким-то «непостижимым» образом был напечатан в пробольшевицких газетах с соответствующими критическими комментариями и требованием немедленно убрать «реакционный» корпус подальше от Петрограда.

«Душка» Керенский, неутомимо пиливший последний сук, на

котором сидел, поддался этим наглым требованиям «партии национальной измены», и 3-й конный корпус в сентябре 1917 года был переброшен в район городов Псков-Остров, и передан в распоряжение Главкома Северного фронта генерала Черемисова (сторонника большевиков, после октябрьского переворота открыто перешедшего на сторону победоносных агентов кайзера Вильгельма). Части корпуса были немедленно разбросаны на пространстве в сотни верст от Витебска до Ревеля. Начинался последний этап агонии Временного правительства, а с ним — и последних остатков исторической России.

Октябрьский переворот

25 октября (7 ноября) 1917 года генерал Краснов получил от Керенского паническую телеграмму с приказом спешно перебросить 3-й конный корпус под мятежный Петроград. На следующий день в Псков к Краснову прибыл и сам трусливо бежавший из Петрограда Керенский. Он приказал Краснову вести на Петроград весь наличный состав его корпуса (6 сотен 9-го Донского полка и 4 сотни 10-го Донского полка — всего семьсот казаков — вот и все, что осталось, стараниями того же Керенского и иже с ним, от доблестного 3-го конного корпуса графа Келлера!).

Генерал Краснов испытывал к Керенскому брезгливое презрение за его глупость, трусость и всю его мерзкопакостную деятельность по развалу России и армии, но в данном случае им обоим угрожал один общий враг. Точнее говоря, большевицкую братию генерал Краснов ни в тот момент, ни потом — до последних секунд своей земной жизни — не почитал за врагов в обычном смысле слова. Большевики были для него нежитью, нелюдью, нечистью, бесами, выползшими из преисподней. Загнать их обратно в преисподнюю (в союзе с кем угодно, хоть с самим Керенским!) Краснов, как верующий православный христианин, считал не просто военно-политической задачей, а своим долгом пред Господом.

Не жалкого, ничтожного, все на свете загадившего и предавшего Керенского защищал генерал Краснов в те трагические осенние дни, ведя с 26 октября/8 ноября по 1/14 ноября 1917 года с остатками своих войск отчаянно-смелый натиск на красный Петроград, пробиваясь сквозь многократно (более чем в 10 раз!) превосходившие его по численности отряды «красной гвардии» и «революционных матросов», от Гатчины на Царское Село (и взяв-таки его!) — нет, самого Сатану, выползшего красною гадюкой на Божий белый свет, намеревался он принять на свою казацкую шашку! Не последнюю роль в тотальном неприятии Красновым большевизма сыграл и факт практически 100 %-го иудейского состава первого большевицкого правительства. Многовековое противоборство христианства и иудаизма (во всех его обличиях и масках!) П. Н. Краснов рассматривал как опрокинутое в пласт земного бытия онтологическое противоборство Божественного начала с сатанинским. Компромисса здесь для него быть не могло. Что может быть общего у Света с Тьмой? И что за мир у Христа с велиаром?

Согласно некоторым данным, архиважным для будущей судьбы генерала Краснова (а может быть, и всей России в целом!), при решающем военном столкновении у Пулковских высот (всего 3 убитых и 28 раненых у казаков, более 400 убитых у большевиков — не считая раненых!), по поручению Ленина присутствовал будущий «кремлевский горец» и генсек ВКП (б) товарищ И.В. Сталин, который оказался так напуган натиском казачьих сотен (пусть малочисленных и смертельно усталых после трех лет оказавшейся бессмысленной войны!), что этого своего испуга он, со свойственной ему злопамятностью, не простил ни казакам, ни лично генералу Краснову даже тридцать лет спустя. Память у будущего красного генералиссимуса была отменная, и уже одно это может объяснить его, безусловно, повышенный интерес к личности и творчеству казачьего вождя.

Все же что-то символическое видится нам в том, что именно 3-му конному корпусу, которому изменники не дали спасти Россию в феврале 17-го, было предназначено судьбой сделать последнюю, отчаянную попытку спасти обломки России в октябре того же 1917 года.

Но неравенство сил было уж слишком вопиющим, и наступление 3-го корпуса на Петроград кончилось, как и следовало ожидать, окончательным разложением остатков утомленных боями казачьих сотен, мирными переговорами большевиков с «солдатскими комитетами», через голову «генералов», и увозом самого Краснова в бывший Смольный институт на большевицкую расправу.

Впрочем, вмешательство казаков 1-й Донской казачьей дивизии помешало «вождям Мировой революции» немедленно расправиться с командиром ненавистного корпуса. Краснов был отправлен, до поры-до времени, под домашний арест. Кстати, вопреки широко распространенному заблуждению, усердно тиражируемому многими историками и «популяризаторами истории», никакого обещания «прекратить борьбу против Советской власти и трудового народа» Краснов не давал, да никто от него такого обещания и не требовал. Матросы Гвардейского Экипажа помогли генералу и его людям выбраться из Смольного и отвезли их к Краснову домой в санитарном автомобиле. 6/19 ноября Донской Казачий Комитет раздобыл генералу пропуск на выезд из красного Питера.

Вечером 7/20 ноября генерал с женой, начальником штаба корпуса полковником С.П. Поповым и подхорунжим Кравцовым на автомашине штаба корпуса, в военной форме, при погонах и оружии, вырвались за заставу и в 10 вечера были уже в Новгороде, где и остановились взять бензин. В это время на

пустую петроградскую квартиру генерала явился, по приказу Троцкого, отряд «красной гвардии», чтобы арестовать Краснова. Но на этот раз щупальца красного спрута не смогли до него дотянуться.

Генерал Краснов поездом прибыл в Великие Луки, где расформировал части своего корпуса и отправил их по домам.

В Великих Луках генерал Краснов также составил официальное «Описание действий 3-го конного корпуса под Петроградом против советских войск с 25 октября по 8 ноября». В описании этом он воспроизвел все приказы свои и Керенского, все телеграммы и юзограммы, относившиеся к походу. Описание было напечатано в 100 экземплярах в типографии штаба корпуса. При разгроме штабного эшелона красными в Царицыне в январе 1918 года большевики с особым усердием — помимо самого Краснова, заочно приговоренного ими к смертной казни — искали и уничтожали эти книжки.

Единственный экземпляр, оставшийся у генерала, был передан им Павлу Николаевичу Милюкову и «пропал» у того в Киеве. Текст «На внутреннем фронте» был восстановлен Петром Николаевичем по памяти в июле 1920 года. Последний долг перед старой Россией был выполнен, и дальнейший путь Краснова лежал на Дон — единственное место, где гонимый генерал рассчитывал найти убежище от цепких лап главарей «мирового пролетариата» — ведь, по старой памяти, считалось, что «с Дону выдачи нет!».

Всевеликое Войско Донское

Казаки присягали на верность Великим Государям Московским и Всея Руси (позднее — Императорам и Самодержцам Всероссийским). С падением монархии в России данная присяга лишалась всякой законной силы. Это понимал даже Михаил Шолохов, у которого старый казак дед Гришака в «Тихом Доне» говорит: «Я, брат, белому царю присягал, а мужикам я не присягал, так-то!».

Генерал Краснов прибыл в столицу Войска Донского — Новочеркасск — 2/15 февраля 1918 года, на другой день после похорон застрелившегося от сознания всеобщей, полной безнадежности Атамана А.М. Каледина.

Новый Донской Атаман Назаров 11/24 февраля отправил Петра Николаевича в сопровождении нескольких офицеров в станицу Константиновскую — формировать отряды для борьбы с большевиками. Но, когда генерал поздним вечером 12/25 февраля прибыл в Константиновскую, там уже была «установлена советская власть». Вскоре пришло и известие о бессудном расстреле атамана Назарова большевиками, после взятия ими Новочеркасска. Пришлось Петру Николаевичу и офицерам, бывшим с ним, скрываться от красных и прожить до середины апреля в постоянном ожидании ареста и расстрела. Свои тогдашние мытарства генерал Краснов позднее описал в очерке «В донской станице при большевиках (февраль 1918 года)».

8-го февраля (старого стиля) 1918 года был заключен мир между Центральными державами (Германией, Австро-Венгрией и Турцией) и Советской Украиной, поэтому последняя обязалась снабжать эти страны продовольствием, а 3(16) марта аналогичный мир был заключен с Советской Россией, от которой, помимо Украины, были отрезаны все западные и северо-западные земли, образовавшие ряд самостоятельных «буферных» государств под протекторатом Германии.

Но подписать мир было легче, чем выполнить. Вся территория бывшей Российской Империи пылала революционным пожаром, и Украина не являлась исключением. Чтобы вывезти из нее столь необходимые для выживания Германии и Австро-Венгрии продукты, следовало восстановить в этой житнице России элементарный порядок.

И вот несколько австро-германских корпусов, разбросанных на огромном Восточном фронте, стремительно и смело двинулись по железным дорогам Украины на Восток, наводя ужас на

большевиков, бегущих перед ними, и порядок в очищенных от красных местностях. Так претворялся немцами в жизнь оперативный план «Фаустшлаг» («Удар кулаком»), разработанный германским Генеральным штабом и утвержденный Кайзером Вильгельмом II 13 февраля 1918 года. Согласно этому оперативному плану, войскам Второго рейха и его союзников надлежало выйти на ближние подступы к Петрограду и Смоленску, а на Украине как можно дальше проникнуть в глубь страны.

В своем радиообращении к начавшим 18 февраля 1918 года наступление по всему Восточному фронту германским войскам их Главнокомандующий принц Леопольд Баварский подчеркнул следующее:

> «Исторической задачей Германии издавна было: установить плотину против сил, угрожавших с Востока. Теперь с Востока угрожает новая опасность: моральная зараза (курсив наш — В.А.). Нынешняя больная Россия стремится заразить своей болезнью все страны мира! Против этого мы должны бороться!..»

Под «моральной заразой» принц Леопольд подразумевал агрессивный большевизм. И это словосочетание знаменовало собой глубокую трещину, разверзнувшуюся в отношениях между двумя врагами исторической России — Лениным и Кайзером Вильгельмом II.

Поводом к давно назревавшему разрыву послужил конфликт, разразившийся на рубеже 1918 года между петроградским Совнаркомом и киевской Центральной Радой. В этом конфликте Берлин принял сторону Киева.

К апрелю 1918 года программа операции «Фаустшлаг» оказалась реализована в России «на все сто», а на Украине даже перевыполнена.

Немцы прочно заняли Таганрог и Ростов, немецкая кавалерия занимала всю западную часть Донецкого округа, станицы Каменская и Усть-Белокалитвенская были заняты германскими гарнизонами. Немцы продвигались к Новочеркасску, и аванпосты баварской конницы стояли в 12 верстах к югу от столицы Всевеликого Войска Донского. В Херсоне немцами была вооружена местная русская Белая гвардия, давшая сокрушительный отпор большевикам. Как вспоминал ветеран казачьей борьбы А.В. Голубинцев в своей «Русской Вандее», изданной в Мюнхене в 1959 году:

«Еще 25 апреля из станицы Усть-Хоперской была послана в

Вешки депутация просить оружие, но надежды на скорое получение было мало, поэтому я решил попытать счастья и достать его у немцев, по слухам, занимавших станцию Чертково. С этой задачей был послан подъесаул Грошев; миссия его увенчалась успехом и через несколько дней, а именно 7 мая, я получил первый транспорт оружия…»

О том же вспоминал и сам Краснов, подчеркивавший: «Что касается станиц Донецкого округа, то немцы их заняли по приглашению самих казаков (курсив наш — В.А.)»

Словно по мановению волшебной палочки, оказался повсеместно восстановленным старый буржуазный порядок…

Очищение Украины от большевиков было закончено в кратчайшие сроки. Почти одновременно с этим на Украине, при явном попустительстве немцев, произошел государственный переворот, и вместо социалистического правительства Центральной Рады, во главе Украинской Державы встал Гетман Всея Украины Павел Скоропадский. Примерно в то же время в Крыму укрепилось независимое от Украины правительство генерал-лейтенанта М.С. Сулькевича.

В конце марта восстал Дон, в начале распропагандированный большевиками, но не долго терпевший грабежи, реквизиции, расстрелы, раздел казачьих наделов крестьянами и прочие прелести новой власти.

25 апреля/8 мая 1918 года одновременным натиском казаков с востока и немцев — с запада был взят Ростов. В Ростове немцы остановились, отвлекая на себя силы красных на Кубани.

К Ростову же, на соединении с добровольцами, отступающими после неудачного штурма Екатеринодара (где погиб от большевицкого снаряда генерал Корнилов), пробивался с Румынского фронта полуторатысячный отряд полковника М.Г. Дроздовского. Этот отряд вышел из Ясс 26 февраля 1918 года и с боем прошел всю Украину, опережая на несколько переходов наступающих немцев. В Страстную Субботу 21 апреля/4 мая дроздовцы неудачно штурмовали Ростов и вынуждены были отойти в Чалтырь. А 23 апреля/6 мая они, неожиданной атакой, помогли донцам полковника С.В. Денисова и Походного Атамана П.Х. Попова выбить большевиков из Новочеркасска — столицы Всевеликого Войска Донского — и закрепить его за собой.

Вместе с победоносными войсками белых вошел в Новочеркасск и генерал Краснов. Добровольческая армия Деникина также вступила на донскую землю в конце апреля, заняв 21 апреля/4 мая станицу Егорлыкскую. Начинался новый этап гражданской войны в России. Немцы на Украине, Гетман (как ранее — Центральная Рада), благожелательно отнесшиеся к

народному восстанию казаков, образовали на западе железный оградительный щит против большевиков.

Восставшие на Таманском полуострове кубанские казаки также немедленно получили из Крыма помощь от немцев, перебросивших туда два полка с артиллерией, и прочно закрепили за собой этот богатейший полуостров, твердой ногой становясь на территории Кавказа, угрожая Анапе и Новороссийску.

Не останавливаясь сейчас, по условиям места и нашей задачи, на гибели половины Черноморского флота в Новороссийской бухте и уходе его второй половины во главе с дредноутом «Воля» (Александр III») в Крым, отметим только, что очищение немцами Новороссийска от красного флота значительно облегчило Добровольческой армии овладение в августе 1918 года Новороссийском и вообще Черноморским побережьем.

Половина же Черноморского флота, ушедшая в Крым, попала в дальнейшем в руки белых, что сохранило за ними до конца войны господство на Черном море и дало им, наконец, возможность эвакуировать в ноябре 1920 года Русскую армию барона П.Н. Врангеля из Крыма практически без потерь (погибли только те пятьдесят с лишним тысяч «врагов трудового народа», что поверили обещанной большевиками амнистии, отказались эвакуироваться с Русской армией и пали жертвой красного холокоста).

Таким образом, с юга непосредственной опасности Дону и Добровольческой армии, благодаря прочному немецкому заслону, также не возникало.

В такой обстановке с 28 апреля/11 мая по 5/18 мая 1918 года а Новочеркасске собрался Круг спасения Дона — так называемый «серый круг», получивший такое название от серых фронтовых шинелей его делегатов — простых казаков — без болтливой интеллигенции и партийных склок. Этот Круг составили 130 донских патриотов из освобожденных от красных станиц.

Избрание Краснова Атаманом

Единственной целью Круга было (в полном соответствии с его названием) спасение Дона от большевиков — любой ценой! Круг принял решение о создании своей. Донской власти, осуществляющей всю полноту этой власти до созыва Большого Войскового Круга. На время прекращения работы Круга спасения Дона вся полнота власти по управлению областью Войска Донского и ведению борьбы с большевизмом передавалась в руки избранного Войскового Атамана. 3(16) мая Войсковым Атаманом (Главнокомандующим Донской армией и Правителем Дона) был избран генерал-майор Петр Николаевич Краснов, известный всему Дону своей безупречной службой, славными победами, беззаветной любовью к казакам и Дону и, наконец, известный всем в Русской Армии своим воинским счастьем. Так начался самый блестящий период истории Дона в гражданской войне. При этом следует заметить, что генерал Краснов отказался принять на себя атаманские функции, пока Круг не утвердил Основные законы, которые Атаман считал нужным ввести в Войске Донском, чтобы иметь возможность выполнять поставленные перед ним Кругом спасения Дона задачи.

Эти законы представляли собой почти полную копию Основных законов Российской Империи, с добавлением нескольких простых и понятных законов об Атаманской власти, правах и обязанностях казаков и граждан Всевеликого Войска Донского, о Донском гербе, гимне и флаге и т. п.

По этим законам вся власть из рук коллектива, каковым являлся большой или малый Круг, передавалась в руки одного лица — Атамана. Как писал потом сам Атаман Краснов в исторической очерке «Всевеликое войско Донское»:

«Перед глазами Круга спасения Дона стояли окровавленные призраки застрелившегося Атамана Каледина и расстрелянного Атамана Назарова. Дон лежал в обломках, он был не только разрушен, он был загажен большевиками. К этому привела работа Кругов, потому что и Каледин и Назаров боролись с их постановлениями, но победить не могли, потому что не имели власти. Коллектив разрушал, но не творил.

Задачей же Донской власти было широкое творчество. «Творчество» — сказал в одной из своих речей уже перед большим войсковым Кругом Атаман П.Н. Краснов — «никогда не было уделом коллектива. Мадонну Рафаэля создал Рафаэль, а не комитет художников»…

Донскому Атаману предстояло творить, и он предпочитал

остаться один вне критики Круга или Кругом назначенного правительства (своего рода «мини-Императором Дона»; и правильно — был бы только Атаман Краснов! — В.А.).

«Вы хозяева Земли Донской, я ваш управляющий» — сказал Кругу новый Атаман. «Все дело в доверии. Если вы мне доверяете — вы принимаете предложенные мною законы, если вы их не примете — значит, вы мне не доверяете, боитесь, что я использую власть, вами данную, во вред войску. Тут нам не о чем разговаривать. Без вашего полного доверия я править войском не могу».

Введением Основных законов отметалось все то, что громко именовалось «завоеваниями революции» и ее «углублением». И это высказали Атаману, но Атаман этого и хотел. Законы Императорской власти были привычные народу законы, народ их знал, понимал и исполнял. После революции Временное Правительство спешно издало целый ряд законов, которые не были известны в народе, к которым народ не привык…А затем последовал ряд безумных декретов народных комиссаров.

Все перемешалось в мозгах несчастных российских граждан и многие не знали, что из себя представляет закон Правительств Львова или Керенского, и что — декрет Ленина. Атаман счел необходимым вернуться к исходному положению — до революции. В особенности это было важно для войска, да еще в виду военного времени, чтобы совершенно аннулировать приказ № 1, разрушивший всю великую Армию Русскую.

На вопрос одного из членов Круга, не может ли он что-либо изменить или переделать в предложенных им Законах — Атаман Краснов ответил: «Могу. Статьи о флаге, гербе и гимне. Вы можете предложить мне другой флаг — кроме красного, любой герб, кроме еврейской пятиконечной звезды или иного масонского знака, и любой гимн, кроме «интернационала».

Как писал впоследствии казачий поэт Николай Туроверов, как и все донцы, по праву гордившийся новым сине-желто—алым (казаки-калмыки-иногородние) флагом Тихого Дона:

И над дворцом зареял гордо,
Плеща по ветру, новый флаг;
Звучало радостно и твердо
И danke schoen и guten Tag.
И все собою увенчала
Герба трехвековая сень,
Где был казак нагой сначала,
Потом с стрелой в боку олень.

Следует заметить, что донской казачий Атаман имел полное основание к отождествлению красной пятиконечной звезды большевиков с иудаизмом и масонством.

Об иудейско-масонских корнях большевицкой символики

В самом конце кровавого 1918 года, когда краснозвездные и краснознаменные полчища Ленина-Троцкого, буквально обезумевшие от сознания казавшейся им уже столь близкой «Мировой революции», рвались на Ригу, на пути у них встало русско-немецкое белое ополчение, вошедшее в историю Гражданской войны под названием «Охраны Прибалтийского края» или Балтийского ландесвера (о нем еще пойдет речь в дальнейших главах нашей книги). Знаки различия русских, балтийских («остзейских») и немецких чинов этого белого ополчения представляли собой серебряные звездочки и галунные полоски, носившиеся на воротнике. Звездочки на воротниках у офицеров Балтийского ландесвера были четырехугольными (как это было принято в германской армии).

Вероятно, вступившие в ряды ландесвера бывшие офицеры русской армии согласились сменить принятые в ней пятиконечные звездочки на четырехугольные, не в последнюю очередь, из чувства глубочайшего отвращения к имевшей однозначно масонские корни большевицкой символике, в которой пятиконечная (в геральдике: «пятижальная») звезда (именуемая у масонов «звездой Соломона» или «звездой пылающего разума») играла первостепенную роль. Этот, пожалуй, древнейший (встречающийся еще на шумеро-аккадских глиняных табличках, датируемых 3-м тысячелетием до Рождества Христова) колдовской знак, именовавшийся адептами тайного общества пифагорейцев «пентальфой», а гностиками и магами античности, Средневековья и Ренессанса «пентаграммой» (с добавлением первоначально серпа и плуга, а затем — серпа и молота в центре звезды) был введен в качестве эмблемы «рабоче-крестьянской» Красной армии в 1918 году наркомвоенмором (военным и военно-морским министром) Совдепии Л.Д. Троцким (Бронштейном), прозванным «демоном революции».

Интересно, что т. Троцкий ссылался при этом на следующий исторический прецедент: в 132–136 гг. новой эры красная пятиконечная звезда была изображена на знамени палестинских революционеров Симона Бар-Кохбы, или, в православной традиции, Вар-Кохбы (чье прозвище по-арамейски, собственно, и означало «Сын Звезды»), восставших против Римской империи. Симон Бар-Кохба (или, как его еще называли, Бен-Косиба),

жестокий гонитель христиан Палестины, взбунтовал иудеев против Римской власти, объявив себя «Мессией» (то есть, с точки зрения всякого верующего христианина — Антихристом, ибо истинный Мессия, Господь наш и Спаситель Иисус Христос, уже приходил) и пытался восстановить Иерусалимский храм, в чем, однако, не преуспел, по обращенному к нему слову «сионского мудреца» рабби Акибы (Акивы): «Трава успеет прорасти через твои челюсти, прежде чем явится Мессия». Тем не менее, любопытно, что именно неудачливого кандидата в Антихристы Симона Бар-Кохбу считали своим прямым предшественником создатель Красной армии и организатор всех ее побед наркомвоенмор тов. Троцкий, а вместе с ним, надо думать, и другие достойные представители ленинской гвардии — «стальной когорты большевиков — беззаветных и несгибаемых борцов за счастье трудящихся всего мира».

Вообще-то говоря, вопрос масонского генезиса символики большевизма и мирового коммунизма — Знаков Зверя — еще ждет своих исследователей. Мы же ограничимся здесь лишь указанием на некоторые моменты, которые невозможно не заметить, только если очень этого не хотеть. Красная пятиконечная звезда поистине гермафродитически сочетает в себе Мужской и Женский принципы — как, впрочем, и другой фундаментальный символ большевизма и коммунизма вообще: пресловутое сочетание Серпа и Молота. Серп, как известно, испокон веков считался символом и ритуальным атрибутом Кроноса-Сатурна (подобно революции, пожирающего собственных детей), а также одноименной планеты и свинца — металла, которому планета Сатурн соответствует в алхимии и астрологии.

Сатурн считается астрологами мрачной, вредоносной планетой, связанной с наиболее телесными, материальными аспектами существования (и в этом смысле наилучшим образом подходящей в качестве символа материалистического лжеучения марксизма-ленинизма). Свинец же считается в алхимии, в свою очередь, символом тела, то есть наиболее грубой и материальной составляющей человеческого существа. Кроме того, известно, что на древнеримских празднествах, посвященных Сатурну — Сатурналиях — рабы на время занимали место господ во время ритуальных действ. В период Сатурналий вся нормальная логика жизни как бы упразднялась. В действие вступали обратные законы — законы Хаоса, Абсурда, шутовской жестокости и непристойности.

А самым главным символом и атрибутом Сатурна, как мы уже указывали выше, является серп. Этим ритуальным серпом Сатурн-Кронос (а Кронос не только по созвучию, но и по сути

ассоциировался древними греками с Хроносом, то есть — временем) срезает цветок человеческой жизни, когда наступает конец человеческого жизненного цикла. Поэтому смерть, убийства, насилие следует расценивать ни в коем случае не как случайные или необязательные эпизоды коммунистической истории, не как неизбежные во всяком большом деле «издержки», «перегибы» или «извращения позитивной самой по себе идеи», но как логическое проявление самого «духа» большевицкой партии, неумолимо, изначально действовавшей под знаком Смерти-Свинца-Сатурна.

Не лишен тесной связи со Смертью и другой компонент большевицкой эмблемы — пресловутый «пролетарский» Молот. Символизм Молота более всего связан с его формой — формой буквы «Т» («Тау»). Молот-Т означает собственно Смерть и Конец, ибо представляет собой так называемый Тау-крест, то есть крест, лишенный вертикали, направленной вверх по отношению к горизонтальной черте. Если в обычном Кресте вертикаль, пересекающая горизонталь, воплощает собой духовные влияния, идущие с неба (сверху) на горизонталь человеческой (и космической) жизни, то отсутствие верхней части Креста указывает на следующее. Небесная, духовная перспектива восхождения потеряна и осталась только перспектива нисхождения вниз, в «подчеловеческие», инфернальные, адские регионы бытия.

Конечно, в эзотерической Традиции символ Тау-креста имел, наряду с описанным выше негативным, еще и позитивный смысл — как необходимое инициатическое испытание, как посвятительное «снисхождение в Аид (а это значит — в Ад)», но вне традиционного контекста вся «прагматическая» позитивность подобной концепции, естественно, пропадает. Кроме того, в древнееврейском алфавите буква «Тау» («Тав»), соответствующая звуку «т» — последняя, знаменующая собой конец всего, и потому она в символическом смысле соотносится с греческой «Омегой».

Помимо «гармонического» сочетания этих двух в равной степени зловещих и смертоносных символов в эмблеме большевизма, между ними существует и иерархическое соотношение (то есть отношение господства и подчиненности). Так, Серп теснейшим образом связан с Женским Началом. Поэтому именно серп служит атрибутом многих языческих богинь античности — в первую очередь богинь хтонических или теллурических (то есть, связанных с Землей). В сущности, богини Земли несли в язычестве (чей «духовный» арсенал был взят на вооружение масонством) сакральные (священные) функции, близкие к функциям Сатурна, являя собой как бы материальную.

Телесную, субстанциональную поддержку Проявленного Творения.

Но, кроме того, культ Богини-Матери-Земли был связан с ритуальным оскоплением (кастрацией) мужчины, с потерей мужчиной своего символического «олимпийского» качества, своего духовного начала, и растворении формы в хаосе материальных потенций. Это оскопление осуществлялось именно ритуальным Серпом (не отсюда ли идет сохранившееся в глубинах народной памяти, хотя, естественно, в донельзя вульгаризированной форме, выражение «серпом по яйцам»?). Поэтому не удивительно, что серп встречается и в мифе о Сатурне-Кроносе, оскопленном восставшим на него — Отца! — сыном, Зевсом-Юпитером. С другой стороны, Молот — орудие мужчины, как имеющий определенно фаллический характер и связанный с образами Богов-кузнецов (в частности, с Кабирами и с Гефестом-Вулканом), а тем самым — и с вечным, подземным «Адским огнем», на котором Боги-Кузнецы куют формы существ и вещей. Хотя и являющийся атрибутом мужчины, как носителя Духа, Света и Порядка, Молот все же неразрывно связан с нижними, адскими сферами бытия, с подземным миром Преисподней

Кстати, половая специфика этой инфернальной пары инструментов, Серпа и Молота, составляющей эмблему коммунизма, блестяще отражена в известном памятнике скульптора Мухиной «Рабочий и Колхозница». Как Рабочий, так и Колхозница вооружены символами, совершенно точно соответствующими их мифологическому контексту. «Рабочий», «Пролетарий», «Хозяин Нового Мира», действительно является активным, мужским началом коммунистической лжетеории, основным носителем марксистско-ленинской идеи на практике. По отношению к «Рабочему» «Крестьянка» (то есть Крестьянство) всегда остается подчиненным, второстепенным, пассивным и потому подлинно женственным в рамках их взаимоотношений — как символических, так и реальных, классовых — элементом. Рабочий с Молотом символизирует принцип Адского Огня, Жара Преисподней. Колхозница с Серпом, в свою очередь, олицетворяет принцип Оскопления, Кастрации, Холода, Инерции и Пассивной (влажной, Женской) Материи.

Гермафродитически совмещая в себе оба этих начала, красная пятиконечная звезда большевиков указывает своим цветом на Огонь (то есть, на активный мужской принцип), а своей формой связана с женским принципом и с идеей кастрации (ибо в отличие от шестиконечной звезды-гексаграмме — символа Универсального Человека! — у пятиконечной звезды недостает

шестого, нижнего — «фаллического» — луча!).

С другой стороны, красный цвет сам по себе является не только цветом Адского Огня и Крови, но и цветом той глины (по-древнееврейски глина называется «адама», то есть «красная», о чем еще пойдет речь ниже), из которой наполовину состоят ноги колосса, привидевшегося во сне вавилонскому царю Навуходоносору, о чем повествуется в известной ветхозаветной книге пророка Даниила. Появляющийся там образ «истукана (идола, колосса) на глиняных ногах» является достаточно наглядным выражением циклической концепции четырех «веков» («эонов») человеческой истории — Золотого, Серебряного, Медного и Железного. Голова истукана — из золота, грудь и плечи — из серебра, бедра — из меди, ноги — наполовину железные, наполовину глиняные. Именно благодаря наличию этой глины колосс обречен на падение от «камня, сорвавшегося без помощи рук человеческих», то есть именно из-за глины мир обречен на неизбежный конец.

Разница между железом — простым, неблагородным металлом (первым неблагородным из всех четырех, как и капитализм представляет собой первую нерелигиозную, нехристианскую формацию) и глиной, являющейся вообще чужеродным в мире металлов элементом, логически противоположным металлам как таковым (ибо если основная идея металла состоит в его твердости, то основная идея глины заключается, напротив, в ее податливости) символизирует глубочайшее различие между «метафизикой» капитализма и «метафизикой» социализма, обреченных, тем не менее, на достаточно длительное сосуществование. Причем особенно любопытным представляется то, что «глина» — это материальная основа человечества в перспективах библейской концепции Творения.

Ибо «глина», повторяем, по-древнееврейски — «адама» (от чего происходит слово «Адам», то есть человек, сотворенный Богом из глины — или, как сказано в русском переводе Библии, из «персти земной», то есть, из щепотки земли). Но в то же время слово «адама» означает и «красный», что делает символ еще более точным и тревожно узнаваемым. Подобно тому, как «глина» является в теле «Колосса Истории» имманентной (то есть, изначально присущей ему) причиной падения «истукана» (при том, что истинная причина его падения остается в Божьей Воле — в «камне, сорвавшемся без помощи рук человеческих! — курсив наш — В.А.), так и пришествие «во имя свое» красных логически (во всяком случае, по представлениям сторонников традиционных Христианских воззрений, к каковым мы дерзаем себя смиренно

причислять) должно привести к концу всего цикла истории, послужив поводом и проводником Конца Времен (предшествуя Преображению Мира во Втором Страшном и Славном Пришествии Господа Иисуса Христа).

Кроме указанных соответствий «пролетарской» коммунистической символики достаточно универсальным символам, можно обнаружить и еще один тип удивительных совпадений, носящих еще более определенный характер. Речь идет о сугубо масонской интерпретации коммунизмом некоторых сакральных доктрин. Конечно, документация, подтверждающая исторические контакты масонов и большевиков, крайне фрагментарна. Но, как бы то ни было, на уровне использования вполне определенных символов эту постоянно ощущающуюся, пусть даже в неявной, невысказанной форме, как бы «висящую в воздухе» связь можно, при желании, проследить достаточно четко. Хотя и следует подчеркнуть, что речь в данном случае идет об особой, весьма «иррегулярной» (по терминологии самих «вольных каменщиков») разновидности масонской теории. Во-первых, сразу же бросается в глаза соответствие коммунистической символики символике масонской степени «подмастерьев» («компаньонов») — второй, промежуточной степени между «учеником» и «мастером». Кстати, термин «компаньон» переводится на русский язык и как «товарищ», став не только обращением к товарищу по партии, но и синонимом «человека» в любой стране с коммунистическим режимом и среди коммунистов в государствах с иным общественным строем («тут пришел один товарищ», «группа товарищей» и т. д.).

Ложа товарищеской степени, ложа товарищей неразрывно связана у масонов с числом «пять» — пять ступеней перед столпами-колоннами «Воаз» и «Иахин» в товарищеской ложе, пять светильников, пять ударов молотком мастера стула при ритуальном выстукивании, пять символических «лет жизни» масона и т. д. Кроме того, отличительным признаком именно товарищеских масонских ассоциаций — «компаньонажей», «Одд феллоуз», то есть «Лишних (невостребованных) подмастерий» является пятиконечная (а не шестиконечная, как в ложах других степеней) пламенеющая звезда. Степень духовной компетенции «товарищей» («подмастерьев») изначально распространялась на так называемый «средний мир» (именуемый в оккультизме «астральным миром»), в отличие от «ученика» (самая низшая, первая степень в масонской иерархии), компетентного лишь в вопросах телесной реальности, и «мастера» (третья, высшая в иоанновом масонстве, степень), достигшего высшего духовного и сверхиндивидуального уровня.

Хотя «средний мир» масонов-«товарищей» и не является сам по себе чем-то сугубо отрицательным, но именно в этом психологическом плане, промежуточном между миром телесным (земным) и миром духовным (небесным), согласно учению христианской Традиции, обитает «князь воздушный» — Падший Ангел, Сатана-Люцифер, дословно (в переводе с латыни) — «Светоносец», «Светоносный», «Светозар» — что снова подводит нас к символизму «пламенеющей звезды». Если человек в ходе своего духовного развития успешно преодолевает испытания («мытарства») в «среднем мире», полном всяческих соблазнов, то он становится «Мастером» («Магистром», «Мэтром»), «Господином», и неразрывно соединяется с Духом по ту сторону иллюзий «среднего мира».

Но «средний мир» таит в себе множество опасностей. В рамках «Великой легенды франкмасонства» о Хираме Абиффе (Адонираме) — Великом Зодчем израильского царя Соломона (а эта легенда является подлинной парадигмой, то есть фундаментальной основой для всей масонской доктрины и всего масонского ритуала в целом, невзирая на различия между масонскими «системами»), говорится о предательстве Мастера тремя «товарищами»-подмастерьями, которые, из жадности и желания узнать недоступное им «слово мастера» (тайный пароль), убивают самого Великого Зодчего и Великого Мастера — Адонирама. Особенно важно, что преступление совершают именно «товарищи» — масоны второй степени, а не «ученики» (первая степень) и не «мастера» (третья степень). Таким образом, источник Зла коренится именно в «среднем мире»!

Сам характер вероломного преступления, совершенного тремя «товарищами» — убийства их Хозяина, Господина и Учителя (все эти понятия соответствуют изначальному смыслу латинского слова «мастер») — как нельзя лучше отвечает основной логике марксистского учения о «диктатуре пролетариата» — восстании против «господ», «хозяев», носителей высшего знания, самый ходкий ленинский лозунг «грабь награбленное», более элегантно формулируемый товарищами Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом как «экспроприация экспроприаторов» (незаконное овладение «паролем», «словом мастера», как ключом или кодом, дающим доступ к материальному благосостоянию) и т. д. Сходится буквально все — вплоть до последней детали — раненого Адонирама, получившего первый удар — линейкой — у Южных ворот строящегося Иерусалимского Храма Соломонова от первого «товарища» и второй удар — угольником — у Западных храмовых ворот от второго «товарища», приканчивает у Восточных ворот

третий «товарищ».

Причем добивает он своего Мастера и Господина при помощи молота — того самого молота, который золотом сиял, вместе с серпом, на большевицких боевых орденах и знаменах, на знамени евразийской «псевдоимперии» (а точнее — антиимперии») СССР, знамени бывшего «Восточного блока» («Социалистического лагеря») — словом, на том красном знамени, которое, кстати сказать, и само по себе непременно участвует в масонском ритуале, символизируя окровавленную простыню, которой накрывают убитого «товарищами» Адонирама).

Не остались в стороне от этой тревожной логики символизма и советские юные пионеры-ленинцы, большевицкий вариант масонских скаутов (следопытов или разведчиков) перенявшие у последних весьма многое — от трехконечного галстука с масонским узлом до девиза: «Будь готов!» — , чей «пионерский салют» в точности повторял (а кое-где еще и повторяет) тайное приветствие баварского тайного общества масонского толка — так называемых «иллюминатов» Адама Вейсгаупта (по прозвищу «Спартак» — связь иллюминатской традиции с большевизмом прослеживается на самых разных уровнях, начиная с создания германскими коммунистами тайного союза «Спартак» и борьбы «спартаковцев-смелых бойцов» за насильственное присоединение Германии к советскому «Отечеству пролетариев всего мира» в 1918–1923 гг., и кончая почти дословным совпадением текстов «гимна» советских пионеров «Взвейтесь кострами, синие ночи! Мы пионеры — дети рабочих!» и исполнявшегося на тот же мотив масонского гимна: «Взвейтесь сердцами выше всех звезд, блещет пред нами Розовый Крест!») — поднятая ко лбу ладонь — изначально символизировала естественный жест защиты от ослепительного света, исходящего от «среднего мира», мира Пламенеющей звезды, мира Денницы-Люцифера, о которой современный русский поэт Николай Боголюбов с полным основанием написал:

Над погостом алеет звезда,
Ядовитая, как мухомор.

Кстати, и слова из известного стихотворения А.С. Пушкина (отдавшего в молодости дань масонству, вступив в Кишиневскую ложу «Овидий»):

Товарищ, верь, взойдет она,
Звезда пленительного счастья!
Россия вспрянет ото сна
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

может быть правильно понята лишь в этом сугубо масонском контексте, где сочетаются «вольнокаменщицкие» термины товарищ, звезда и восстание против самовластья, то есть — против законной и оправданной власти господ, хозяев, мастеров. Не лишенным интереса в этой связи представляется, кстати, и уникальность самой даты большевицкой «Великой Октябрьской Социалистической революции». В книге пророка Даниила, в том же самом сюжете о «колоссе на глиняных ногах», упоминаются размеры истукана — 60 на 60 «локтей» (всего 360).

Но, как мы видели, речь идет не о пространственном, а о временном цикле, и, следовательно, цифры эти необходимо понимать как цифры, как зашифрованные данные, касающиеся длительности определенных сакрально-символических периодов истории человеческого общества. Многие представители Традиции именуют период продолжительностью в 360 лет «циклом Даниила» или «днем Даниила». Соответственно, «неделя Даниила» будет равна 2520 годам. Если взять за точку отсчета саму дату пророческого сна Навуходоносора в котором он увидел «истукана» («Колосса Истории») — 603 год до Рождества Христова — и прибавить к нему «неделю Даниила» (2520 лет), то получится именно 1917 (год)! Как говорили древние римляне, Sapienti sat, то есть: «Мудрому — достаточно!».

Подводные камни

Услышав слова о донском гербе, флаге и гимне, Круг рассмеялся и принял Законы, предложенные Атаманом Красновым, в полном объеме. Законы эти создали Атаману множество врагов. Прежде всего — среди выползшей, подобно тараканам, из всех щелей «демократической» интеллигенции, дотоле прятавшейся в этих щелях от большевиков. Склонная всегда разрушать, а не творить, она повела широкую кампанию травли против Атамана, обвиняя его в «диктаторских замашках», желании «возродить феодальные порядки» (хотя — что там было возрождать, ведь феодализма на Дону никогда не было!) и т. п.

Не удовлетворяли новые законы и генерала Деникина, не желавшего смиряться с тем, что Дон вступает на путь самостоятельного развития и что с ним возможны только союзнические отношения. Поскольку Дон не признал Деникина своим диктатором, Краснова сразу объявили «самостийником», человеком «немецкой ориентации», а слова Атамана: «Здравствуй Царь в Кременной Москве, а мы казаки на Тихом Дону» (выражение эпохи Смуты на Руси, до призвания Романовых на Царство), создали Атаману Краснову в «непредрешенческой» Добровольческой армии прочную репутацию «монархиста». Причем, дорогой современный читатель, монархические убеждения были, по-видимому, в глазах многих «убеленных сединами доблестных вождей» белых добровольцев большим недостатком, как бы ставившем на человеке некое неизгладимое позорное клеймо!

Что же касается «немецкой ориентации» Краснова, то — помилуй Бог! — какая еще могла в то время быть ориентация у подлинного русского патриота (будь он, по воле судьбы, вынужден, чтобы избежать еще худшего зла, стать на время Украинским гетманом или Донским атаманом!), а не проантантовского дурачка без Царя в голове, в которого так «успешно» играли генерал Деникин и иже с ним, доведя дело освобождения «Единой-неделимой» от большевиков «при помощи союзников» до всем известного печального финала!

4 мая состоялось последнее заседание Круга спасения Дона. 5 мая Круг разъехался, оставив Атамана одного править войском.

Все в области Войска Донского лежало в обломках и запустении. Церкви поруганы, станицы разгромлены. Из 252 станиц Войска Донского только 10 были свободны от большевиков. Самый Дворец Атаманский в Новочеркасске был

загажен так, что поселиться в нем без ремонта было нельзя.

Но все это были пустяки по сравнению с тем ужасным злом, которое сотворили большевики в душах населения. Все понятия нравственности, чести, долга, честности были совершенно стерты и уничтожены. Сама совесть людская была опустошена и испита до дна. Люди отвыкли и не желали работать, не считали себя обязанными подчиняться законам, платить подати, исполнять приказы. Необычайно развилась спекуляция, занятие куплей-продажей, которое стало своего рода ремеслом целого ряда лиц, и лиц интеллигентных.

Большевицкие комиссары насадили взяточничество, которое стало обыкновенным и как бы узаконенным явлением (и остается таковым до сих пор! — В.А.).

В стране, заваленной хлебом, мясом, жирами и молоком, начинался голод. Не было товаров, и сельчане не хотели везти свои продукты в город. Не было денежных знаков — их заменяли разные суррогаты, вроде купонов.

Союз с Германией

В своей беззаветной борьбе за спасение от красной напасти, для начала, хотя бы Дона, П.Н. Краснов, подобно П.П. Скоропадскому на Украине, ни на минуту не переставaвший сам осознавать себя и быть прежде всего русским генералом, готов был опереться на любых союзников — немцев, украинских самостийников, независимую («под сенью дружеских штыков», на этот раз — не русских, а германских!) Грузию, автономные Кубань, Кавказ и Крым. Все для него было подчинено решению первоочередной задачи: «Большевицкий Карфаген должен быть уничтожен!». Все остальное, в том числе и государственное устройство России, освобожденной от красного гада, могло подождать.

Донской Атаман установил немедленно связь с германским Императором Вильгельмом II и украинским Гетманом Скоропадским, объявив им о благожелательном нейтралитете Дона, и просил впредь, до освобождения всей России от большевиков, считать Дон самостоятельной республикой, управляемой Основными законами (об этом мы уже писали в предыдущих главах нашей статьи).

28 июня 1918 года П.Н. Краснов (уже повышеный в звании до генерала-от-кавалерии) направил Кайзеру Вильгельму II письмо, содержание которого мы приводим ниже.

Письмо Донского Атамана Императору Вильгельму

Ваше Императорское и Королевское Величество.

Податель сего письма, Атаман Зимовой станицы Всевеликого Войска Донского при Дворе Вашего Императорского Величества Герцог Лейхтенбергский и его товарищ Генерал-Майор Черячукин, в Германии уполномочены мною, Донским Атаманом, приветствовать Ваше Императорское Величество Могущественного Монарха Великой Германии и передать нижеследующее. Два месяца борьбы доблестных Донских казаков, которую они ведут за свободу своей родины с таким мужеством, с каким в недавнее время вели борьбу против Англичан родственные Германскому народу Буры, увенчались на всех фронтах нашего Государства полной победой, и ныне земли Всевеликого Войска Донского на 9/10 освобождены от диких

красногвардейских банд.

Государтсвенный порядок внутри страны окреп, и установилась полная законность. Благодаря дружеской помощи войск Вашего Императорского Величества создалась тишина и на Юге войска, и мною приготовлен корпус казаков для поддержания порядка внутри страны и воспрепятствования натиска врагов.

Молодому государственному организму, каковым в настоящее время является Донское Войско, трудно существовать одному и потому оно заключило тесный союз с главами Астраханского и Кубанского войск полковником князем Тундутовым и полковником Филимоновым с тем, чтобы по очищении земли от большевиков составить прочное государственное образование на началах федерации Всевеликого Войска Донского, Астраханского войска с калмыками Ставропольской губернии, Кубанского войска, а впоследствии, по мере освобождения, и Терского войска, а также народов Северного Кавказа. Согласие всех этих держав имеется, и вновь образуемое государство в полном согласии с Всевеликим Войском Донским решило не допускать до того, чтобы земли его стали ареной кровавых столкновений и обязались держать полный нейтралитет. Атаман Зимовой станицы нашей при дворе Вашего Императорского Величества уполномочен мной просить Ваше Величество признать права Всевеликого войска Донского на самостоятельное существование, а по мере освобождения Кубанского, Астраханского и Терского войск Северного Кавказа, права на самостоятельное существование и всей федерации под именем Доно-Кавказского Союза.

Просить Ваше Императорское Величество признать границы Всевеликого войска Донского на прежних географических и этнографических его размерах, помочь разрешению спора между Украйной и Войском Донским из-за Таганрога и его округов в пользу Войска Донского, которое владеет Таганрогским округом более 500 лет и для которого Таганрогский округ является частью Тьмутаракани, от которой и стало Войско Донское.

Просить Ваше Величество содействовать присоединению к войску по стратегическим соображениям городов Камышина и Царицына Саратовской губернии и города Воронежа, станции Лиски и Поворино и провести границы войска Дрнского, как это указано на карте, имеющейся в Зимовой станице.

Просить Ваше Величество оказать давление на советские власти Москвы и заставить их своим приказом очистить пределы Всевеликого Войска Донского и других держав, имеющих войти в Доно-Кавказский Союз, от разбойничьих отрядов красной гвардии

и дать возможность восстановить нормальные мирные отношения между Москвой и Войском Донским. Все убытки населения войска Донского торговли и промышленности, происшедшие от нашествия большевиков, должны быть возмещены Советской Россией.

Просить Ваше Императорское Величество помочь молодому нашему государству орудиями, ружьями, боевыми припасами и инженерным имуществом и, если признаете это выгодным, устроить в пределах Войска Донского орудейный (так в тексте — В.А.), ружейный, снарядный и патронный заводы.

Всевеликое Войско Донское и прочие государства Доно-Кавказского Союза не забудут дружеской услуги Германского народа, с которым казаки бились плечом к плечу еще во время Тридцатилетней войны, когда Донские полки бились в рядах армии Валленштейна, а в 1807 году и 1813 г. Донские казаки со своим Атаманом графом Платовым боролись за свободу Германии и теперь, после почти трех с половиной лет кровавой войны на полях Пруссии, Галиции, Буковины и Польши, казаки и германцы взаимно научились уважать храбрость и стойкость своих войск, а ныне, протянув друг другу руки, как два благородных бойца, борются за свободу родного Дона.

Всевеликое войско Донское обязуется за услугу Вашего Императорского Величества соблюдать полный нейтралитет во время войны народов, не допускать на свою территорию враждебной германскому народу вооруженной силы, на что дали свое согласие и Атаман Астраханских войск князь Тундутов и Кубанское Правительство и, по присоединении, остальные части Доно-Кавказского Союза.

Всевеликое Войско Донское предоставляет Германской Империи право преимущественного вывоза избытков за удовлетворением местных потребностей хлеба зерном, мукой, кожевенных товаров и сырья, шерсти, рыбных товаров и изделий, скота и лошадей, вина виноградного, растительных и животных жиров и масла, изделий из них, табачных товаров и других продуктов садоводства и земледелия, взамен чего Германская Империя доставит сельскохозяйственные машины, химические продукты и дубильные экстракты, оборудование экспедиции заготовления государственных бумаг соответствующим запасом материалов, оборудование суконных, хлопчато-бумажных, кожевенных, химических, сахарных и других электротехнических принадлежностей.

Кроме того, Правительство Всевеликого Войска Донского предоставит германской промышленности особые льготы по помещению капиталов в Донские предприятия торговли и

промышленности, в частности, по устройству и эксплуатации новых водных и иных путей.

Тесный договор сулит взаимные выгоды и дружбу, спаянную кровью, пролитой на общих полях сражений воинственными народами германцев и казаков, станет могучей силой для борьбы со всеми нашими врагами.

К Вашему Императорскому Величеству обращается с этим письмом не дипломат, тонкий знаток международного права, но солдат, привыкший в честном бою уважать силу германского оружия, а поэтому прошу простить прямоту моего тона, чуждую мелких ухищрений, и прошу верить в искренность моих чувств.

Уважающий Вас Петр Краснов,
Донской Атаман Генерал-Майор.

Нам представляется необходимым отметить, что данный текст письма П.Н. Краснова Кайзеру Вильгельму II (составленного, как мы видим, отнюдь не в «лакейско-верноподданическом тоне», а написанного равным — равному) в отличие от текста, орубликованного в 1-м издании труда Краснова «Всевеликое Войско Донское» (Архив Русской Революции, т. 5, Берлин, 1922 г.), в редакционном примечании к котоВ. Родзянко письма, почему за точность выражений не ручаемся (курсив наш — В.А.)» дается по тексту, обнаруженному членом редколлегии казачьей газеты «Станица» хорунжим А.Н. Азаренковым в Государственном Архиве РФ в фондах бывшего Пражского Казачьего архива, перевезенном в СССР после Второй мировой войны и помещенном в Спецхран по ведомству НКВД. Папка, в которой хорунжий Азаренков обнаружил письмо Атамана Краснова (фонд 102, опись 1, дело 20, листы 1, 1об, 2, 2 об), хранится в фондах «Всевеликое войско Донское: канцелярия атамана 1917–1920 гг.» (в документах калмыцкого отдела Войска Донского.

Вероятно, как пишет (со слов автора находки) историк казачества К. Э. Козубский в своей статье «Доброе имя Атамана», опубликованной в № 1 (47) издающейся в Москве международной общеказачьей газеты «Станица» за 2006 год, данный текст письма (с которого, очевидно, и был сделан «список» Родзянко — «февралиста», «единонеделимца» и ярого ненавистника казачьей автономии!) не стал известен казачьим историкам ранее потому, что «если донцы более или менее часто заглядывают в архивы по своему войску и работают с документами, то калмыками в составе Донского, Астраханского и Терского войск мало кто интересуется».

Результатом усилий, предпринятых П.Н. Красновым на посту

Донского Атамана, стал «зеленый свет», полученный от германского командования на вооружение спешно формируемой Донской (а через Донскую — и Добровольческой) армии!

За первые же полтора месяца Дон получил с Украины через немцев 1 600 винтовок, 88 пулеметов, 46 артиллерийских орудий, 109 000 артиллерийских снарядов и 11 500 000 ружейных патронов. Причем из этого количества 35 000 снарядов и 3000 000 патронов были донцами за это время совершенно безвозмездно переданы Добровольческой армии. Благодарности за это Краснов, впрочем, так и не дождался. «Немецкий прихвостень», что с него взять, истинно русскому патриоту и руку то ему подать зазорно…

Командующим Донской армией был назначен генерал С.В. Денисов, начальником штаба — полковник И.А. Поляков. С молниеносной быстротой очищается от большевиков вся территория Всевеликого Войска Донского. В июне 1918 года донские части ведут бои уже на северо-восточных границах Области, а местами — переходят их.

Если бы рассмотреть события, происходившие на Дону летом 1918 года, с высоты птичьего полета, или, может быть, заснять их для потомства, или хотя бы застенографировать по всем условным точкам пространства-времени, то изумленному свидетелю могло бы показаться, что неумолимое время замедлило свой ход или повернуло вспять. Как легендарный град Китеж — из-под объявших его вод — так на поверхность бушующей стихии на месте бывшей Российской Империи всплыла Область Всевеликого Войска Донского, в сказочно короткий срок освобожденная от большевицких банд. Но мало этого! Земля эта принесла небывалый, невиданный дотоле урожай! Заработали в полную мощь восстановленные заводы, в том числе военные! Возобновились занятия в школах, гимназиях, реальных училищах, в Донском кадетском Императора Александра III корпусе. В донском Новочеркасском Военном училище — впервые в истории русских военных учебных заведений! — по личному приказу Атамана Краснова был введен курс военной психологии, и лично Атаман приезжал в Училище читать этот курс.

Генерал Н.Н. Головин (по чьей просьбе П.Н. Краснов возобновил его чтение на военно-научных курсах генерала Головина в 30-е годы в Париже) считал это нововведение, осуществленное Атаманом Красновым еще в 1918 году, фактом громаднейшего значения в истории русской военной школы. Идеи и мысли, изложенные генералом Красновым в его капитальном труде «Душа Армии», еще подлежат изучению и освоению новой Российской армией (если ей суждено пронести в будущее это

славное имя). Работали также Донская Офицерская школа, аналогичного типа самолетная школа и военно-фельдшерские курсы.

Части Донской Армии под командованием славного генерала С.В. Денисова были вновь, как и встарь, скованы железной дисциплиной Императорских Уставов, одеты по положению до февраля 1917 года, имели нормальный российский штат и не испытывали никакого недостатка ни в вооружении, ни в амуниции. Не знаем, как там «у Котовского», а у Краснова «амуниция» была действительно «в порядке, как при Николае» (по выражению большевицкого барда Эдуарда Багрицкого).

К августу 1918 года было почти закончено формирование постоянной Донской Армии, так называемой Молодой армии, из казаков 19-20- летнего возраста.

Эта казачья молодежь, не прошедшая четырехлетнюю мясорубку русско-германской войны, не уставшая, не развращенная демократической и большевицкой пропагандой, не знавшая комитетов и комиссаров, была сведена в две пехотные бригады — пластунскую и стрелковую, три конных дивизии, саперный батальон и технические части, а также части легкой, конной и тяжелой артиллерии. Эти части были нормального российского штата, имели казенных лошадей, получали все казенное обмундирование и снаряжение от Войска, штатный обоз. Они были воспитаны, вымуштрованы и обучены по старым русским уставам царского времени и составляли особую гордость Войска Донского. Общая численность донской Молодой армии превышала 30 000 штыков и сабель. Именно эти молодые донцы должны были идти с Деникиным освобождать Москву от ига Коминтерна. Их особо тщательно снаряжали, особенно тщательно воспитывали и прививали им идею освободительного похода для спасения России.

По Дону ходил флот из шести вооруженных речных кораблей под донским Андреевским флагом с древним казачьим гербом — оленем, пронзенным стрелой — контролировавших обстановку во всей области Войска Донского и в значительной части Воронежской губернии. Этот небольшой флот оказал значительную поддержку Донской армии в освобождении казачьих столиц от большевиков. Два морских парохода доставляли на Дон из портов Румынии и Севастополя для Донской армии тяжелые морские орудия для бронепоездов, пулеметы, аэропланы, десятки тысяч снарядов и сотни тысяч ружейных патронов. Для подготовки личного состава Донского флота был сформирован в городе Таганроге морской батальон. Ожидалось, что через полгода Дон сможет перейти на

самоснабжение.

29 июля Украина признала старые границы Донского войска, нарушенные Брестским миром, и донские власти вошли в Таганрог и Таганрогский округ. Донские войска, преодолевая слабеющий натиск большевиков, вышли за пределы земель Войска Донского и победоносно вступили в Воронежскую и Саратовскую губернии. Германские гарнизоны сохраняли по отношению к донцам (как, впрочем, и к добровольцам — невзирая на антигерманские эскапады петушившихся вождей последних!) дружественный нейтралитет.

Дон был весь свободен от большевиков и достиг большого процветания внутри. В невиданно короткий срок Атаману Краснову удалось превратить вверенную его попечению область в «Орднунгсцелле» («ячейку порядка») — то есть, то, во что Гетман Павел Скоропадский безуспешно пытался превратить вверенную ему Украинскую Державу и в то, чем через год стала, после разгрома Советской республики, Бавария для Германии, охваченной, вслед за Россией, революционной смутой. В этой обстановке 15 августа 1918 года в столице Войска, Новочеркасске, собрался Большой Войсковой Круг. После всего вышеизложенного, для всякого непредвзятого человека было бы естественно ожидать, что члены Круга первым делом низко поклонятся Атаману Краснову в ножки за все сделанное, им, начиная с мая месяца, для родного Дона и лично для них, за то, что живы-здоровы, «сыты-пьяны, и нос в табаке». Со стороны рядовых «серошинельных» казаков, в том числе и делегатов Круга, отношение к Атаману было действительно восторженное. Но совсем иначе отнеслось к нему руководство Круга.

На внутреннем фронте

Дело в том, что Большой Войсковой Круг уже не был тем сплошь однородным «серым» кругом, каким был Круг спасения Дона. В него вошла интеллигенция, а также, что еще хуже — полуинтеллигенция — «образованщина», по Солженицыну (народные учителя и т. п.), ухитрившаяся, на первых порах, овладеть умами казаков. Круг разбился не только по округам и станицам, но и по политическим партиям. Председателем Круга, вместо пылкого донского патриота Янова, был избран хитрый думец-кадет В.А. Харламов, немедленно развязавший против Атамана подпольную борьбу. Подобно борьбе подрывных левых сил против гетмана Скоропадского на Украине, борьба против генерала П.Н. Краснова велась по двум направлениям:

— «прогерманская ориентация» Атамана;

— его «монархические убеждения».

Если с первым обвинением «серая» казачья часть Круга разобралась довольно быстро — уж слишком явными были практические успехи Донской власти, во многом ставшие возможными благодаря благожелательному отношению Германии, то со вторым было сложнее. За полтора года демократическая и большевицкая пропаганда сумела противопоставить в умах русских людей понятия «Царь» и «монархия» понятию «свобода». А без «свободы» русский человек — Вы сами понимаете! — прожить никак не может! Без Бога может, без Царя может, без Отечества (как показывает опыт) тоже, без денег, дома, работы, семьи и даже без штанов — запросто, но вот «свобода» для него — это святое! Только равенства, братства, да еще компактной гильотины на каждую отдельно взятую семью и не хватает!

Между тем, Атаман Краснов отслужил торжественную панихиду по Царю, зверски убитому большевиками, предварительно отдав об этом официальный приказ.

Офицерская газета «Донской край» редактировалась талантливым и опытным писателем И.А. Родионовым, считавшимся ярым монархистом, и в ней помещались статьи, в которых в благожелательном тоне шла речь о восстановлении монархии в России. Левые партии Дона потребовали в связи с этим немедленной отставки «реакционера» Родионова (кстати, настоятельно рекомендуем всем прочитать книгу И.А. Родионова «Дети дьявола», переизданную в 2003 году в Санкт-Петербурге «Русским Имперским Движением»). Обстановка накалилась до

такой степени, что Атаман Краснов, заявив, что оставляет свой пост и взяв из рук есаула золотой атаманский пернач, бросил его на стол с такой силой, что расколол верхнюю доску, и в гневе ушел из зала заседаний.

Но тут уж взволновалась «серая» часть круга — станичники и фронтовые казаки, знавшие и любившие своего славного генерала и Атамана. Немедленно в Атаманский дворец была отправлена депутация от Круга во главе с Председателем, уговорившая Атамана Краснова остаться на своем посту до предстоящих выборов. Эти выборы завершились триумфом Атамана Краснова, несмотря на все попытки левых заменить его кандидатом «проантантовской» ориентации — генералом Богаевским. Рядовые члены круга пришли в полный восторг, воочию узрев колоссальные достижения Дона, достигнутые под властью Атамана Краснова. Наибольшее впечатление на них произвел торжественный парад частей донской Молодой армии. Казалось, сама Русская Императорская Армия 1914 года воскресла перед ним в лице этих лихих казачат. И Атаман Краснов, вместо ожидавшейся левыми отставки, был произведен — через чин! — в полные генералы (от кавалерии). Ему устроили настоящую овацию.

Не прошло и недели после парада в Новочеркасске, как телеграф принес известие о новой громкой победе 1-й Пластунской бригады и 2-й Донской Казачьей Дивизии над большевиками в Чирском районе. Части Молодой армии наступали, как на том параде, не ложась, не кланяясь пулям, держа винтовки на ремне — и красные бежали перед ними. А когда они залегли и открыли меткий огонь по врагу, то сильные позиции большевиков вскоре были покинуты теми. Так Молодая армия Краснова успешно приняла боевое крещение.

Участники Круга разъехались по домам и станицам с горящими от восторга глазами, а Атаман Краснов остался один — нести дальше свой тяжкий Крест борьбы за спасение как своей «малой Родины» — Дона, так и «большой Родины» — России.

К сожалению, время работало против него. На одни только бесплодные заседания Круга ушел почти месяц. Из-за скрытого и явного противодействия со стороны командования Добровольческой армии так и не были решены главные стратегические задачи: освобождение сердца России — Москвы — и свержение богоборческой большевицкой власти. Отнюдь не по вине Донского Атамана летом 1918 года была упущена единственно реальная — за всю гражданскую войну! — возможность покончить с Советской властью одним ударом соединенных сил Донской и Добровольческой армий и

германского бронированного кулака. Оторвать от тела исстрадавшейся Отчизны присосавшихся к ней красных кровососов, выблеванных Сатаной, когда его рвало на нашу многострадальную землю!

«Германский бронепоезд»

Антибольшевицким силам Юга России летом 1918 года представилась действительно уникальная возможность добраться к осени до Москвы «на германском бронепоезде».

Во «Всевеликом Войске Донском» генерал Краснов высказывает эту мысль совершенно ясно и определенно:

> «Тогда — и это по тогдашнему настроению и состоянию Красной армии, совершенно не желавшей драться с немцами — несомненно, так и было бы — тогда немецкие полки освободителями вошли бы в Москву. Тогда немецкий Император явился бы в роли Александра Благословенного в Москву, вся измученная интеллигенция обратила бы свои сердца к своему недавнему противнику. Весь Русский народ, с которого были бы сняты цепи коммунистического рабства, обратился бы к Германии и в будущем явился бы тесный союз между Россией и Германией. Это была бы громадная политическая победа Германии над Англией, перед которой ничтожной отказался бы прорыв Линии Гинденбурга на Западном фронте и занятие Эльзаса. И державы Согласия приняли все меры, чтобы не допустить этого»…
>
> *(Всевеликое Войско Донское, с. 265).*

Атаману Краснову было хорошо известно об упорно ходивших — и очень похожих на правду! — слухах (причем известно из весьма солидных, внушавших доверие источников), что Англия к 1917 году, убоявшись могущества Российской Армии, готовой грозным прыжком овладеть и Берлином и Веной, испугавшись, что тогда ей придется исполнить свое данное перед войной клятвенное обещание отдать России Константинополь и проливы и утвердить русское влияние в Персии (что никак не входило в английские планы!), побудила изменников — генералов и сановников — добиться отречения Императора Николая II и вдохнула в умы несчастной русской интеллигенции подлую мысль о мире «без аннексий и контрибуций». Атаман знал, какую роль приписывали во всем этом деле английскому послу Бьюкенену и английскому золоту, но промолчал об этом, потому что еще верил в «благородство союзников».

Создание народной Донской армии и борьба ее — совместно с Добровольческой армией, в союзе с национальными армиями самостийной Украины, Крыма, Кавказа и Грузии — против большевиков, за окончательное освобождение России от ига III Интернационала, имело тот громадный политический смысл, что превращало классовую гражданскую войну, развязанную большевиками, в национальную войну всех народов России (и в первую очередь — русского народа) — против кремлевских узурпаторов. Тем самым генерал Краснов (быть может, сам того не сознавая!) обращал в свою пользу ленинский лозунг: «Превратим империалистическую (то есть межнациональную — В.А.) войну в гражданскую!». Именно в стихии гражданской войны сам Ленин с братией (а точнее — братвой!) чувствовали себя, как рыба в воде, освободив своих адептов от «химеры, именуемой совестью»! Краснов же преобразил ленинский лозунг в его противоположность, выбивая тем самым из большевицких лап бич социальной демагогии.

По замыслу Краснова, гражданскую войну необходимо было превратить в общенациональную борьбу народов Российской Империи во главе с русским народом и (пусть даже «самостийными» — пока!) казачьими войсками с узурпаторами русской государственности и самой души русского народа, засевшими в сердце Русской Земли — Первопрестольной белокаменной Москве.

Следует подчеркнуть, что необходимость соглашения с немцами была ясна тогда не только Краснову и Скоропадскому, но и многим деникинским добровольцам.

Так, уже упомянутый выше офицер Марковского полка писал:

«Положение Добровольческой армии в этот период (май 1918 г.) из безнадежного становится крайне выигрышным. Перед нею раскрываются широкие перспективы.

Нужно только правильно выбрать дальнейшее операционное направление к Москве и в связи с этим решить вопрос о своем отношении к Германии, предлагающей генералам Алексееву и Деникину через своего командира корпуса в Ростове свою помощь на условиях признания ими прекращения войны с Германией (и только-то! — В.А.).

Реальная политика требовала от наших вождей соглашения с немцами (если не о прямом сотрудничестве, то о сепаратном мире — В.А.).

Это давало сразу же Добровольческой армии блестящее исходное положение, а именно возможность перебросить Добровольческую армию на север и западные границы, Всевеликое Войско Донское — на Московское направление, на

непосредственную близость к Москве. Вряд ли бы Советская власть, обладавшая тогда еще незначительной Красной армией, устояла бы под двойным нажимом: с юга Добровольческой и Донской армий, а с востока — чехо-словаков и Народной армии.

В этом случае Добровольческая и Донская армии имели бы позади ближайший, обеспеченный немцами тыл — Украину и Дон.

Произойди это — и судьба России, конечно, сложилась бы иначе. Восстановив же могучую Россию, можно было бы потом и пересмотреть соглашение, заключенное с Германией (хотя — почему, собственно, нужно было бы его пересматривать?). Во всяком случае, в 1918 году соглашение с Германией казалось желанным очень многим русским людям, а настроение среднего и младшего офицерства было, безусловно, германофильское.

«Союзническая» ориентация «единонеделимцев»

Однако генерал Деникин твердолобо держался «союзнической» ориентации. Его штаб сразу же повел работу по дискредитации Атамана Краснова, невзирая на то, что вооружение и снабжение Добровольческая армия получала именно от него (а точнее — при его посредстве от столь ненавистных вождям добровольчества немцев!).

Дело доходило до курьезов. Так, на одной из своих первых встреч с Атаманом Красновым в мае 1918 года в станице Манычской генерал Деникин потребовал от Донского Атамана — ни много, ни мало! — уничтожения (!) диспозиции по уже выигранному бою с красными, в результате которого был освобожден Батайск — только лишь потому, что в диспозиции было указано, что «в правой колонне действуют германский батальон и батарея, в центре — донцы, а в левой колонне — отряд полковника Глазенапа Добровольческой армии». А добровольцы, видите ли, никак не могут действовать заодно с немцами! На это Атаман возразил Деникину, что выигранный бой за Батайск уже стал достоянием истории, а историю уничтожить задним числом нельзя («оруэлловские» эксперименты советских фальсификаторов истории были еще впереди!). Атаман Краснов предложил Деникину совместное наступление в направлении Царицына и Воронежа (что считал единственно разумным и цитированный нами выше Марковский офицер, равно как и генерал Н.Н. Головин).

Но Добровольческая армия, в лице своих «убеленных сединами» вождей Алексеева и Деникина, с плохо скрываемым презрением воротя нос от «донских сепаратистов», вместо подготовки совместного с казаками освободительного похода на Москву, предпочла начать борьбу за освобождение Кубани, дабы иметь на юге широкую базу «обещаний ради будущих благ». Поход на север ее, похоже, не интересовал.

Как известно, 2-й Кубанский поход увенчался большим — тактическим! — успехом — освобождением от красных всего Северного Кавказа и выходом Добровольческой армии на «широкую московскую дорогу»…жаль только, что с опозданием на целый год!

Победы деникинских добровольцев были поистине «пирровыми победами». Шаг за шагом выбывали из рядов Добровольческой армии ее лучшие вожди, военачальники,

идейные рядовые добровольцы, и с ними вместе гибли и моральные устои армии. В ее ряды вливалось все больше мобилизованных, среди которых наличествовала масса враждебного Белой Идее элемента.

В течение второй половины 1918 и начала 1919 года Добровольческая армия крепла численно, но слабела морально. А самой невосполнимой потерей была потеря времени. Как говаривал Петр Великий: «Потеря времени — смерти безвозвратной подобна». Добрармия, поставив себе целью решение задачи явно второстепенной (освобождения Кубани) вместо главной (наступления вместе с донцами через Дон на Москву) увязла в борьбе на Северном Кавказе, где потеряла целый год, инициативу в войне и, наконец, Россию.

Начав наступление на Москву лишь поздней осенью 1919 года, Добровольческая армия Деникина встретила на своем пути уже не красногвардейские банды, страшные лишь для мирного населения, а скованную железной дисциплиной и драконовскими мерами дециматора Троцкого регулярную Красную армию силою в миллион штыков и сабель, подгоняемую в спину пулеметами заградотрядов и руководимую отнюдь не последними генералами старого русского Генерального Штаба: Бонч-Бруевич, Парский, Гутор, Зайончковский, Клембовский, Свечин, Лебедев, Брусилов — список «черного войска» мог бы занять целую страницу. Да будут прокляты эти иуды во веки веков!

Финал этой истории всем нам слишком хорошо известен. В мае 1918 года русские люди вновь — как в черном феврале семнадцатого! — коллективным разумом и коллективными усилиями — безошибочно выбрали наихудший изо всех возможных вариант развития русской истории! Вот что значит без Царя в голове!

Итак, в мае 1918 года Всевеликое Войско Донское во главе со своим Атаманом стояло одно-одинешенько перед тяжелейшей задачей освобождения всех своих войсковых земель от большевиков и начала освобождения от красного ига всей остальной России.

Выше было показано, что с первой задачей Атаман Краснов и восстановленное им Всевеликое Войско Донское, спаянное железной дисциплиной Воинских Уставов Русской Императорской армии, модернизированных с учетом опыта Великой войны, справилось блестяще.

> «Большевизму Атаман противопоставил шовинизм, интернационалу — ярый национализм». Разъезжая по станицам и полкам, Атаман везде говорил одно: «Любите

свою великую, полную славы Родину — Тихий Дон и мать нашу — Россию! За Веру и Родину — что может быть выше этого девиза!».

Командующий Донской армией генерал-майор С.В. Денисов требовал не только полного соблюдения воинской дисциплины и порядка, но и форменной, щегольской, насколько позволяли обстоятельства, одежды и благопристойного поведения в общественных местах — «как при Николае», или, иначе говоря — в Царской армии до революции. Между тем, общеизвестно, что самым слабым местом Добровольческой армии была как раз дисциплина. Как говорится, «доблести много — дисциплины мало». Разлад между Доном и Добровольческой армией начался с мелочей и пустяков, но со временем он, вследствие крайне обостренного самолюбия генерала Деникина, очень скоро вылился в крайние формы. Деникина постоянно раздражала мысль, что Войско Донское, в отличие от его собственных «странствующих музыкантов», находится в хороших отношениях с немцами, и что немецкие офицеры запросто бывают у Донского Атамана.

Деникин не думал о том, что именно благодаря этим хорошим отношением Краснова с немцами Добровольческая армия безотказно получала оружие и боеприпасы и что немцы беспрепятственно пропускали через Украину и Донскую область русских офицеров, желавших служить под знаменами Деникина. Напротив, он видел в позиции Атамана Краснова только «измену союзникам» (давно уже продавшим и предавшим Россию!) и неизменно сторонился Атамана.

Пока у Донского Атамана имелась на фронте 60-тысячная армия, а у Деникина (вместе в войсками Кубанской Рады) — 12-тысячная, пока все снабжение «вечно странствующих» деникинских ратей шло через Донского Атамана, взявшегося быть посредником между Украиной и немцами — с одной стороны, и Добровольческой армией — с другой, Деникин молчал, и только его окружение исподволь готовило грязную клеветническую кампанию по дискредитации генерала Денисова, Атамана Краснова и всех донских казачьих патриотов. Эти слепцы стремились всеми правдами и неправдами свалить Донское правительство и Войско Донское. Впоследствии, при помощи пресловутых западных «союзников», они и впрямь свалили его… но в результате погубили свой последний ресурс в борьбе с большевизмом!

Как только война с красными перестала быть национальной, народной войной, она неизбежно стала войной классовой (как

того и хотели большевики, всеми силами стравливавшие разные части русского народа между собой!), и как таковая, по выражению генерала Краснова, не могла иметь успеха в беднейшем классе, утратив в его глазах всякую популярность. Кажется, в описываемый период это понимал только Донской Атаман П.Н. Краснов — быть может, потому, что был не только политиком и военным, но еще и писателем.

Упущенные шансы

Казаки и крестьяне отпали от Добровольческой армии — и Добровольческая армия погибла. Говорят об «измене казаков» Деникину, но не мешало бы при этом разобраться, кто кому раньше изменил — казаки ли Деникину, или Деникин казакам. Если бы Деникин не измерил казакам, жестоко оскорбив их молодое национальное чувство, казаки не покинули бы его. И прав был Атаман Краснов, когда, в числе своих врагов считал и генерала Деникина. Быть может, сам того не понимая, генерал Деникин, в сущности, направлял всю свою деятельность на разрушение Донского войска и тем самым, пилил сук, на котором сидел.

И тем самым способствовал распространению в казачьей среде настроений, ярко выраженных в стихотворении Николая Туроверова «Москва» (правда, написанном значительно позднее позднее, уже в 1947 году):

Заносы. Сугробы. Замерзшие глыбы
Сползающих с кровель снегов.
Цепные медведи вставали на дыбы,
Ревели от холодов.
У Темных, у Грозных, у Окаянных
За шерстью не видно лица:
Иваны, Иваны и снова Иваны,
И нет тем Иванам конца.

До белого блеска сносилась верига.
На улицах снежная муть.
Татарское иго — Московское иго:
Одна белоглазая чудь!
Что было однажды, повторится снова,
Но неповторна тоска.
На плаху, на плаху детей Годунова:
Москва ударяет с носка!

Пылает кострами Замоскворечье,
Раскинулся дым по базам,
Сожгли Аввакума, затеплили свечи:
Москва не поверит слезам!
Москва никому не поверит на слово,
Навек прокляла казаков,

И выпила черную кровь Пугачева
И Разина алую кровь.

Метели все злее. Завалены крыши.
Москва потонула в снегах.
Но чьи это души, все выше и выше
Плывут над Москвой в небесах?
В теплицах цветут басурманские розы,
На улицах — снежная муть.
Толстой-босиком, на машине — Морозов
Свершили положенный путь.

Цыганские песни. Пожары на Пресне,
А вот и семнадцатый год.
Все выше и выше, просторней, чудесней
Души обреченной полет
По небу полуночи…Черное небо,
А хлеб еще неба черней.
И шепотом, шепотом: корочку хлеба
Для беспризорных детей.

Но как при Иванах, при Темных, при Грозных,
Молитвам не внемлет земля.
По небу полуночи… Красные звезды
Мерцают на башнях Кремля.

Еще раз подчеркнем, что именно в мае 1918 года вождями Белого движения был упущен уникальный исторический шанс не просто вышвырнуть большевиков из Москвы, но и переиграть — в последнюю минуту! — итоги Первой мировой войны, сменив противоестественный русско-англо-французский союз на естественный, евразийский, русско-германский. Как писал в своих «Воспоминаниях» гросс-адмирал Альфред фон Тирпиц, создатель германского Гохзеефлотте (Флота Открытого Моря) и, между прочим, большой русофил: «Я не знаю, найдется ли в мировой истории пример большего ослепления, чем взаимное истребление русских и немцев к вящему прославлению англосаксов!».

В 1918 году был упущен, быть может, самый последний шанс свернуть мировую историю с пути «атлантизма», «глобализма», «мондиализма» и прочих «измов», выгодных только странам «золотого миллиарда», и, прежде всего — англосаксонской, замешанной на сионистских дрожжах и деньгах, цивилизации, на

путь расцвета и сосуществования различных культур — в частности, русской, германской и той, что именуется Евразийской. Сам генерал Краснов, хотя и честит тогдашних русских эмигрантов-евразийцев в «За чертополохом» не иначе, как «отвратительной помесью коммунистов и славянофилов», тем не менее, интуитивно, был, несомненно, евразийски мыслящим истинно русским человеком (чьи идеи в определенной мере перекликались даже с идеями послевоенного «евразийца» Л.Н. Гумилева — достаточно внимательно перечитать его книги, чтобы убедиться в правильности этого утверждения).

И конечно, если существует «Мировая Закулиса», она должны была сделать все, чтобы не дать этому случиться. Что же касается генералов М.В. Алексеева и А. Деникина (в отличие от, несомненно, честно заблуждавшегося Л.Г. Корнилова!), то они, очевидно, были весьма удобными для антантовских кукловодов добровольными агентами этой гипотетической (хотя кто знает?) Всемирной Ложи.

Вся лживость и неверность западных «союзников» России, их нагло-потребительское отношение к России в 1914-16 годах, их откровенно предательское поведение по отношению к хранившему им рыцарскую верность Государю Императору Николаю II, и до, и после (в особенности — после!) его злосчастного отречения от прародительского Престола, должны были давно открыть глаза всем русским людям, особенно — военным ранга генералов Алексеева и Деникина — если бы они, конечно, сами пожелали их открыть!

В мае 1918 года еще жив был Государь Император с Царской Семьей и своими верными слугами. У людей, целовавших крест, присягая верно служить Государю (пусть они даже проявили недостойные колебания, как генерал Алексеев год тому назад, в феврале 1917 года — но ведь поклонники Алексеева утверждают, что он вскоре раскаялся в своем февральском недостойном поведении!) имелась уникальная возможность, плюнув на «свое родное» и мировое «общественное мнение», и забыв о существовании «прогрессивной демократической общественности», пусть даже с немецкой помощью, но выгнать красных узурпаторов из Кремля, спасти Государя — и тем отвести от России Гнев Господень, доселе пребывающий на ней.

«За Веру, Царя и Отечество!» — вот та исконно российская формула, которую уж кто-кто, но старые-то, еще царского производства, русские генералы должны были усвоить себе хотя бы спинным мозгом — за неимением соответствующего органа в голове! Заметим себе, что в этой формуле даже Отечество стоит после Царя (а что уж тут говорить о каких-то вероломных лже-

союзниках!). Поистине, кого Господь желает погубить — того лишает разума. Ведь «февралисты» даже Царю, а точнее — Царице, тоже ставили в вину — даже с высокой думской трибуны — «измену союзникам», как самое страшное «преступление» — вспомним печально знаменитое милюковское «глупость или измена!». Между тем, всем верным Царским слугам должно было быть совершенно ясно, что союзником для Государевых людей может считаться только тот, на кого Его Императорское Величество им всемилостивейше указать соизволит. Так — в том числе из-за пресловутой «верности союзникам»! — русский генералитет (а за ним и народ) в 1917 году предал Царя, а вслед за тем, в 1918 году предал и Отечество, ибо спасать свое Отечество, терзаемое невиданной еще в истории зверской самозваной властью, генералы Алексеев. Деникин и иные с ними были готовы только на следующих «детсадовских» условиях:

> «Если Марианночка и Джонни согласятся нам помочь, то мы попробуем вытащить Верочку, Наденьку и Любочку с их матушкой Софией из воды, а то вон посмотрите — нехороший Вилли-хулиган им весло протягивает! Нет, лучше мы его этим веслом по голове! Пусть уж лучше все они потонут вместе, лишь бы миленькие Марианночка и Джонни не обиделись — а то вдруг они больше с нами в песочек не станут играть!».

Именно так выглядит — в исторической перспективе, разумеется! — поведение верховных военных вождей Добровольческой армии (о поведении ее «духовных» вождей, в лице кадетской и прочей думской сволочи, мы лучше умолчим!) в мае и летом 1918 года — если отбросить всю высокопарную шелуху их речей и писаний!

А «Марианна» и «Джон Буль» хладнокровно использовали русских иванов-дураков из «белого стана» в своих корыстных интересах.

Между тем, все утверждения, что вот-де, «союзники», победив Германию, придут (в случае заключения Россией соглашения с «проклятой немчурой») карать «неверных» русских «за измену» — представляются нам абсолютно несерьезными.

Да если бы германский Император Вильгельм II в самом деле въехал бы — с согласия остатков русской Армии — на белом коне в Москву, в качестве ее освободителя от ига Лениных и Троцких, и восстановил власть Дома Романовых, то свергнуть его с трона — после этого! — не смогла бы никакая в мире сила, возьми даже «союзники» Берлин (в чем автор очень склонен усомниться!).

Но, к сожалению, духа наступать на Москву — без

формального согласия вождей Добровольчества и заключения с ними соглашения о нейтралитете! — у германского Главнокомандования тоже не хватило. Слишком сильным было, видно, засилье ненавидевших «реакционный царизм» социалистов, а с другой стороны — ставленников мирового финансового капитала — в германском правительстве и рейхстаге — и свой шанс стать подлинно великой державой Германия тоже упустила. Теперь ей оставалось только проиграть мировую войну, что было вопросом нескольких месяцев.

Печальные итоги

Дальнейшее «водительство» (или «вождение»?) Добровольческой армии ее «вождями» (за исключением генерала барона П.Н. Врангеля — но он командовал — причем командовал превосходно! — уже не Добровольческой армией, а Русской армией в Крыму, и не в 1918, а, к сожалению, только в 1920 году) на Владикавказ-Дербент, Петровск, Баку, Сочи, Гагры, а потом на Киев — до странности напоминает рассказ Честертона «Сломанная шпага» из цикла о патере Брауне. В нем речь идет о том, как один храбрый и талантливый британский генерал — Сент-Клэр — погубил свое войско в борьбе с плохо подготовленными и обученными (хотя и многочисленными и обладавшими артиллерией) повстанцами, заставив свой отряд слишком долго топтаться у реки под ружейным и артиллерийским огнем — вместо того, чтобы с ходу форсировать реку и смести инсургентов.

Где спрятать лист? — В лесу. А чтобы спрятать мертвый лист, надо посадить мертвый лес. Страшный грех, говорит патер Браун. В конце рассказа выясняется, что «героический» британский генерал являлся изменником на содержании у повстанцев и был повешен своими уцелевшими после бойни, прозревшими солдатами, но — к вящей славе Англии! — объявлен мучеником и героем.

Мы, разумеется, далеки от мысли обвинять генералов Алексеева (не зря прозванного «дедушкой русской армии»), Деникина и прочих «февралистов», заодно со всеми, примкнувшими к ним, в работе на Антанту за хорошие деньги. Их жертвенный жизненный путь, навек осененный «мечом и венцом терновым», героическая гибель в борьбе с Красным Зверем в России или нищенское прозябание в эмиграции на сто процентов опровергают такую возможность.

Дело в другом. Сознательное отступление в феврале 1917 года от Духа и Буквы Царской присяги, нарушение святости Крестного целования лишило повинных в этом отступлении людей, особенно из среды высшего военного руководства — благодати Божьей, включая военную харизму. А всякое (в том числе и военное!) творчество, как любил повторять Атаман Краснов — плод Духа Святого!

Глас Бога в их душе — а только он может вызвать к жизни высшие творческие способности, в том числе и военные! — сменился (в лучшем случае!) «мнением» о Нем. Вместо этого все громче, с набатной силой, стал звучать в их душах голос «мира

сего» — той самой гипотетической (?) Мировой Закулисы. А голос этот, как нынче уже и нам грешным хорошо известно, говорит, что наивысшими ценностями-де являются не Вера, Царь и Отечество, а «идеалы» — свободы, демократии, прав человека и т. п. однообразно-унылая, и притом насквозь лживая, жвачка для бездумно-счастливого «овечества» — вот за них-то и надо полечь, как за правду-истину!

Так перестановка всего лишь нескольких акцентов в душах высших руководителей страны и Армии привели к нелепым решениям и, в конечном счете, к гибели их самих и Отечества, которое они были призваны защищать. Сказанное относится именно к России, потому что она одна из всех вовлеченных в войну стран старалась все-таки до 2 марта 1917 года быть Святой Православной Русью, водимой Помазанником Божьим, а значит, и Божьим Благословением — пока народ был согласен принимать Его! Не случайно только Россия изо всех воюющих держав провозгласила в качестве одной из своих основных целей в войне освобождение Царьграда от османского ига и восстановление Православного Креста на Святой Софии в Константинополе! Этот крест, кстати, был уже отлит и хранился на борту флагмана русского Черноморского флота — линкора «Императрица Мария», затонувшего в 1915 году в результате таинственного взрыва, причина которого не разгадана до сих пор!

Другие-то страны все давно уже были в руках «князя мира сего», и действовали согласно обычным законам и обычному разуму этого мира. Самой близкой из них по духу к России была все же Германия — и по лежавшему в ее основе монархическому принципу, и по сохранившимся остаткам германского идеализма. Не зря германский Император Вильгельм II, искренне верующий христианин, повелел изготовить две точные копии Священного Лабарума — знамени Святого Равноапостольного Царя Константина Великого с монограммой Иисуса Христа — одну из которых подарил римскому папе, а другую хранил в своей дворцовой часовне, откуда она была похищена неизвестными во время Ноябрьской революции в Германии в 1918 году! Поэтому погубить Россию и Германию враги Монархии и Христианства постарались вместе!

Атаман Краснов, как фронтовой, далекий от Ставки и ее интриг генерал, был свободен от февральского иудиного греха — поэтому Дух Божий благословлял и направлял его дела, подарив под его Атаманством последнее счастливое в XX веке лето Православному Тихому Дону. Невиданно богатый урожай, почти полное восстановление промышленности (в первую очередь — военной, оборонной), освобождение всей донской территории от

врага — и выход на исконные рубежи грядущего наступления на Москву (где ты была в это время, Добровольческая армия?) — и это все при том, что настоящий, полноценный союз с немцами ему заключить так и не дали — сказалось резко отрицательное отношение к нему Добрармии и, конечно, «прогрессивного общественного мнения», резко вылезшего изо всех щелей и активизировавшегося сразу после ухода большевиков с донской земли. Что это было за мнение? Да включите любую программу TV — и узнаете.

Для подтверждения нашего мнения о положении на Дону и общей оценки положения дел на юге России вновь приведем отрывок из воспоминаний одного из основателей русской монархической Южной армии (союзницы Донской) — герцога Г.Н. Лейхтенбергского:

Был конец июля 1918 г. В Киеве, где я тогда проживал со своими старшими детьми, постепенно, под охраной немецких штыков, укреплялось правительство Гетмана Скоропадского, организовывалась правительственная украинская власть, водворялись покой и тишина, и экономическая жизнь края начала возрождаться.

На Дону правил Атаман Краснов и там также нарождалась вооруженная сила и укрепились порядок и тишина.

На Кубани Добровольческая армия успешно боролась с большевиками и старалась всемерно увеличивать свои силы. На юге России, таким образом, создавалась широкая база для действий против Советской Москвы в будущем. Говорю: в будущем, потому что разнородные силы — Украину, Дон и Кубань — надо было еще координировать; теоретически координировать их было бы не трудно одной просто поставленной целью — борьбой с большевизмом, как с мировым злом и мировой опасностью, и восстановлением России. Теоретически большинство деятелей того времени это и понимали, но практически достигнуть соглашения в этом направлении было крайне нелегко: мировая война все еще продолжалась, и Россия, как таковая, выбыла из строя и превратилась в арену междоусобной войны и международных интересов.

На Украине господствовали немцы, и Гетман должен был с ними считаться при каждом своем шаге. Своей армии у него еще не было и неизвестно было, когда немцы разрешат таковую создать…

Добровольческая армия, выкинув лозунг: «верность союзникам до конца», всецело рассчитывала на их, союзников, помощь и, ставя патриотическим лозунгом: Единую, неделимую

Россию, не желала признавать Украины, (лишь) поневоле считаясь с Доном и, что было хуже с практической, русской точки зрения, признавала немцев на Украине своими врагами и всячески это подчеркивала.

Один только Дон, своими собственными силами избавившийся в то время от большевиков, не был связан политически ни с одной из боровшихся еще в то время в Европе коалиций и сохранял свою чисто-русскую независимость. Атаман Краснов мог, поэтому, со спокойной совестью искать материальной поддержки и у немцев, и у Союзников, поскольку и те, и другие пожелали бы помогать ему в борьбе против большевиков…

Вся относительная устойчивость положения на Дону рухнула в ноябре 18-го года — когда стало известно, что Кайзер Вильгельм II отрекся от престола и покинул страну. Это известие совершенно убило дух германского офицерства, и армия стала стремительно разлагаться, повторяя путь русской армии 17-го года, может быть, в чуть более цивилизованном варианте.

Ошеломленные переворотом в собственном тылу германские солдаты, как писал П.Н. Краснов, всего неделю назад грозным «Halt» останавливавшие толпы рабочих и солдат на Украине, покорно давали себя обезоруживать украинским крестьянам. Украинские большевики останавливали эшелоны со спешившей домой баварской кавалерийской дивизией, отбирали оружие и уводили из вагонов лошадей». В этой связи можно вспомнить и похожие строки из незабвенной «Белой Гвардии» Михаила Булгакова.

«А днем успокаивались, видели, как временами по…главной улице…проходил полк германских гусар. Ах, и полк же был!.. Лошади в эскадронах шли одна к одной, рослые, рыжие четырехвершковые лошади, и серо-голубые френчи сидели на шестистах всадниках, как чугунные мундиры их грузных германских вождей на памятниках города Берлина.

Увидав их, радовались и успокаивались и говорили далеким большевикам, злорадно скаля зубы из-за колючей приграничной проволоки:

— А ну, суньтесь!».

И вот теперь на Западе области Войска Донского возникла зияющая рана — дыра во фронте длиной в 600 километров, и закрыть ее было нечем.

После капитуляции Германии на Дон прибыли представители «союзных держав», поддерживавших концепцию единого командования Белыми армиями на Юге России, против чего категорически возражали генерал Краснов и назначенный им

командующим Донской армией генерал Денисов.

26 декабря 1918 года на станции Торговая состоялось совещание генералов Краснова и Денисова с их штабами.

На этом совещании командующий Донской армией генерал Денисов и его начальник штаба генерал Поляков резко выступили против единого командования. В отличие от них, генерал Краснов согласился на подчинение генералу Деникину — при сохранении автономии Донской области и Законов Всевеликого Войска Донского.

«Вы подписываете себе и Войску смертный приговор» — сказал Атаману генерал Денисов.

Благодарность западных «союзников»

А помощь от западных «союзников» так и не поступала. На Дон неумолимо надвигалась катастрофа. В это самое тяжелое время 1919 года, когда Атаман Краснов тщетно молил генерала Деникина и антантовских «союзников» о помощи, к нему прибыл с чрезвычайными полномочиями начальник французской военной миссии капитан Фукэ. Этот «милый» человек предъявил Донскому Атаману — в качестве предварительных условий любой союзнической помощи — форменный ультиматум следующего содержания:

«Мы, представитель французского главного командования на Черном море, капитан Фукэ, с одной стороны, и Донской Атаман, председатель Совета министров Донского войска, представители Донского правительства и Круга, с другой, сим удостоверяем, что с сего числа и впредь:

1.Мы вполне признаем полное и единое командование над собою генерала Деникина и его совета министров.

2.Как высшую над собою власть в воинском, политическом, административном и внутреннем отношении признаем власть французского главнокомандующего генерала Франшэ д`Эсперэ.

3.Согласно с переговорами 9 февраля (28 января) с капитаном Фукэ все эти вопросы выяснены с ним вместе и что с сего времени все распоряжения, отдаваемые войску, будут делаться с ведома капитана Фукэ.

4.Мы обязываемся всем достоянием войска Донского заплатить все убытки французских граждан, проживающих в угольном районе «Донец» (имеется в виду Донбасс — В.А.), где бы они не находились, и происшедшие вследствие отсутствия порядка в стране, в чем бы они ни выражались, в порче машин и приспособлений, в отсутствии рабочей силы, мы обязаны возместить потерявшим трудоспособность, а также семьям убитых вследствие беспорядков и заплатить полностью среднюю доходность предприятий с причислением к ней 5-типроцентной надбавки за все то время, когда предприятия эти почему-либо не работали, начиная с 1914 года, для чего составить особую комиссию из представителей угольных промышленников и французского консула…»

Атаман прочел это оригинальное условие и смотрел широко раскрытыми глазами на Фукэ.

— Это все? — спросил он возмущенным тоном.

— Все, — ответил Фукэ. Без этого Вы не получите ни одного

солдата.

— Так вот она, так долго и так страстно ожидаемая помощь союзников, вот она пришла, наконец…

Ну, что скажете, дорогие читатели? Вы, может быть, ждали (или все еще ждете — даже сейчас! — чего-то иного?).

А Донской фронт остался без резервов. Позади никого нет, а когда позади никого нет — жутко становится на фронте…

Если бы «союзники» действительно пришли помогать, разве было бы так? Невольно напрашивалось сравнение с немцами. Как быстро подавались чести корпуса генерала фон Кнерцера в апреле и в мае 18-го. Не успеешь оглянуться, как уже низкие серые каски торчат перед носом оторопевшего «товарища» и слышны грозные окрики: «halt» и «ausgeschlossen». А ведь это были враги! Если враги так торопились помочь Атаману, как должны были спешить друзья!

А так и пропаганды не нужно — дело ясное. Помощь западных «союзников» — обман!

«Союзники — сволочи!» — как совершенно справедливо писал в булгаковской «Белой Гвардии» на голландских изразцах печи Николка Турбин.

В конце января 1919 года в Верхне-Донском округе разразилась катастрофа — несколько казачьих полков отказались продолжать вооруженную борьбу и перешли на сторону противника.

На заседании 2 февраля 1919 года Большой Войсковой Круг потребовал отставки генералов С.В. Денисова и И.А. Полякова — героев освобождения Дона от красных летом-осенью 1918 года.

Атаман Краснов заявил, что это недоверие Большого Войскового Круга распространяется и на него, и подал в отставку. Перед этим он сказал, что Дон пошел по пути Февральской России.

Отставка была принята Большим Войсковым Кругом после обработки делегатов по округам, которым было внушено, что «это требование союзников», «это желание генерала Деникина», «без этого нам не будет оказано союзниками никакой помощи».

В нарушение закона баллотировку провели открытым голосованием.

До выборов нового Атамана Круг передал атаманскую власть генералу А.П. Богаевскому. Последнему суждено было нести тяжкий крест звания и обязанностей Донского Атамана до самой своей смерти в Париже в 1934 году.

Отставкой Атамана Краснова закончился самый славный и удачный для белого Дона период гражданской войны. Впереди было военное поражение, расказачивание, уход множества

казаков за рубеж, страдания эмигрантов на чужбине, а для оставшихся горе мыкать в родных станицах — использование в качестве пушечного мяса в войне красной Совдепии с «панской» Польшей, раскулачивание, «черные доски», голодомор — в общем, страшный конец Тихого Дона.

Прибывший к концу Круга генерал Деникин выразил лицемерное сожаление и посоветовался с Атаманом Красновым о достойных кандидатурах на пост командующего Донской Армией и начальника ее Штаба. П.Н. Краснов указал на генералов Ф.Ф. Абрамова и А.К. Кельчевского — высокоодаренных, образованных и понимающих военное дело. К назначению предложенных ему в качестве кандидатов Сидорина и Семилетова генерал Краснов отнесся резко отрицательно, как к личностям нечестным, беспринципным и способным на всяческую интригу.

Вот мнение генерала П.Н. Краснова о генералах Сидорине и Семилетове, как и о прочих любимчиках Харламова, Деникина и «прокадетского» Большого Круга:

«Нет, нет, никогда. Только не Сидорин. Это нечестный человек, погубивший наступление генерала Корнилова на Петроград. Это интриган. И притом он пьет», сказал Атаман…По окончании доклада генерала Денисова (на Большом круге 2 февраля 1919 года — В.А.) на трибуну начали выходить один за другим все те генералы и штаб-офицеры, которые были в свое время удалены генералом Денисовым от службы и добились звания членов Войскового Круга. Вышел генерального штаба полковник Бабкин, удаленный за трусость и глупость, вышел генерал Семилетов, лихой руководитель детских партизанских отрядов, эксплуатировавший детей и командовавший партизанами из такого далека, где не слышны были пушечные выстрелы, удаленный за неправильно составленные отчеты, вышел генерального штаба полковник Гнилорыбов, удаленный за трусость и агитацию против Атамана, генерал-лейтенант Семенов, обвиненный в лихоимстве в Ростове, и, наконец, генерал Сидорин. Все они выступили с нападками на генерала Денисова, а косвенно на Атамана Краснова.

Разумеется, генералом Деникиным в командующие были назначены именно они. Причем командующий Донской Армией Сидорин поручил генералу Семилетову организацию боевых дружин из студентов, кадет и гимназистов, что было запрещено при Краснове. Чья-то злобная рука под корень уничтожала надежды донских казаков — казачьих детей.

В день отъезда Атамана были получены со всех 4 фронтов телеграммы на его имя. Казаки требовали не покидать поста в грозную для Войска минуту. Но председатель Круга — кадет и

думец Харламов — телеграмм этих Атаману не передал и Кругу о них не доложил. В миниатюре повторилась история с телеграммой генерала графа Ф А. Келлера Государю, подло скрытой от него генералом Алексеевым. 6 февраля весь Новочеркасск вышел к поезду проводить своего Атамана. Атаману поднесли Адрес от Круга Черкасского Округа, который поспешили подписать и другие члены Большого Круга, а супруге Атамана Лидии Федоровне — прекрасный букет живых цветов.

В Ростове Атамана ожидали новый Адрес и почетный караул Лейб-гвардии Казачьего полка. На дворе станции был собран весь Лейб-гвардии казачий полк.

Генерал Краснов поблагодарил лейб-казаков за уже не причитающееся ему внимание, говорил о Святом Долге защищать Донское войско и во всем повиноваться Атаману генералу Богаевскому.

Вагон Армавир-Туапсинской железной дороги, высланный за бывшим Атаманом его братом, прицепили к Екатеринодарскому поезду, и бывший Атаман покинул Войско навсегда — так, во всяком случае, считал он сам в 1922 году, когда писал свой, до сих пор неоцененный в полной мере историками, труд «Всевеликое Войско Донское».

Годы на чужбине

О дальнейшей судьбе генерала Краснова в годы первой гражданской войны нам осталось рассказать совсем немного. Весну и лето 1919 года Петр Николаевич и Лидия Федоровна провели в Батумской области — как бы в изгнании. В июле 1919 года, по ходатайству генерала от кавалерии Н.Н. Баратова, генерал Деникин рекомендовал Петра Николаевича в распоряжение командующего белой Северо-Западной армией — генерала от инфантерии Н.Н. Юденича. Рядовым добровольцем П.Н. Краснов проделал поход «северо-западников» от Нарвы до Царского Села, высидел всю осаду Нарвы, издавал вместе с А.И. Куприным, снова надевшим в лихую годину погоны, ежедневную газету «Приневский край».

Северо-Западная армия генерала Юденича, поначалу успешно наступавшая на занятый большевиками Петроград, потерпела кв конечном счете поражение исключительно из-за предательства все тех же западных «союзников» России по Антанте (в особенности англичан). В самый решающий момент сражения на подступах к Петрограду англичане и французы полностью прекратили поставки «северо-западникам» оружия, боеприпасов, снаряжения, продовольствмя и медикаментов.

«Белыми» эстонскими и латышскими войсками (при активной поддержке военно-морского флота англичан и не без участия французов и американцев, приславших на Балтику свой крейсер «Питтсбург») были блокированы и частично интернированы все русские и балто-немецкие белые резервные отряды, сформированные в Прибалтике и готовившиеся выступить на выручку Северо-Западной армии Юденича, буквально истекающей кровью в боях с пятикратно превосходящими силами большевиков на подступах к Петрограду, превращенному Троцким в «красную пролетарскую крепость».

Мало того! «Союзники» натравили софрмированные, вооруженные и снабженные ими всем необходимым (вплоть до бронеавтомобилей, танков, аэропланов, тяжелой артиллерии, военных кораблей и бронепоездов) армии наймитов Антанты — «белых» эстонцев и латышей (а под конец — и литовцев) — на белую русско-немецкую Западную Добровольческую армию генерал-майора князя П.М. Авалова (Бермондта), не пропустив ее через территорию Латвии на помощь Юденичу и тем самым окончательно похоронив все надежды русских патриотов на освобождение северной столицы России от красных.

Все 30 000 солдат и офицеров белой Северо-Западной армии генерала Юденича, отступившие в конце концов на территорию Эстонии, были в 1920 году разоружены и заключены в эстонские концентрационные лагеря, где почти все русские добровольцы погибли от каторжного труда, болезней, голода и издевательств. Это откровенное военное преступление в отношении своих недавних русских союзников (без помощи которых очищение территории Эстонии от красных было бы невозможным) было совершено «белыми» эстонцами (с ведома и при полном попустительстве коварных англичан) по тайному сепаратному сговору с советским режимом Ленина-Троцкого, в обмен на обещание большевицкого режима признать независимость Эстонии и двух других новообразованных прибалтийских государств — Латвии и Литвы.

В январе 1920 года генерал Краснов был назначен представителем Добровольческой армии в Эстонии и стал членом комиссии графа Палена по ликвидации Северо-Западной армии. В конце марта 1920 года Петр Николаевич, по требованию «властей» марионеточной Эстонии, был вынужден покинуть Ревель (переименованный эстонцами в «Таллинн»). Начались долгие годы изгнания. Военная служба России закончилась. Казалось, навсегда…

Но никто не освобождал его от службы на литературном фронте! Генерал Краснов продолжал свою присяжную службу утраченной Родине и на этом поприще тоже.

В эмиграции им было издано более двадцати томов романов, повестей и мемуаров — и через все проходит красной чертой горячая любовь к России. Помимо чисто литературной деятельности, он участвовал в подготовке кадров будущей Русской армии — как он надеялся — читая на военно-научных курсах генерала Н.Н. Головина (фактически — русской Академии Генерального штаба в изгнании) свой уникальный курс военной психологии.

К числу наиболее знаменитых произведений П.Н. Краснова, опубликованных в эмиграции и получивших, в большинстве своем, мировую известность, относятся «От Двуглавого Орла к красному знамени», «Цареубийцы», «Белая свитка», «Лярго», «Ложь», «Понять-простить» и «За Чертополохом». Между тем, в библиотеках НКВД (и прочих аналогичных ведомств) кто-то неведомый и невидимый составлял подробную подборку сочинений Петра Николаевича и тщательно прорабатывал ее с карандашом в руке. Но об этом — чуть позже.

Всякий непредвзятый читатель согласится, что любому нынешнему литератору даже одной сотой доли ответственности и

славы писателя, историка и историософа П.Н. Краснова с лихвой хватило бы для того, чтобы считать себя прижизненным классиком и почивать на лаврах. И тем более интересно будет узнать, как в действительности оценивал сам Петр Николаевич себя и свое место в русской литературе.

«Я казачий, кавалерийский офицер, и только», подчеркивал он в одном из своих писем генерала Головину. «Я не только не генерал от литературы, но не почитаю себя в ранге офицеров. Так, бойкий ефрейтор, который, когда на походе устанет и занудится рота, выскочит вперед и веселой песней ободрит всю роту. Я тот ефрейтор, который ходит в ночные поиски, ладно строит окопы, всегда бодр и весел и не теряется ни под сильным огнем, ни в атаке. Он, несомненно, нужен роте, но гибель его проходит незаметно, ибо таких, как он, много — так и я в литературе, один из очень многих…».

Эти строки взяты из статьи генерала Головина, помещенной в «Русском инвалиде» № 138 за 1939 год, посвященной генералу П.Н. Краснову и изданной к 50-летию его пребывания в офицерских чинах. Генерал Головин пишет далее, что он позволит себе не согласиться с Петром Николаевичем в столь скромной оценке, зная невероятную популярность его произведений у русской молодежи, которая зачитывается его произведениями, учась любить старую, а через нее — и будущую Россию.

Генерал Н.Н. Головин также пишет, что сам был свидетелем того, как исторические произведения генерала Краснова, посвященные трагическому периоду революции и гражданской войны, увлекали американскую молодежь в Калифорнии, открывая ей правду о России, оклеветанной темными силами революции.

Сам же Петр Николаевич (вероятно, под влиянием сотрудничества с ним в газете белой Северо-Западной армии «Приневский край») причислял к «литературным генералам» А.И. Куприна, насквозь лживый «Поединок» — плевок в лицо Русской Императорской армии, встреченный подлинным ликованием всеми врагами России! — которого заслуживает не литературных лавров, а срывания любых погон и разжалования в «литературные рядовые».

К сожалению, даже такой независимый мыслитель, как П.Н. Краснов, оказался не вполне свободен от столь презираемого им «прогрессивного общественного мнения», формируемого — как в России дореволюционной, так и в русской эмиграции и тем более в нынешней России — прессой, отличающейся весьма специфическим углом зрения на русскую историю. Видимо, это

влияние сказалось на Петре Николаевиче и в его самом известном романе «От Двуглавого Орла к красному знамени», в котором он дает вполне «думскую» и «светско-петербургскую» характеристику Г.Е. Распутина, а, характеризуя Государыню Императрицу, едва ли не преступает границы, дозволенные для верноподданного.

В дальнейшем, в написанном в 1930 году романе «Ложь», Петр Николаевич уже сам показывает и разоблачает механизм, созданный врагами исторической России с целью опорочить Светлое Имя Государя Николая Александровича и Его Августейшей Семьи — но на осознание этого даже такому светлому уму, как Краснову потребовалось немалое время.

Впрочем, путь первопроходца никогда не бывает легким, а генерал Краснов всю свою жизнь был во многом именно первопроходцем — например, в создании — впервые в истории русской военной мысли! — дисциплины под названием «военная психология» и попытке ее практического внедрения уже в период гражданской войны, на Дону, в курсы подведомственных ему, как Донскому Атаману, военных учебных заведений. Он был первопроходцем и в разработке поистине гениальной концепции, которую так и не смогли понять и оценить окружавшие его лидеры Белого движения — концепции превращения развязанной большевиками гражданской, классовой войны — в национальную войну против Третьего Интернационала, что уже тогда давало шанс одолеть большевиков.

Особо подчеркнем тот факт, что концепция Краснова осталась не оцененной по достоинству до сих пор. Из современных авторов только у Станислава Рыбаса в его замечательной книге о генерале Кутепове содержится ее верная оценка, данная из уст самого генерала Краснова. Первопроходцем он являлся и во многих своих произведениях, носивших пророческий характер, в которых смог предвидеть многие черты развития Европы и остального мира в конце XX века. Разве не близки сердцу современного читателя строки из «За Чертополохом», говорящие о «светлом демократическом будущем»:

«Рушились предприятия, кормившие сотни тысяч рабочих, и торжествовал только жирный, разъевшийся, гладко выбритый с лицом упыря шибер (спекулянт — В.А.)… Банки наглели — банковские деятели становились богами».

(Сообщения из газет): «Женева. Лига наций. По поводу войны между Мексикой и Соединенными Штатами — было суждение под председательством представителя республики Монако. Война объявлена вне закона. На республику Эквадор возложено

обуздание САСШ как напавшей стороны. Вооруженные силы республики Эквадор состоят из 5 старых ветеранов. Лига наций считает, что важно моральное воздействие».

«В Центральной Африке племя людоедов Уистити образовало самостоятельную демократическую республику. Коммунистическое Конго двинуло на нее вооруженную красную гвардию. Сражение началось».

А чего стоит предсказание об учреждении Сионской Еврейской республики и сокращении территории Британской империи до размеров Англии и Северной Ирландии, причем в Ольстере идет непрерывная война!

Совсем неплохо для 1922 года, не правда ли!

Не зря говорится, что всякая теория, верно предсказывающая факты — верная теория.

Наряду с этим, к подлинным перлам русской литературы, в том числе, по мнению генерала Головина, можно отнести произведения П.Н. Краснова, содержащие подлинные описания быта и боевых будней Русской Армии (например, описание русско-турецкой войны 1877–1878 годов за освобождение балканских славян в романе «Цареубийцы» — хотя оно проходит там как второстепенная тема). За одни эти страницы Атаман П.Н. Краснов, по заключению генерала Головина, будет причислен к сонму русских классиков, так же точно, как в летописях русской Армии он будет почитаться одним из ее героев-начальников.

Выдающийся русский журналист и писатель П.Н. Краснов вот уже более ста лет неизменно находит себе верных читателей (и почитателей) во всех кругах русского общества, начиная с Государя Императора Николая II, русских офицеров, юнкеров и кадет времен Империи, гражданской войны и Русского Зарубежья — а сейчас мы являемся живыми свидетелями возрождения славы писателя и военачальника Краснова в родной стране. Ведь этому глубоко творческому человеку и патриоту России и казачества, не связанному цепями «прогрессивного общественного мнения», всего за пару месяцев удалось явить миру почти что полностью восстановленный, или воссозданный, кусочек дореволюционной России — и это в адских условиях гражданской войны летом 1918 года!

Всем известно, что П.Н. Краснов всегда был и навсегда остался убежденным сторонником восстановления монархии в России и ярым противником большевизма. Его любимой фразой было: «Я — Царский генерал». В сфере общественно-политической деятельности в эмиграции он являлся активным членом Высшего Монархического Совета и боевой антисоветской организации «Братство Русской Правды» (антибольшевицкую

борьбу отрядов «Братства Русской Правды» — повстанческих дружин «Зеленого Дуба» — П.Н. Краснов блестяще описал на страницах своего романа «Белая свитка»), редактировал монархический журнал «Двуглавый Орел» (в 1920–1922 и 1926–1931 гг.).

Как писатель, Краснов неустанно подчеркивал свою бескомпромиссно антисоветскую позицию, и свержение коммунизма в России любыми средствами и в союзе с любыми силами считал продолжением Белой борьбы. Понятно, что из всех европейских режимов конца 30-х гг. наиболее близким его идеалам оказался режим национал-социалистической Германии, объявивший «мировому масонству» сначала «холодную» (идеологическую), а затем и «горячую» войну, к которой всей душой стремился и генерал Краснов. Объективности ради, следует подчеркнуть при этом два обстоятельства.

Во-первых, атаман Краснов не относился к числу тех, кто примкнул к Гитлеру лишь после его прихода к власти и побед в начальный период Европейской Гражданской (Второй мировой) войны (как это сделал, например, советский диктатор Иосиф Сталин, заключивший с «бесноватым фюрером» в 1939 году пакт о ненападении и договор о дружбе и общей границе), а также вторжения Красной армии в Польшу с востока — одновременно с германскими агрессорами, напавшими на «белополяков» с Запада, что положило конец существованию польского государства — «этого гнилого порождения Версальского договора», как «сказал нам Молотов в своей известной речи»!

В отличие от Сталина, Молотова и иже с ними, Царский генерал и русский патриот Петр Николаевич Краснов изначально — например, еще в период написания «За Чертополохом», симпатизировал монархическому крылу антибольшевицкого движения Германии — в частности, германскому «Стальному Шлему» («Штальгельму»), позднее, однако, не оправдавшему его надежд.

Во-вторых, П.Н. Краснов, одобрявший многое в области патриотического воспитания германской молодежи в Третьем рейхе (после растленного режима Веймарской республики!), вовсе не считал режим фюрерства (вождизма), равно как и идеал превосходства отдельной нации и расы подходящим для такой многонациональной страны, как Россия. По его глубочайшему убеждению, для нее подходил лишь один режим — только Православная Монархия. Так он и писал в заключительных строках своего романа «Ложь».

На Второй Гражданской

Когда 22 июня 1941 года началась советско-германская война, генералу Краснову показалось, что наконец-то, на новом витке исторического развития, начала осуществляться его лелеемая с лета 1918 года давняя, заветная мечта — въехать в Москву «на германском бронепоезде». Да и вообще казаки-эмигранты в основной своей массе приветствовали нападение Третьего рейха на Советский Союз, не без основания считая его превентивным ударом.

Как писал современный российский историк казачества Петр Крикунов в своем капитальном труде «Казаки. Между Сталиным и Гитлером. Крестовый поход против большевизма» (Москва, Эксмо, 2006 г., с. 71):

«Именно в Гитлере они (казаки — В.А.) видели человека, способного не только уничтожить ненавистный коммунистический режим, но и вернуть их на родину». В день начала Крестового похода против большевизма, 22 июня 1941 года, день летнего солнцеворота (промыслительным образом совпавший с Днем Всех Святых, в земле Российской просиявших) П.Н. Краснов с пламенной убежденностью писал: «Я прошу передать всем казакам, что это война не против России, но против коммунистов, жидов и их приспешников, торгующих Русской кровью. Да поможет Господь немецкому оружию и Хитлеру (так в письме Краснова — В.А.)! Пусть совершат они то, что сделали для Пруссии Русские и Император Александр I в 1813 году».

А на следующий день, 23 июня 1941 года, П.Н. Краснов дал в письме атаману Е.И. Балабину подробные разъяснения по поводу проводимых им исторических ассоциаций:

> «Свершилось! Германский меч занесен над головой коммунизма, начинается новая эра жизни России, и теперь никак не следует искать и ожидать повторения 1918 года, но скорее мы накануне событий, подобных 1813 году. Только роли переменились. Россия (не Советы) — является в роли порабощенной (Наполеоном I Бонапартом — В.А.) Пруссии, а Адольф Гитлер (здесь у Краснова фамилия вождя Третьего рейха дана уже в «традиционном» русском написании — В.А.) в роли благородного Императора Александра I. Германия готовится отдать старый долг России. Быть может, мы на пороге новой вековой дружбы двух великих народов».

28 июня, через шесть дней после начала операции «Барбаросса», пребывавший в Париже Донской Атаман граф М.Н. Граббе издал специальный приказ-воззвание к донским казакам, призвав их во второй раз поднять оружие против большевизма и готовиться к возвращению домой. В его приказе говорилось, в частности:

«Донцы! Неоднократно за последние годы в моих к вам обращениях предсказывал я великие потрясения, которые должны всколыхнуть мир; говорил неоднократно, что из потрясений этих засияет для нас заря освобождения, возвращения нашего в родные края.

22 сего июня Вождь Великогерманского рейха Адольф Гитлер объявил войну Союзу Советских Социалистических Республик. От Ледовитого океана до Черного моря грозною стеною надвинулась и перешла красные границы грозная германская армия, поражая полки Коминтерна. Великая началась борьба.

Донское казачество! Эта борьба — наша борьба. Мы начали ее в 1919 году, в тот момент, когда, пользуясь преходящими затруднениями Империи, интернациональная клика революционеров-марксистов своей лживой демократичностью обманула русский народ и захватила власть в Петербурге — не Донская ли Область первою отринула власть захватчиков? Не Донские ли казаки объявили власти этой войне не на живот, а на смерть, провозгласив для сего независимость Всевеликого Войска Донского?

И можем ли мы забыть ту дружескую помощь, которую оказала нам в борьбе, ведшейся нами рука об руку с не принимавшими большевизма национальными русскими силами, находившаяся в то время на юге России Германская Армия?

В героических, неравных боях за родные очаги, за Тихий Дон, за Мать нашу Святую Русь мы не сложили оружия перед красными полчищами, не свернули своих старых знамен. Все казаки, принимавшие участие в борьбе, предпочли покинуть в 1920 г. Родину, уйти на чужбину, где ждало их неизвестное будущее, тяготы и тяжелые испытания. Войско Донское не подчинилось захватчикам, оно сохранило свою независимость, казачью честь, свое право на родную землю.

В условиях тягчайших, отстаивая право на жизнь, Донское казачество в эмиграции осталось верным казачьим традициям, Дону, исторической России (курсив наш — В.А.). Самим существованием каждого казака на чужбине оно утверждало идейную борьбу против коммунизма и большевиков, ожидая той заветной минуты, когда дрогнут и покачнутся красные флаги над

занятым врагами Кремлем.

Двадцать лет надо было ждать, двадцать долгих лет!

Сложили иные из нас свои кости вдали от дедовских могил, но так же, как и прежде, грозит врагу Донское войско. Есть еще порох в пороховницах, не гнется казачья пика!

И вот, наконец, пробил час, столь долгожданный. Поднято знамя вооруженной борьбы с коммунизмом, с большевиками, с советчиной. Поднял это знамя мощный народ, силе которого ныне удивляется мир.

Мы не имеем пока возможности стать на поле битвы рядом с теми, кто очищает нашу землю от скверны коминтерна; но все наши помыслы, все наши надежды летят к тем, кто помогает порабощенной нашей Родине освободиться от Красного ярма, обрести свои исторические пути.

От имени Всевеликого Войска Донского я, Донской Атаман, единственный носитель Донской власти, заявляю, что Войско Донское, коего я являюсь Главою, продолжает свой двадцатилетний поход, что оружие оно не сложило, мира с Советской властью не заключало; что оно продолжает считать себя с нею в состоянии войны; а цель этой войны — свержение Советской власти и возвращение в чести и достоинстве домой для возобновления и возрождения Родных Краев при помощи дружественной нам Германии. Бог браней да ниспошлет победу знаменам, ныне поднятым против богоборческой красной власти!

Атаманам всех Донских казачьих и Общеказачьих станиц по всем странам в эмиграции приказываю произвести полный учет всех казаков.

Всем казакам, в станицах и организациях казачьих не состоящим, приказываю в них записаться. Связь со мною держаться всемерно.

Донской Атаман, генерал-лейтенант Граф Граббе».

С аналогичной по содержанию приветственной речью к казакам и всем русским эмигрантам обратился и Атаман Общеказачьего объединения в Германской империи, упоминавщийся выше генерал-лейтенант Е.И. Балабин:

«В 1917 году русский народ, обольщенный лживыми обещаниями международной банды вождей Коммунистического Интернационала, восстал против законной, вековой и возвеличившей Россию власти и вступил на путь пагубной марксистской революции, которая привела его к потере всего того, что создавалось в течение тысячелетия трудами и кровью наших предков.

Крепкие духом и разумом казаки не поддались разлагающей пропаганде врагов нашего отечества евреев и

интернационалистов и оказывали им сопротивление в течение трех лет.

Изнемогшие в неравной борьбе, потерявшие на поле брани более миллиона своих сынов, лишенные необходимого вооружения, истощенные экономически, казаки не пошли на мир со злодейской властью и ушли со своими вождями, Войсковыми Атаманами, в изгнание.

В течение 20 лет, в невероятно тяжелых условиях жизни хранило казачество идею национального возрождения Родины и ожидало благоприятной обстановки для возобновления борьбы за честь и счастье своей Матери-России (курсив наш — В.А.).

Двадцатилетнее тираническое правление международной еврейской банды, засевшей в кременной Москве и насильственно проводившей в жизнь безумные бредни лжеученого еврея Маркса, довело нашу Родину до неслыханного унижения и разорения. Россия утратила свое международное положение, лишилась того уважения, которым пользовалась среди цивилизованных народов Европы, и обратилась в анонимный союз советских республик, не пользующийся у культурного мира ни уважением, ни авторитетом, ни доверием. Ее неисчислимые естественные богатства бессмысленно расточались на нелепые затеи индустриализации и пропаганды всемирного мятежа. Россия, житница Старого Света, могущая прокормить своими урожаями тройное количество всей Европы, существует в постоянном состоянии голода, и миллионы людей буквально умирают от недостатка питания. И в то же время кремлевская банда продает хлеб и продукты питания за границу, чтобы получить средства на подготовку всемирной марксистской революции и установление кровавой диктатуры во всей вселенной.

Долгожданный момент освобождения России, наконец, наступил: 22 июня Вождь Германского народа, предупреждая нападение красных войск на свою территорию, приказал доблестной своей армии начать наступление.

Началась новая эра жизни России.

В первые две недели силам Коминтерна нанесен ряд тяжких поражений.

Добровольную помощь победоносной Германской Армии оказывают все нации Европы, снаряжая отряды для борьбы против моральной заразы, распространяемой из древней столицы Святой Руси, для борьбы за веру Христову, поруганную богоборцами-иудомасонами, за гражданскую свободу, за право хозяйственной инициативы, которая одна только дает твердый стимул для всякой разумной экономической деятельности.

В этих условиях все казачество, как ушедшее в изгнание, так

и оставшееся в России и 22 года мучившееся под гнетом злодейской власти, одушевлено одной мыслью, одним желанием: получить возможность участвовать в освобождении родины от погубивших ее насильников и в устроении ее внутренней гражданской и экономической жизни на началах разума, права и социальной справедливости.

Ныне освободительная задача возлагается Всеблагим Промыслом на Вождя Великой Германии Адольфа Гитлера. Под его мудрым и благословенным водительством началось освобождение России, шестой части света, и не одной только России, но всего человечества, на священные права и свободу которого кремлевские злодеи замышляли и упорно подготовляли изменническое нападение.

Мы верим, что над нашей Родиной уже восходит заря свободы и счастья и что Великая Россия (курсив наш — В. А.), в достойном союзе с великой Германией и всеми соединенными с нею народами Европы, вступит на путь истинного прогресса и новой жизни на началах общественной справедливости, права и материального благоденствия».

Как может убедиться уважаемый читатель, все мысли лидеров казачьей эмиграции были о возрождении Великой России, а отнюдь не о казачьем сепаратизме, как самоцели. Генерал Краснов мог бы спокойно подписаться под воззваниями графа Граббе и Балабина «обеими руками». Он не мог оставаться в стороне от борьбы за спасение своих Родины и Отечества и, не колеблясь, возглавил Козакен-Ляйтштелле — Главное Управление казачьих войск в составе германского вермахта (а не войск СС, как часто неправильно пишут!).

Кстати, генералу Деникину, спокойно пописывавшему в эмиграции свои вполне политкорректные «Очерки русской смуты», немцы — вопреки лживым утверждениям деникинских апологетов! — никогда не предлагали перейти к ним на службу, зная о его стойком антигерманизме, антимонархизме и либеральном мировоззрении (так что он, даже если бы захотел, попросту не имел возможности «гордо отказаться от предложений немцев стать предателем»).

П.Н. Краснов посвятил себя формированию казачьих соединений для борьбы с давним врагом исторической России и казачества — советской «Рабоче-Крестьянской» Красной «армией мирового пролетариата» (выпестованной большевицким режимом в первую очередь для борьбы с русским народом и другими народами России и уничтожившей больше «пролетариев, то есть, тех самых пресловутых рабочих и крестьян, чем все «белобандиты» и «фашисты» вместе взятые)!

И никто в современном казачьем движения России, кроме жалкой кучки розовато-красных недоумков — пусть даже и нацепивших бутафорские погоны «генералов казачьих войск», каковых в исторической Росси отродясь не бывало!(а были только генералы Русской Императорской армии, вкомандовавшие казачьими войсками!) не осуждает эту позицию Царского генерала и Донского Атамана П.Н. Краснова в последней в его жизни схватке с мировым коммунизмом (а отнюдь не с Россией и не с русским народом). Для этого достаточно ознакомиться с сегодняшними казачьими изданиями — такими, как «Казачий Взгляд», «Казачий Спас», «Станица», «Отечество и Вера» и многие другие.

Именно из-под пера Петра Николаевича вышел текст присяги, которую приносили чины казачьих частей в составе германского вермахта:

«Обещаю и клянусь Всемогущим Богом, перед Святым Евангелием, в том, что буду Вождю Новой Европы и Германского народа Адольфу Гитлеру верно служить и буду бороться с большевизмом. Не щадя своей жизни до последней капли крови.

В поле и крепостях, в окопах, на воде, на воздухе, на суше, в сражениях, стычках, разъездах, полетах, осадах и штурмах буду оказывать врагу храброе сопротивление и все буду делать, верно служа вместе с Германским воинством защите Новой Европы и родного моего войска от большевицкого рабства и достижению полной победы Германии над большевизмом и его союзниками».

Согласно данным Главного Управления Казачьих Войск, к 1945 году на территории Великогерманского рейха (включая территорию довоенной Австрии) и других стран Европы было дислоцировано около 110 000 казаков. Данную цифру, в частности, приводил соратник П.Н. Краснова, Кубанский Атаман генерал В.Г. Науменко в своем труде «Казаки и Русское освободительное движение».

Из этих 110 000 верных сынов Тихого Дона, Кубани, Терека и других Казачьих Войск — «жемчужин в короне Российской Империи» — до 30 000 штыков и сабель числились в составе XV Казачьего Кавалерийского Корпуса под командованием германского генерала Гельмута фон Паннвица (в самом конце войны чисто формально подчиненного Главному Управлению войск СС под названием XIV, а позднее XV Казачьего Кавалерийского Корпуса СС), 35 000 — в составе Казачьего Стана под командованием Походного атамана Доманова, 2000 сабель — в составе Казачьего резерва генерала А.Г. Шкуро и 1500 штыков и сабель — в 1-м казачьем полку полковника В.Э. Зборовского, входившего в состав Русского (охранного) Корпуса на Балканах

(сражавшегося, под командованием генералов М.Ф. Скородумова и Б.А. Штейфона и полковника А.И. Рогожина, в основном против коммунистических банд Иосипа Броз Тито, а на завершающем этапе Второй Гражданской войны — также против Красной армии и болгарских войск, в последний момент повернувших штыки против своих бывших соратников по Антикоминтерновскому пакту).

Кроме того, огромное число казаков, включенных в состав отдельных сотен, эскадронов, рот, команд и взводов, мелких групп, а то и выступавших в качестве бойцов-одиночек, сражалось с красными (а во Франции и в Италии — также и с западными «союзниками», оставившими по себе недобрую память на казачьей земле еще во время Первой Гражданской!) в рядах частей германского вермахта, войск СС и Русской Освободительной Армии (РОА) генерала А.А. Власова, а на заключительном этапе войны — в составе войск Комитета Освобождения Народов России (КОНР).

Многие тысячи казаков, не способные более, вследствие ранений, болезней или преклонного возраста, с ражаться против красных с оружием в руках на поле боя, крепили оборону Третьего рейха честным трудом в различных германских учреждениях, на фабриках, в строительной «Организации Тодта» и на сельскрхозяйственных работах и служили в вспомогательной полиции, обеспечивая закон и порядок в тылу.

Почти всем этим казакам, за малыми исключениями, если только им не посчастливилось прежде с честью пасть на поле брани или в последнем порыве отчаяния покончить с собой, предстояло оказаться выданными сталинской охранке «благодарными» западными «союзниками» на позорную казнь или каторжный труд в ГУЛАГе. Не минула сия горькая чаша и Петра Николаевича Краснова.

Последний, поистине Крестный путь Донского Атамана на красный эшафот, вместе с сохранившими ему верность до гробовой доски и до конца восхищавшимися им казаками, через очередное предательство западных «союзников», выдавших его, вместе с другими казачьими генералами и офицерами, в нарушение торжественного обещания, СМЕРШ-у в Лиенце в 1945 году, не может не вызвать уважения к светлой личности генерала Краснова — даже безотносительно оценки правомерности его участия, как русского офицера и патриота, в войне с Советами на стороне гитлеровской Германии.

Старому Царскому генералу суждено было вернуться в Москву, но не победителем «гидры революции», а пленником, дабы принять в ней мученическую смерть и пополнить собой

число Новомучеников и Исповедников российских самого трагического века (как хотелось бы надеяться!) российской истории. Промыслительным образом Петр Николаевич сумел абсолютно точно предсказать и описать свою судьбу — вплоть до судебного заседания в красной Москве и вынесения смертного приговора! — в своем, пожалуй, лучшем романе — «Ложь».

16 февраля 1947 года Царский генерал-мученик Петр Николаевич Краснов уже лично дал своему погибшему от тех же рук, что и сам он, Царю-Мученику у Престола Царя Небесного отчет обо всей своей беззаветной борьбе за Веру, Царя и Отечество на этой грешной Земле.

Вместе с ним и другими казачьими атаманами и генералами взошел на эшафот и последний Всеказачий Походный Атаман генерал Гельмут фон Паннвиц, командующий XV Казачьим Кавалерийским Корпусом. Как природный немец и подданный Германского рейха, фон Паннвиц выдаче Советам не подлежал и мог отправиться в британский лагерь для военнопленных. Но он так любил и ценил русского человека, казака, бойца, что, дав ему клятву на верность даже перед лицом смерти, остался ей верен до конца и до дна испил смертную чашу вместе со своими казаками, отказался от права немца покинуть свой пост и своих людей, сохранить если не свободу, то. хотя бы, жизнь — ибо жизнь не имела, в его глазах, никакой ценности, если платой за ее сохранение была бы потеря чести. Он предпочел сохранить честь солдата и свое имя светлым в памяти всех тех, кто пережил катастрофу выдачи казаков Советам из Австрии весной 1945 года, всех, кто сражался с коммунистами под его командованием, предпочел погибнуть, «славное имя предков низким деянием не запятнав».

Нам представляется уместным привести здесь посвященное последнему Всеказачьему Походному Атаману бесхитростное, но преисполненное глубочайшего уважения к самопожертвенному подвигу германского казачьего генерала стихотворение казака И.И. Сагацкого, опубликованное в казачьем журнале «Родимый край» (Париж, № 94, май-июнь 1971 года).

Фон Паннвиц

Ему сказали: «Вы свободны:
Мы уважаем Ваш мундир.
Но казаки нам неугодны,
К несчастью, Вы — их командир…»

Шли поезда…Ему кричали:
«Прощай, наш Батько-генерал!»
И он, как вылитый из стали,
Один их молча пропускал…

Когда ж на смерть и на страданья
Ушел последний эшелон,
К своим врагам без колебанья
Вернулся сам спокойно он.

Сказал им: «Всюду с казаками
Я был, как с братьями, в бою.
Хочу суда над всеми нами,
А не щадить судьбу мою».

И те, кто, видимо, не знали,
В чем смысл и сила слова «Честь»,
Его с презрением предали
На неминуемую смерть.

Трагедия генерала Краснова

Нам также представляется уместным коснуться и другой стороны исторической медали. Итоги деятельности генерала П.Н. Краснова в годы Второй мировой войны (являвшейся для него, как мы знаем, Второй Гражданской войной) в очередной раз заставляют задуматься о том, что, к сожалению всех истинных патриотов Великой России и российского казачества, история не знает повторения упущенных один раз исторических шансов. Недаром говорят, что она, история, повторяется дважды — один раз, как трагедия, а другой — в Европе, возможно, как фарс, а у нас в России — еще раз как трагедия.

Трагедия генерала Краснова заключалась прежде всего в следующем: он не заметил (или не захотел заметить), что, несмотря на наличие многих элементов несомненной схожести с вооруженной борьбой казачества, при участии германской армии, против Советской власти, ситуация лета 1918 года в период 1941-45 годов зеркально переменилась. Если бы летом 1918 года состоялось совместное наступление на красную Москву русских Донской и Добровольческой армий, при активной или даже пассивной поддержке германских войск, это была бы национальная, народная война русского народа с интернациональным, в основном инородческим (на тот момент) сбродом, обманом и насилием захватившим власть в обеих столицах и нескольких центральных губерниях России.

Воинская опора тогдашней «Советской власти» летом 1918 года состояла в основном из латышских, мадьярских, китайских и прочих (даже немецких!) «интернационалистов». Летом 1918 года позиция Атамана Краснова — будь она даже в тысячу раз более прогерманской! — с моральной и патриотической стороны являлась полностью оправданной, и с военной точки зрения (как показал весь дальнейший ход Первой гражданской войны!) давала русским национальным силам единственный шанс на победу над кровавым Коминтерном.

В то же время, Вторая мировая (Европейская Гражданская) война, сначиная с 22 июня 1941 года (хоти мы этого или не хотим) стала все-таки последней Великой Отечественной войной советского (но, прежде всего — русского) народа. Его консолидации способствовали как генетическая память русского народа — поистине неповторимой уникальной общности, выкованной в горниле непрерывной национальной обороны поколениями Великих Государей Московских, Русских Царей, а

впоследствии — Императоров и Самодержцев Всероссийских.

Войну выиграли отнюдь не ленинская партия большевиков (почти поголовно поставленная к стенке «за все хорошее» Иосифом Сталиным — еще одним «германским прихвостнем» — во всяком случае, Сталин, не в меньшей степени, чем Ленин с Троцким — в глазах правых, и Скоропадский с Красновым — в глазах левых, мог с полным основанием считаться таковым, по крайней мере, в 1939-41 годах!) и не Коминтерн (распущенный тем же Иосифом Сталиным в 1943 году); ее выиграла «инерция Российской Империи».

Если в первые десятилетия после октябрьского переворота 1917 года советское государство не носило, по выражению русского историка Дмитрия Жукова, ни малейшего оттенка русскости, красноармейцы в двадцатые годы в обязательном порядке изучали в частях эсперанто («язык Мировой революции»), всякая историческая преемственность с Российским государством отрицалась и красные СМИ торжественно провозглашали: «Наш лозунг — всемирный Советский Союз», то, начиная примерно с 1937 года, историческая память русского народа в СССР, после двадцати лет усердно насаждавшегося насильственного беспамятства, стала постепенно возрождаться — пусть даже и на некоей новой, уродливой «социалистической» основе. Произошла почти тотальная смена большевицкого партаппарата, сохранившегося еще с ленинских времен и понятно из кого состоявшего (особенно в «высших градусах» красной номенклатуры).

«Чистка» Красной Армии коснулась в первую очередь кадров, назначенных еще товарищами Лениным и Троцким и, по новой логике «построения социализма в одной стране», пришедшей на смену прежнему стремлению «бросить Россию, как охапку дров, в костер Мировой революции», была бы с необходимой неизбежностью проведена все равно — независимо от предлога. В 1934 году были восстановлены исторические факультеты в Московском и Ленинградском университетах (ликвидированные «пламенными революционерами-интернационалистами», желавшими преподавать массам «пролетариев, не имеющих отечества» исключительно «теорию классовой борьбы»).

В 1937 году впервые на общегосударственном, общесоюзном уровне были отмечены 125-летие Бородинской битвы и столетие со дня гибели Первого Русского Поэта. По всей стране прошли Пушкинские торжества, и национальная русская классика вновь заняла подобающее ей главенствующее место в школьных программах — вопреки совсем недавним большевицким призывам «сбросить Пушкина с корабля современности»!

Безраздельно господствовавшая прежде в Совдепии официальная большевицкая теория о Российской Империи как о «тюрьме народов» сменилась новой установкой о «положительном значении» для многих народов их вхождения в состав России. Наряду с утверждениями о «полнокровном расцвете всех наций и народностей исключительно в условиях социализма», был возрожден абсолютно «антибольшевицкий» для Ленина (с его: «А на Россию мне плевать, я большевик!») и всей «несгибаемой (Царь не смог или не пожелал «согнуть», так Сталин «согнул», да еще как!) ленинской гвардии» тезис о «консолидирующей исторической роли русского народа».

На смену узаконенному большевицкими идеологами (вроде Александры Коллонтай) всеобщему распутству (любви «пчел трудовых», для которых сойтись друг с другом — все равно, что «выпить стакан воды»)и стремлению передать воспитание детей всецело в руки безбожного государства, пришли «руководящие указания» о ценности семейных отношений, «семьи как ячейки общества», о необходимости мер, способствующих увеличению рождаемости, укреплению института брака.

На советских киноэкранах стали появляться фильмы вроде «Александра Невского» (как-никак, князь, предок Благочестивых Русских Государей и Православный Святой!) или «Суворов», где с экрана — и это в разгар антирелигиозной пятилетки! — устами царского Генералиссимуса открыто провозглашалось: «Бог — наш генерал!» (а в конце концов дело дошло до постановки грандиозного игрового фильма о столь «неполиткорректной» и усердно обвиняемой в «юдофобии» личности, как гетман Богдан Хмельницкий, в честь которого был, в довершение ко всему еще и орден учрежден)!

В СССР начала издаваться патриотическая литература об Отечественной войне 1812 года и о других периодах Российской Истории (вопреки прежнему большевицкому лозунгу «Все мы — родом из Октября!»). Пусть в чудовищно усеченном, донельзя заидеологизированном и крайне неуклюже приспособленном к «строительству социализма в отдельно взятой стране» виде, но восстанавливалась насильственно разорванная в роковом 1917 году связь времен.

Разумеется, невероятная жестокость Советской власти с 1917 по 1941 год прошлась стальным катком по стольким людям и сломала столько судеб, столько сердец горело неумолимой жажды мести «комиссарам в пыльных шлемах» — в их ленинском, троцкистском, сталинском и ином обличье, что число русских солдат в красноармейской форме, добровольно сдавшихся в плен и перешедших на сторону германских войск, а также

добровольцев, неустанно пополнявших «восточные части» вермахта на оккупированных территориях, превышало все мыслимые и немыслимые цифры и проценты, которые когда-либо знала Российская Империя.

Не менее двух миллионов русских людей и представителей других наций и народностей, населяющих гигантские евразийские пространства Российской Империи (а на тот момент — Советского Союза), с оружием в руках сражались против Советского правительства. Но все они составили лишь небольшую часть вовлеченного в войну населения воюющей Державы — бывшей Российской Империи и тогдашнего Советского Союза.

Аман

Читая о жестокой казни генерала П.Н. Краснова советскими палачами, поневоле задумываешься о том, почему его именно повесили, а не, скажем, отправили в мир иной девятью граммов свинца в затылок из чекистского нагана, как это было принято при ликвидации «врагов народа» и «предателей Родины» в сталинских застенках. И тогда приходят на ум следующие слова из Священного Писания:

> Вот, я дом Амана отдал Есфири, и его самого повесили на дереве за то, что он налагал руку свою на Иудеев.
>
> *Есф., 8, 7.*

И невольно вспоминается судьба одного из современников Петра Николаевича, во многом аналогичная судьбе Донского Атамана. Этого современника никак нельзя было назвать «фигурой умолчания». О нем все что-нибудь когда нибудь да слышали. Всякому человеку, интересующемуся историей Третьего рейха и вообще историей национал-социализма в частности, известно, что был среди сподвижников бесноватого фюрера Адольфа Гитлера такой человек — Юлиус Штрейхер — «патологический антисемит», «бульварный журналист» и одновременно «чудовищный развратник» и «любитель самой грязной порнографии», казненный в 1946 году в Нюрнберге по приговору Международного военного трибунала за «заговор с целью захвата Европы и мира» и за «преступления против человечества». Но этим знания по теме «Штрайхер» у большинства, как правило, и ограничиваются. И это в то время, как о других «столпах» Третьего рейха — Гитлере, Геринге, Геббельсе, Гиммлере, Бормане, Гейдрихе, Мюллере, Гессе и прочих написано множество книг!

Попробуем же, с Божьей помощью, без гнева и пристрастия восполнить этот досадный пробел, поскольку судьба Штрейхера не только во многом повторяет, но и во многом объясняет судьбу нашего главного героя.

Юлиус Штрейхер появился на свет 12 февраля 1885 года в семье учителя сельской школы во франконской деревушке

Фляйнгаузен, близ старинного германского города Аугсбурга. С началом Великой войны в 1914 году он ушел добровольцем на фронт, был награжден за храбрость Железными Крестами II и I степеней, всеми тремя степенями баварской медали «За отвагу» и рядом других боевых наград Германской империи и Баварского королевства.

Вернувшись с войны, Штрейхер в 1919 году стал одним из основателей антисемитской народнической «Германской социальной партии», влившейся под его руководством в 1921 году в состав Национал-социалистической германской рабочей партии (НСДАП). Присоединившись к Адольфу Гитлеру и фельдмаршалу Эриху Людендорфу в дни мюнхенского «пивного» путча 8–9 ноября 1923 года, направленного против баварских сепаратистов и правительства «ноябрьских преступников» Веймарской республики, он был осужден вместе с ними и другими участвовавшими в путче национал-социалистами и приговорен к заключению в тюрьме Ландсберг.

После выхода на свободу Штрейхеру было запрещено заниматься преподаванием в учебных заведениях (в Германии еще и по сей день действует это суровое наказание за политические преступления, целенаправленно лишающее провинившегося возможности заработать себе на жизнь, именуемое по-немецки «беруфсфербот», то есть «запрет на работу по профессии»).

В период запрета НСДАП Юлиус Штрейхер руководил пришедшей этой партии на смену в качестве правопреемницы организацией «Великогерманское Народное сообщество» (по-немецки: «Гроссдейче Фольксгемейншафт»). В качестве делегата от этой организации Штрайхер был в 1924 году избран в баварский ландтаг (земельный парламент), депутатом которого неизменно избирался до 1932 года, что говорит о его большой популярности среди избирателей.

Параллельно с парламентской деятельностью Штрейхер, после выхода из заключения Адольфа Гитлера, успешно делал партийную карьеру в воссозданной последним НСДАП. В 1928 году он стал гауляйтером (национал-социалистическим секретарем обкома) Франконии, получив именно на этом партийном посту свое знаменитое прозвище «вождя франков» («франкенфюрера»), расценивавшееся самим Штрайхером как весьма лестное для него и ставившее бывшего скромного учителя-фронтовика в один ряд с легендарными франкскими королями героического периода поздней Античности и Средневековья — Арбогастом, Хлодвигом, Карлом Мартеллом и Карлом Великим.

В 1933 году Юлиус Штрейхер был избран депутатом

общегерманского парламента — рейхстага (сохранив депутатский мандат до 1945 года) и в том же 1933 году назначен руководителем «Центрального комитета по борьбе с еврейской травлей и бойкотом» Германии, организовавшим, в частности, бойкот еврейских магазинов в Германии 1 апреля 1933 года. Кроме того, он принимал участие в выработке известных Нюрнбергских расовых законов, принятых в 1935 году.

С начала 20-х годов Юлиус Штрайхер посвятил себя серьезному изучению Священного Писания (в первую очередь — Ветхого Завета), а также Талмуда. В результате своих исследований он пришел к заключению, что «до тех пор, пока иудеи будут объявлять и считать себя «избранным народом», у них всегда будут возникать проблемы во взаимоотношениях с народами тех стран, в которых они проживают». Особенно запомнились впечатлительному и воспитанному в строгих правилах христианской веры Штрейхеру содержащиеся в Талмуде, мягко говоря, нелицеприятные упоминания об Иисусе Христе («Иешу Га-Ноцри») и обо всех, кто верует в Христа («ноцрим», «миним» или «акумах»). Многие из этих нелицеприятных упоминаний он даже заучил наизусть и часто цитировал, причем не всегда в подходящих обстановке и окружении.

Все это, естественно, не могло не наложить определенного отпечатка на мировоззрение Юлиуса Штрейхера. Так, например, он пришел к твердому убеждению, что в 1917 году власть в России захватили «иудеи-большевики», что именно они убили русского Царя и Царскую семью и начали править Россией посредством жесточайшего террора. По глубокому убеждению Штрейхера, ему удалось распознать и правильно определить методы подрывной работы «иудейского Советского правительства» (нем.: «juedische Raeteregierung»), как он его именовал, Баварии во главе с Куртом Эйснером (Соломоном Космановским), а затем — Ландауэром, Левиным, Аксельродом и сыном петроградского банкира Евгением (Ойгеном) Левине, засланными в Баварию в качестве агентов Коминтерна из красной Москвы, правительства, захватившего власть в конце 1918, ввергнувшего весь юг Германии в кровавый хаос гражданской войны и свергнутого штыками бойцов немецких белых добровольческих корпусов («фрейкоров») 1 мая 1919 года.

В результате наблюдений за происходящим в других странах Европы у Штрейхера также сложилось убеждение, что и там «иудеи-большевики» силой устанавливают авторитарные режимы (например, режим Белы Куна в Венгрии, 30 из 48 «народных комиссаров» которого также были иудеями, и т. п.). В конце

концов, Штрайхер пришел к общему выводу, что иудеи повсеместно стремятся к одной общей цели — установлению полного, безраздельного и окончательного господства «избранного иудейского народа» над всеми другими народами, исподволь и неуклонно навязывая последним свою волю путем постепенной кажущейся «ассимиляции» иудеев, проповеди «многорасовости» и «мультикультурности».

Придя к этому выводу, Штрейхер не замедлил принять самое активное участие в антииудейской кампании со страниц своих газет, окрещенных политическими противниками национал-социализма «погромными листками». Два основанные им периодические издания пользовались, может быть не слишком значительной, но все же популярностью. Они представляли собой малоформатные газеты с весьма сжатым текстом. Проведя тщательный анализ опыта, накопленного в результате публикации этих малотиражных изданий, Юлиус Штрейхер с начала 1923 года приступил к изданию неофициального, также малоформатного, но уже многотиражного еженедельника «Дер Штюрмер» («Штурмовик»), который политические противника Штрейхера стали честить уже не просто «погромным», но вдобавок и «порнографическим листком». Его еженедельник нередко являлся источником немалых огорчений не только для шефа пропаганды доктора Йозефа Геббельса, но и для самого Гитлера, поскольку «Штюрмер», издававшийся не НСДАП, в качестве официального партийного органа печати, а лично Штрейхером, был в буквальном смысле слова неподконтролен национал-социалистической партии.

Тем не менее, в период с 8 по 18 августа 1934 года, «Дер Штюрмер» был запрещен за публикацию статьи о главе правительства Чехословацкой республики, расцененной как «откровенно клеветнический пасквиль» (но в то же время другое издание Штрейхера — ежедневная, хотя и ограниченная региональными рамками Франконии, газета «Френкише Тагесцейтунг», продолжало беспрепятственно публиковаться). Вообще же в основе публикаций в «Штюрмере», по глубочайшему убеждению противников Штрейхера, лежал «беззастенчивый и патологический антисемитизм», причем общий собирательный портрет «иудея», представавшего со страниц еженедельника перед аудиторией, «щедро приправлялся такими кровавыми наветами, как обвинение иудеев в ритуальных убийствах христианских младенцев», утверждениями о подчинении всемирного масонства «невидимому высшему руководству», состоящему также из иудеев, и т. п.

Так, например, в «Штюрмере» изображались иудеи,

собирающие в чашу кровь из перерезанных младенческих горл, а под этим страшным рисунком помещалась рифмованная подпись следующего содержания:

Durch die Jahrhunderte vergoss der Jud',
Geheimem Ritus folgend, Menschenblut.
Der Teufel sitzt der Menschheit tief im Nacken —
Es liegt an euch, die Satansbrut zu packen!

(что, в переводе с немецкого языка на русский, означало: Столетиями иудей, следуя тайному ритуалу, проливал человеческую кровь. Дьявол прочно уселся на шее человечества. Будет ли это сатанинское отродье схвачено, зависит от вас!).

Вот за эту-то свою агитационную деятельность, направленную на создание вокруг иудеев атмосферы всеобщей ненависти — при этом больше на словах, чем на деле — Штрейхер и был после окончания Европейской Гражданской войны заключен западными «союзниками» сначала в тюрьму, а затем и в лагерь Мондорф. Впрочем, Штрейхер пострадал еще при Гитлере, задолго до своего заключения в лагерь. Даже заклятый враг Штрайхера — Бенно Мартин, высший руководитель СС и полиции Нюрнберга — вынужден был признать в ходе проведенного следственными органами союзников дознания, что Штрейхер выступал против «Имперской хрустальной ночи» 9 ноября 1938 года, когда по всему Третьему рейху, в ответ на убийство польским эмигрантом-евреем Гершлем Грюншпаном германского дипломата Эрнста фом (именно фом, а не «фон», как часто ошибочно пишут!) Рата, прокатилась волна погромов, арестов и конфискаций иудейской собственности.

Свое отрицательное отношение к «Хрустальной ночи» Юлиус Штрейхер обосновывал своим глубоким убеждением в том, что в долгосрочной перспективе допущенные в Германии беззакония и произвол пойдут на пользу тем же иудеям. Тем не менее, следователи нашли в его деле «зацепку» — Штрейхер не высказал никаких возражений против последовавшего вслед за событиями «Хрустальной ночи» сноса главной синагоги Нюрнберга, обосновав ее снос с чисто градостроительной точки зрения, а именно — указав на то, что восточный стиль архитектуры синагоги не гармонирует с общим готически-средневековым архитектурным обликом древнего имперского города Нюрнберга; религиозное же значение синагог как мест отправления культа и посещения верующими для молитвы Штрейхер всегда упорно отрицал, считая их, на основании знаний, почерпнутых им, как он

сам утверждал, из Талмуда, исключительно местами заключения коммерческих сделок между иудейскими «жуликами, пройдохами и интриганами».

В результате Юлиус Штрейхер очень скоро превратился во «врага № 1» всего организованного «международного иудейского сообщества» (по его же собственному выражению). Один из сотрудников издательства Штрайхера даже собрал целую коллекцию нападок на «франкенфюрера», публиковавшихся в международной прессе, и даже собирался издать эти тысячи гневных филиппик в виде отдельной антологии под ироничным названием «Штрейхер, кровавый деспот из Франконии», однако претворению этого замысла в жизнь помешало начало Второй мировой войны.

Между тем, заветной мечтой Штрейхера, по его же собственным словам, было вовсе не поголовное истребление всего еврейского населения Германии. Он хотел лишь дожить до того дня, когда все иудеи будут, в конце концов, изгнаны за пределы дорогого ему Фатерланда. Он утверждал, что даже многие из аккредитованных в Германии зарубежных дипломатов мысленно аплодируют его активной антисемитской деятельности.

К числу этих симпатизирующих ему предмтавителей диплоиатического корпуса Юлиус Штрейхер относил, в частности, посла Французской республики в Третьем рейхе Андре Франсуа-Понсе, с которым он лично познакомился на партийных съездах НСДАП в Нюрнберге и с тех пор не раз встречался как в официальной, так и в неофициальной обстановке. Когда другой его добрый знакомый, потомок пророка Мухаммеда, заклятый враг сионизма и воссоздания иудейского государства в Святой Земле — Великий муфтий Иерусалимский Али Амин аль-Хуссейни — со всей мусульманской прямотой заявил Штрейхеру в откровенном разговоре о том, что вопрос о переселении иудеев из Германии в Палестину, с его точки зрения, не подлежит даже обсуждению, Штрейхер (подобно самому Гитлеру) склонился в пользу так называемого «Мадагаскарского плана» (согласно которому евреев надлежало переселить на остров Мадагаскар) как единственного действительно реального и окончательного решения «еврейского вопроса».

Впрочем, к описываемому времени его мнение перестало иметь какой-либо вес в Третьем рейхе, поскольку Штрейхер, как уже упоминалось выше, впал в немилость у высшего руководства национал-социалистической Германии из-за того, что позволил себе в «недопустимых выражениях» высказаться против «аризации» (экспроприации еврейской собственности в пользу арийского капитала) в той форме, в которой она проводилась в

Германии после «Хрустальной ночи» 1938 года.

Между тем, главным сторонником как раз такой формы «аризации» был не кто иной, как Герман Геринг. Именно это, а вовсе не «порнографический характер» юдофобских публикаций в «Штюрмере» послужило истинной причиной его опалы. 13 февраля 1940 года Верховный партийный суд НСДАП во главе с Высшим партийным судьей обергруппенфюрером СА Вальтером Бухом признал Юлиуса Штрейхера более «не пригодным к руководству людьми» и освободил его ото всех занимаемых партийных должностей. Тем не менее, Гитлер дозволил Штрейхеру по-прежнему издавать журнал «Дер Штюрмер» и сохранил за ним звание гауляйтера (как почетный титул).

Впавший в немилость у «властей предержащих» (чем он был обязан, в первую очередь, Герману Герингу) Штрейхер удалился на свою ферму Плайкерсгоф, расположенную в его родной Франконии. На клочке земли, купленной на собственные деньги, Штрайхер построил там ферму с коровником (по-немецки «бауэрнгоф», то есть, собственно говоря, «крестьянский двор» — аналог древнегерманского «гарда» или «горда» — сравни со славянскими словами: «град», «город», «огород»), где и прожил всю войну, не поддерживая никаких контактов с какими бы то ни было властными структурами национал-социалистического режима.

Между тем, Юлиуса Штрейхер на протяжении долгих лет был единственным близким другом фюрера и рейхсканцлера Адольфа Гитлера, которому тот позволял обращаться к себе на «ты» (после расстрела эсэсовцами также пользовавшегося этой привилегией начальника штаба штурмовых отрядов (СА) НСДАП капитана Эрнста Рема в «ночь длинных ножей» в 1934 году). Но поведение фюрера в этой истории ужаснуло и оттолкнуло Штрейхера. Гитлер заявил, что «если в ходе разбирательства кто-нибудь (то есть, возможно, и Штрайхер — В.А.) окажется уличенным во лжи, он будет расстрелян». До расстрелов на этот раз дело не дошло, но из всего случившегося Штрайхер сделал для себя очередной неутешительный вывод — в критических обстоятельствах фюрер вполне способен проявить не просто необходимую твердость, но и «слепую и бесчеловечную жестокость».

И вот настал тот день, когда бывший гауляйтер Франконии, владелец и издатель еженедельника «Дер Штюрмер» Юлиус Штрейхер был арестован офицером американских оккупационных войск, майором Генри Блиттом, прибывшим за ним «по наводке» 22 мая 1945 года в крестьянский дом в Вайдбруке (Тироль), где «франкенфюрер» проживал в уединении под чужим именем, совсем по-мужицки отпустив себе бороду. Когда ему было

приказано назвать свое подлинное имя, бывшему гауляйтеру не оставалось ничего другого, как признаться: «Юлиус Штрейхер». Произведя арест, майор Блитт препроводил его в тюрьму Зальцбурга, где арестованного сразу же заковали в наручники, которые ни разу не снимали с него в течение последующих пяти дней.

23 мая Штрейхера, все еще закованного в наручники и одетого только в нижнюю рубашку и кальсоны, перевезли в тюрьму баварского города Фрейзинг, где он был заключен в карцер. В карцере не имелось не только окон, но и кровати и даже стула, так что спать заключенному приходилось на холодном каменном полу.

Несколько дней спустя, после перевода в тюрьму города Висбадена, где условия содержания были несколько приличнее, заключенный Штрейхер записал в своем тюремном дневнике, что во фрейзингской тюрьме американцы два-три раза в день ставили его «к стенке» с поднятыми над головой руками, скованными наручниками, после чего негр-рядовой, а чаще — белый офицер военной полиции США хлестал заключенного кожаной плетью по половым органам. Как только Штрейхер пытался опустить руки, чтобы прикрыть гениталии от ударов плети, ему немедленно наносился удар прямо в пах ногой, обутой в тяжелый армейский ботинок. В результате не только гениталии, но и вся промежность заключенного Штрайхера постоянно пребывали в страшно распухшем состоянии.

После очередного избиения белый офицер военной полиции удалялся, после чего наступал черед рядового состава доблестной армии США. Рядовые (обычно негры) в течение дня неоднократно заставляли заключенного Штрейхера открывать рот, чтобы плюнуть ему туда. Если заключенный отказывался открыть рот, американцы насильно разжимали ему челюсти деревянной палкой, и все-таки плевали Штрайхеру в рот.

Кроме того, тюремщики заставляли заключенного гауляйтера пить из «параши». Если он отказывался пить из «параши», его избивали кожаной плетью. Заходя в камеру Штрейхера, белый офицер военной полиции США непременно выдергивал ему несколько волосков с груди или из бровей (Штрайхер был совершенно лыс, и потому с головы ему выдергивать было просто нечего — к величайшей досаде заокеанского «солдата свободы»). Питаться узника заставляли исключительно протухшими объедками и картофельной шелухой. Когда же Штрейхер однажды дерзнул отказаться употребить в пищу какие-то совершенно сгнившие помои, принесенные ему «на обед», чернокожие тюремщики повалили заключенного на пол и

заставили лизать свои армейские ботинки.

Наконец, 26 мая ему приказали готовиться к поездке в Висбаден. За пару часов до отъезда негр-рядовой, самодовольно ухмыляясь, сказал узнику на смеси английского языка с немецким: «Ну, теперь-то они тебя убьют!» и сделал при этом недвусмысленный жест, проведя ребром ладони по горлу, чтобы у заключенного не оставалось ни малейших сомнений в том, что его ждет. Вслед за тем чернокожий солдат отвел Штрейхера в уборную, выбросил сорванное с него грязное тряпье в выгребную яму и велел ему переодеться в несколько более приличное «шмотье». Однако приказать Штрайхеру переодеться тюремщику было проще, чем заключенному выполнить приказание — ведь наручники с бывшего гауляйтера так и не сняли. Пришлось ему одеваться в наручниках, что оказалось весьма непросто. Наручники с него сняли лишь после того, как доставили в Висбаден. В висбаденской тюрьме Штрейхеру впервые с момент ареста начали оказывать медицинскую помощь.

Тем временем сын Роберта Г. Джексона, главного американского судьи на предстоящем Нюрнбергском процессе и, между прочим, видного масона, Билл Джексон, получив сведения о том, что Гитлер, якобы, скрывается в пещере неподалеку от фермы Юлиуса Штрейхера, отправился в район Плайкерсгофа на поимку фюрера, однако вернулся (по воспоминаниям его отца) «без Гитлера, но с кое-какими трофеями (sic! — В.А.) из дома Штрейхера».

Юлиус Штрайхер, сидевший к тому времени уже за решеткой, естественно, не имел никакой возможности воспрепятствовать расхищению своего имущества «на сувениры».

Между тем военно-судебные власти стран антигитлеровской коалиции приняли решение включить имя Штрейхера в список главных военных преступников, судьбу которых предстояло решить Международному трибуналу держав-победительниц в Нюрнберге. Будущих подсудимых доставляли со всей Германии в «лагерь для военнопленных» Мондорф (в действительности этот «лагерь» представлял собой наскоро переоборудованную под тюрьму гостиницу «Гранд-отель» в люксембургском городке Бад-Мондорф). Оказавшись в Мондорфе, Штрейхер был приятно удивлен тому, что в «лагере» с ним и другими узниками, как ему показалось, обращались лучше, чем в висбаденской тюрьме.

Однако другие заключенные поспешили разуверить его в этом, недвусмысленно разъяснив бывшему гауляйтеру Франконии, что тому не следует обольщаться — в действительности мондорфский «лагерный» персонал скрывал за маской внешней корректности ту же самую ненависть. В

Мондорфе Штрейхер вновь встретился бывшим рейхсмаршалом Германом Герингом, своим давним товарищем по партии и в то же время виновником своей опалы (впоследствии тюремщики, отделив Геринга и Штрейхера от массы остальных заключенных, посадили их на время приема пищи за отдельным столом, из-за которого оба «главных заговорщика» не могли переговариваться с другими).

Перед лицом общего несчастья «франкенфюрер», судя по всему, по-христиански забыл рейхсмаршалу все былые обиды (что, между прочим, характеризует его, как человека не злопамятного и великодушного). Согласно записям в дневнике Юлиуса Штрейхера, с которым тот не расставался до самой смерти, Герман Геринг выразил уверенность, что союзники по антигитлеровской коалиции не смогут возложить на него вину за участие в войне, которой он никогда не хотел, но в которой он был обязан выполнять свой долг, как и всякий солдат. На это Штрейхер ответил ему:

> «Можно не сомневаться, что иудеи сделают все от них зависящее, чтобы увидеть нас повешенными».

Невзирая на эту перспективу, заключенный Штрейхер, положившись во всем на Бога, писал в «лагере» Мондорф акварели и составлял свое политическое завещание. С этой целью он специально еще раз перечитал Священное Писание, сделав из него соответствующие выписки. Некоторые из товарищей «франкенфюрера» по несчастью отметили в «лагерных» дневниках свое неподдельное восхищение поведением Штрейхера, упорно не желавшего сгибаться под бременем столь драматических для заключенных обстоятельств. Когда их перевозили на грузовиках из «лагеря» Мондорф через всю южную Германию в Нюрнбергскую тюрьму, последний правитель Третьего рейха, гросс-адмирал Карл Денниц, сказал Штрейхеру: «За Вашу судьбу я спокоен. Меня волнует другое — как смогут пройти через все это все остальные!».

Особенно удручало по-прежнему одержимого «иудейской темой» бывшего гауляйтера Франконии непропорционально большое, по его мнению, число иудеев среди тех, кто допрашивал заключенных. Впрочем, он подходил к этому вопросу достаточно дифференцированно, стараясь избегать огульных подозрений, и потому в его дневнике сохранились записи следующего содержания:

«Среди англичан нет ни одного иудея. У американцев же сплошь одни иудеи…и только один у русских». Бывшим гауляйтером присутствие иудеев среди дознавателей

воспринималось как настоящее бедствие. Вездесущие иудеи чудились ему буквально повсюду. Штрейхеру казалось, что они буквально заполонили собой и здание суда, и здание тюрьмы, о чем свидетельствуют его дневниковые записи:

«Два раза в день по коридору проходит женщина в мундире лейтенанта (иудейка) и с довольной ухмылкой заглядывает в дверной глазок моей камеры, как бы говоря: «Здесь он, здесь…Уж теперь-то он никуда от нас не денется!». Переводчик в пенсне — иудей, профессор Колумбийского университета. Он часто бывает в моей камере и думает, что я не догадался, что он иудей». Русские же, напротив, производили на Штрайхера очень сильное впечатления: «От них исходит какая-то чудовищная энергия. Захват ими всей Европы для русских — лишь вопрос времени».

Когда к допросам Штрейхера приступила советская следственная комиссия, одним из первых вопросов советских следователей было, действительно ли Штрейхеру было в свое время запрещено заниматься преподавательской деятельностью в школах из-за того, что он был уличен в сексуальных домогательствах к своим ученикам (а по некоторым слухам — даже в «совращении несовершеннолетних»).

— «Кто вам сказал такое?» — поинтересовался Штрайхер, оскорбленный до глубины души.

— «Об этом писали в газетах».

— «Ах, вот оно что… — протянул Штрейхер, как показалось следователям, даже с некоторым разочарованием в голосе. — Ну, если вы верите всему, что пишут в этих помойных иудейских газетенках…».

Поразмыслив некоторое время, он порекомендовал советской следственной комиссии — на тот случай, если ее, конечно, интересует нечто более основательное! — ознакомиться с официальным заключением Мюнхенского Верховного дисциплинарного суда, согласно которому Юлиус Штрейхер был лишен права преподавания вовсе не за сексуальные домогательства, а за участие в путче Гитлера-Людендорфа 8–9 ноября 1923 года. Возникла пауза, после чего советские дознаватели, первыми нарушив молчание, объявили: «На сегодня это все».

В тот день Штрейхер записал в своем тюремном дневнике: «Они хотели объявить меня сексуальным преступником. В глазах публики это должно было выглядеть несомненным очком в их пользу в игре против меня как одного из Главных Военных Преступников».

От зоркого взгляда Штрейхера не ускользнуло, что ведший на этот раз допрос «русский» дознаватель выглядел «чертовски по-

еврейски» («фердаммт юдиш»).

Для союзников по антигитлеровской коалиции имело значение, прежде всего, то, что Штрейхер являлся в их глазах «профессиональным антисемитом», но они старались в своих гневных филиппиках уделять не меньшее значение его репутации «любителя порнографии». Так, присутствовавшая на Нюрнбергском процессе английская писательница Ребекка Уэст не нашла для бывшего гауляйтера Франконии иных слов, кроме «грязного развратного старикашки, из тех, кого следует опасаться в малолюдных парковых аллеях» (остается только догадываться о том, какой опыт общения имелся у нее с подсудимым или ему подобными).

Впрочем, этот ярлык был навешен на Штрейхера еще задолго до Нюрнбергского процесса, и, казалось бы, не составляло большого труда подвести его под виселицу, но…оставалось по-прежнему неясным, в каких именно конкретных преступлениях требовалось признать его виновным для вынесения смертного приговора? Именно с выработкой конкретной формулировки обвинения против подсудимого Штрейхера у обвинителей возникали большие затруднения. Ведь он сам никого своими руками не убил (по крайней мере, после окончания Первой мировой войны в 1918 году), не подписал ни одного смертного приговора, не участвовал ни в пресловутой конференции в Ваннзее по «окончательному решению еврейского вопроса», ни в депортации иудеев на Восток…

24 октября 1945 года в тюремной камере покончил с собой один из главных обвиняемых — бывший глава «Дойче Арбайтсфронт», то есть «Германского Рабочего Фронта» (Центрального Совета профессиональных союзов Третьего рейха) доктор Роберт Лей. По официальной версии, вождь немецких профсоюзов удавился, забив себе рот лоскутками материи, вырванными из тюремной одежды, и туго обвязав себе вокруг шеи смоченное в воде и выжатое полотенце, которое, по мере высыхания, все туже сжимало ему горло, пока Лей не скончался в результате асфиксии.

По некоторым данным, идею удавиться якобы вынашивал и Юлиус Штрейхер, решившийся, однако, по трезвом размышлении, не «дезертировать с поля боя», а все же досмотреть эту «последнюю битву с врагами Рейха» до самого конца, чего бы это ему ни стоило. Во всяком случае, он отметил в своем дневнике: «Полагаю, Лей удавился потому, что мы не получаем с воли ничего, даже нательных рубашек. Я и сейчас пишу эти строки на «столе», представляющем собой простую картонную коробку (по-немецки: «паппкартон»- В.А.) с парой подложенных под нее

деревяшек». Кроме того, Штрайхеру приходилось чистить зубы и умываться с использованием воды из унитаза. Это было, конечно, несколько приятнее, чем пить из «параши», но, тем не менее, также было направлено на то, чтобы сломить его волю. Что и говорить, у американцев Штрайхер явно не пользовался симпатией.

Несмотря на тяжелые физические и психологические условия заключения, бывший гауляйтер Франконии по-прежнему живо реагировал на все происходящее, занося в свой дневник соответствуюшие записи. Об этом свидетельствует следующий эпизод. Перед судом в качестве одного из главных военных преступников должен был предстать семидесятипятилетний германский промышленник Густав Крупп фон Болен унд Гальбах. Когда же экспертная врачебная комиссия держав-победительниц убедилась в невозможности выполнения этого намерения по состоянию здоровья Круппа-старшего, было предложено заменить его в качестве подсудимого собственным сыном — Альфредом.

Между прочим, это предложение, в случае его осуществления на практике, подпадало под одну из статей обвинения, выдвинутого юстицией стран-победительниц против поверженного национал-социалистического режима, и осуждавшего гитлеровскую практику «зиппенгафт», то есть, привлечения к судебной ответственности, в случае невозможности самого преступника предстать перед судом, его родственников. Но, как говаривал «великий гуманист» товарищ Сталин, «сын за отца не отвечает», и потому, по настоянию, прежде всего, английских обвинителей Шоукросса и Лоуренса, предложение заменить Альфредом Круппом на скамье подсудимых собственного отца было отклонено.

Интересно, что Юлиус Штрейхер, отдавая дань справедливости, отреагировал на это следующей записью в своем дневнике: «Англичане добились признания своей позиции касательно того, что, несмотря на возможность замены на военных трибуналах одного подсудимого военнослужащего унтер-офицерского состава другим, делать этого все же нельзя в том случае, если на скамью подсудимых вместо одного обвиняемого, который либо не способен отвечать на обвинение по состоянию здоровья, либо вообще уже мертв, предлагается усадить, в качестве ответственного за него преемника, его сына. Этот эпизод показывает, что английским судьям присуще, по крайней мере, похвальное стремление к тому, чтобы не жертвовать всеми своими моральными устоями ради ускорения начинающих разворачиваться событий».

И вот Нюрнбергский процесс начался. В свой первый день в

суде Юлиус Штрейхер видел и воспринимал все происходящее совершенно отличным от своих товарищей по заключению образом. Для него это было последней возможностью «скрестить мечи с иудеями». Он сосредоточенно и по мнению наблюдателей, даже «одержимо» вглядывался в лица всех членов трибунала, чтобы позднее записать в своем дневнике: «Один из двух французов — стопроцентный иудей. Всякий раз, когда я смотрю на него, ему сразу становится от этого как-то не по себе, он начинает энергично вертеть в разные стороны своей черноволосой головой и нарочито озабоченно кривить свою рожу, обтянутую кожей нездорового, желтого цвета».

Подобно Герману Герингу, Штрейхер не питал ни малейших иллюзий по поводу исхода процесса лично для себя, считая смертный при говор себе заранее предрешенным. Об этом свидетельствует, в частности, следующая дневниковая запись Штрайхера, сделанная в день открытия процесса: «Для тех, кто еще не совсем ослеп, не может быть ни малейшего сомнения в том, что в зале суда гораздо больше иудеев и полу-иудеев, чем неиудеев. Три четверти всех журналистов, почти все переводчики, стенографисты — как мужчины, так и женщины — а также все остальные помощники — бесспорно, иудейского происхождения. Как презрительно и самодовольно ухмыляются они, глядя на нас, ведь мы — обвиняемые и сидим на скамье подсудимых… На их лицах так и читается глумливая фраза: Ну, теперь-то вся их шайка, и даже Штрайхер, у нас в руках! Боже всемогущий! Хвала Иегове и хвала Аврааму, отцу рода нашего!».

Интересно, что сильное впечатление во время процесса на Штркйхера вновь произвели «русские» (советские представители, восседавшие судейских креслах). Как «франкенфюрер» не преминул отметить в своем дневнике, «эти двое русских были в полной парадной форме, находя ее наиболее приличествующей для военного трибунала»; они имели безупречную офицерскую выправку, что особенно радовало глаз в сочетании с их мундирами, сшитыми по подобию военной формы, принятой в дореволюционной Царской армии.

По истечении нескольких дней Штрейхер заметил, что все более благоприятное впечатление на него производят также оба английских судьи — люди высокого роста, крупного телосложения, нордического типа, с аристократическими манерами. Один из них (Лоуренс), как сразу абсолютно точно определил Штрейхер, был лордом, другой же — сэр Норман Биркетт — «обладал крупным массивным черепом и взглядом, идущим, казалось, из самых глубин его души и пронизывающим все насквозь». По мнению Штрайхера, «он гораздо лучше

смотрелся бы не на судебной, а на церковной кафедре в роли проповедника».

Пытаясь воспользоваться широко распространенными среди противников Штрейхера представлениями о нем, как о «психопате» и «патологическом типе», адвокат бывшего издателя «Штюрмера» (назначенный его защитником против собственной воли и носивший — по иронии судьбы! — фамилию Маркс), ходатайствовал перед трибуналом о проверке психической вменяемости своего подзащитного. Однако медицинские эксперты обвиняющей стороны признали бывшего гауляйтера «достаточно нормальным для того, чтобы отвечать перед судом за свои преступления».

Дни шли за днями, а Штрейхер все забавлял себя тем, что старался выявить очередного иудея в море лиц, представавших его взору в зале судебных заседаний, стремясь определить, «кто именно из них — ублюдок с иудейской кровью в жилах или кто из них женат на иудейке». Особенно поражало бывшего гауляйтера «чудовищное безобразие» появлявшихся в зале суда американок — со своего места на скамье подсудимых он мог прекрасно разглядеть всех стенографисток и машинисток-секретарш, сидевших прямо перед судьями и с отсутствующим выражением лиц двигавших челюстями, жуя резинку, в то время как их карандаши с непостижимой скоростью порхали над блокнотами, а пальцы строчили по клавишам крохотных пишущих машинок с особым стенографическим шрифтом. «Франкенфюрер» не преминул язвительно отметить в своем дневнике, что «у особей женского пола американской разновидности способность к высокой производительности труда неразрывно сочетается с ужасающим физическим уродством».

«Обвиняемые выглядели усталыми и нервными» — передразнил Штрейхер в одной из последующих дневниковых записей вызвавшую его особое раздражение фразу из какой-то газетной статьи. — Пусть кто-нибудь из этих господ газетчиков посидит месяца три в тюремной камере, куда почти не проникает дневной свет, да попишет вечером при тускло мерцающей лампочке ту пару часов, на которые ему только и будут выдавать ручку или карандаш надзиратели, выводящие его на прогулку в тюремный двор на пятнадцать, от силы — на двадцать минут в день, и не дающие ему после этого спать, то и дело заглядывая в его камеру по ночам, — тогда ион, наверное, тоже будет выглядеть несколько «усталым и нервным» на судебных заседаниях!».

По действовавшим в описываемое время нормам общего права Юлиус Штрейхер подпадал под категорию обвиняемых,

которым, по совокупности совершенных ими преступлений, в лучшем случае грозил незначительный срок тюремного заключения. Столь строгое следование этим нормам предписывалось новым Лондонским статутом, призванным продемонстрировать, таким образом, свою силу и действенность. Тем не менее, судья Джексон был твердо уверен в том, что ни один из обвиняемых не избежит сурового приговора. Впрочем, он не преминул подчеркнуть в своей вступительной речи, что «даже если кто-либо из обвиняемых и будет оправдан этим трибуналом, его необходимо будет передать для дополнительных судебных разбирательств «нашим континентальным союзникам».

Тем временем доктор Маркс, назначенный — против своей воли! — защитником Штрейхера, оказался объектом злобных нападок со стороны газетчиков. Его адвокатская контора регулярно подвергалась обыскам, а сам он постоянно пребывал под «дамокловым мечом» внезапного ареста без предъявления обвинения и тюремного заключения на неопределенный срок.

Из соображений собственной безопасности доктору Марксу приходилось даже — насколько это можно было делать адвокату, не нарушая правил приличия! — всячески отмежевываться от своего подзащитного, доставлявшего ему одни беспокойства. Опасения адвоката вовсе не были лишены оснований — один из защитников другого подсудимого, бывшего имперского министра и протектора Богемии и Моравии Константина барона фон Нейрата, был именно подобным образом подвергнут аресту среди бела дня и тюремному заключению в течение шести недель без предъявления какого-либо обвинения. К тому же адвокатам защиты не было дозволено подвергать сомнению юрисдикцию трибунала или непредвзятость судей.

Штрейхер прокомментировал это следующей дневниковой записью: «Право обвиняемого дать отвод судье по причине недостаточной беспристрастности последнего соответствует общепринятой судебной практике. И в самом деле — что это будет за суд, если, например, судья окажется родственником представителя противной стороны? В этом показательном суде над побежденными победители являются одновременно и обвинителями, и судьями, поэтому они просто не могут быть беспристрастными, что и очевидно, и неизбежно.

Прекрасно отдавая себе в этом отчет, они заранее установили соответствующее правило, изначально лишающее обвиняемых возможности оспаривать справедливость отправляемого «правосудия». Вот в чем состоит смысл всего этого фарса!» — продолжал яснее ясно излагать свои мысли на бумаге бывший гауляйтер — «Данный процесс не сулит ничего хорошего

обвиняемым, поскольку правосудие в этом случае слепо и пристрастно; перед судом была поставлена задача придать несправедливости видимость законности, скрыть произвол, творимый им под личиной отправления правосудия».

Так, например, Штрейхер ходатайствовал перед судом о вызове в качестве свидетеля бывшего шефа нюрнбергской полиции, обергруппенфюрера СА Оберница. Он просил у суда дозволить Оберницу дать свидетельские показания касательно конфликта, происшедшего между ними в ноябре 1938 года, когда Штрейхер пытался отмежеваться от разрушения Нюрнбергской синагоги в ходе событий, последовавших за «Хрустальной ночью» (впоследствии ему удалось оправдать это требованиями архитектурного плана перестройки города). Но суд отклонил просьбу о вызове этого свидетеля.

Характерно, что прибывший в Нюрнберг 26 ноября 1945 года из Москвы кровавый прокурор сталинских «показательных процессов» Андрей «Ягуарьевич» Вышинский на торжественном ужине в «Гранд-отеле», данном в его честь западными союзниками, подняв бокал, во всеуслышание заявил: «За обвиняемых! Чтобы их путь из суда вел прямиком в могилу!».

В довершение ко всему, трибунал стремился подавить в зародыше любые попытки заключенных поднять вопрос об условиях их содержания в тюрьме. Когда Штрейхер однажды попытался выступить против практиковавшихся во время допросов таких «мер воздействия», как избиения допрашиваемых, что нередко приводило к физическим увечьям (у самого Штрейхера было, например, серьезно повреждено колено) и направил по этому поводу официальный протест на имя судьи Джексона, судья распорядился уничтожить эту бумагу и даже не вносить ее в реестр проходящих документов.

По воспоминаниям уцелевших после процесса обвиняемых, приговоренных к различным срокам тюремного заключения, царившее в те дни повсеместное настроение можно было охарактеризовать одним единственным словом — месть. Око за око, зуб за зуб, смерть за смерть! Атмосферу тех дней наглядно характеризовало письмо, полученное судьей Джексоном от богатого нью-йоркского предпринимателя Эрнеста Шенфельда и содержавшее, в частности, следующие строки: «Если это представится возможным, то моим страстным желанием было бы, в случае и после вынесения смертного приговора Юлиусу Штрейхеру, не только присутствовать при его казни, но и принять личное непосредственное участие в приведении приговора в исполнение». Автор письма выражал готовность взять на себя все транспортные расходы и даже — сверх того! — предлагал судье

Джексону крупную денежную сумму в знак «персональной благодарности» от себя лично.

Штрейхер с самого начала неустанно повторял, что этот процесс олицетворяет собой «триумф мирового иудейства». Он был твердо убежден в том, что «умрет, как мученик» — именно потому, что «всегда вел непримиримую борьбу с иудеями». Но фактом по-прежнему оставалось то, что ему не было никакой нужды оправдываться в причастности к актам массового уничтожения евреев, ибо, начиная с 1939 года, он попросту уже не занимал никаких официальных должностей в Третьем рейхе.

Поэтому психоаналитик доктор Гильберт, обследовавший «умственно-психологическое состояние» каждого из обвиняемых, предрекал, что защита Штрайхера будет основываться на «причудливых» ссылках на некие «духовные прозрения», «мировой сионизм», «учение Талмуда», и что на эти доводы «вряд ли стоит отвечать серьезными контраргументами».

В то же время доктор Гильберт всерьез предлагал выдвинуть против Штрейхера, к примеру, обвинение в «предательстве германской молодежи» — не в последнюю очередь, потому, что один из обвиняемых, бывший глава молодежной организации НСДАП — «Гитлеровской молодежи» («Гитлерюгенд») и гауляйтер Вены Бальдур фон Ширах заявил на суде, что во всплеске антисемитизма в Германии, в котором обвинялся в первую очередь издаваемый Штрайхером еженедельник «Дер Штюрмер», в действительности была гораздо больше повинна книга американского «автомобильного короля» Генри Форда «Вечный жид» (известная также под названием «Иуда сквозь эпохи», а в русском переводе как «Международное еврейство»), издававшаяся многомиллионными тиражами по всему миру (кроме единственных в описываемое время «политкорректных» стран — СССР и Монгольской Народной Республики).

Между тем, Генри Форд на момент Нюрнбергского процесса был еще жив, вполне здоров, а скандальное судебное разбирательство по поводу его юдофобской книги было еще впереди. Судья Паркер подчеркивал, что «Штрейхер вообще не имеет никакого отношения ни к заговору (с целью захвата Европы и мира, как гласил один из главных пунктов обвинения — В.А.), «ни вообще к какому бы то ни было планированию».

Тем не менее, все судьи были едины в стремлении повесить Юлиуса Штрейхера во что бы то ни стало — причем все равно, за что. Лишь бы повесить. Но, поскольку для этого необходимо было все же вынести по пунктам конкретный приговор с указанием вины, за которую бывший гауляйтер Франконии будет отправлен на виселицу, между представителями обвинения постоянно

возникали серьезные разногласия.

Предлагалось, например, признавать подсудимых виновными и определять тяжесть их вины и суровость приговора в соответствии с положением и должностями, занимаемыми теми в прошлом. Так, советский обвинитель Волчков заявил, что «Штрейхер был близко связан с Гитлером лично» — это представлялось ему достаточно веской причиной для отправки экс-гауляйтера на виселицу. На это судья Биддл возразил, что ему кажется нелепым считать какого-то «мелкого ненавистника евреев заговорщиком» на основании лишь того, что он был личным другом Гитлера, или гауляйтером, или нацистом.

Тем не менее, в конце концов, Штрейхер был признан виновным по пунктам 1 и 4 и приговорен к повешению вместе с Герингом, фон Риббентропом, Кейтелем, Кальтенбруннером, Борманом (приговоренным к смерти заочно), Розенбергом, Йодлем, Франком, Фриком, Заукелем и Зейс-Инквартом.

Совершенно спокойно выслушав вынесенный ему приговор, Юлийс Штрейхер твердо и наотрез отказался ходатайствовать перед судом о помиловании. Видимо, в наказание за очередное проявление «строптивости», выразившееся на этот раз в категорическом отказе от подачи апелляции, тюремщики отнеслись к нему наименее снисходительно, по сравнению со всеми другими приговоренными. Его старший сын, бывший офицер «Люфтваффе», и жена Штрейхера Адель были допущены на последнее свидание с приговоренным перед казнью всего лишь на сорок пять минут.

В одной из своих последних бесед Штрейхер, между прочим, упомянул о своем заклятом враге — шефе Нюрнбергской полиции Бенно Мартине, который пытался уйти от ответственности, утверждая, что в действительности являлся глубоко законспирированным участником антигитлеровского Сопротивления. «Да если бы я лишь раскрыл рот по поводу Мартина», — многозначительно намекнул Штрейхер, — ему тоже пришлось бы совершить «прыжок в высоту».

«Франкенфюрер» подчеркнул, что первоначально обдумывал возможность самоубийства, однако затем отказался от этой мысли, решив, что гораздо важнее заявить на суде о том, почему он так настойчиво боролся против иудеев. Он до самого конца так и не изменил своего мнения о них в лучшую сторону, и менее всего — здесь, во время Нюрнбергского процесса, который от начала до конца считал окончательным подтверждением всего того, что он всегда думал и говорил об иудеях.

При прощании с сыном, Штрейхер заверил его, что даже у подножия виселицы не преминет еще раз публично присягнуть на

верность Адольфу Гитлеру, а напоследок убежденно произнес: «Геринг, Кейтель и Йодль — все они умрут также достойно, как и подобает мужчинам!».

Как известно, имперскому маршалу Герману Герингу удалось избежать позорной смерти в петле, приняв яд, тайно переданный ему в камеру неизвестно кем. Встревоженные самоубийством главного обвиняемого, генералы-члены Четырехсторонней комиссии по приведению казни в исполнение — приказали тюремщикам завернуть всем осужденным, остававшимся пока что в живых, руки за спину и сковать их в таком положении стальными наручниками. Наручники было приказано расстегнуть и снять их с осужденных лишь после прибытия на место казни, после чего немедленно заменить их прочными шелковыми шнурками, которые предполагалось развязать лишь за считанные секунды перед тем, как опора уйдет из-под ног стоящего под виселицей осужденного и веревочная петля затянется у него на шее.

Десятерых осужденных доставили из камеры смертников в помещение для казни по одному, неся их с четырех сторон за руки и за ноги лицом вниз. При этом американские палачи, по воспоминаниям очевидцев, проявили гораздо большую нервозность, чем те, кого они собирались казнить. Избежавший виселицы фельдмаршал Мильх записал в своем дневнике «по свежим следам», через несколько часов после казни: «Каждый из них принял свою смерть очень храбро. Один ами сказал о них: «У них в жилах лед вместо крови».

Последними словами осужденного Йоахима фон Риббентропа были: «Да хранит Господь Германию, и да будет Он милостив к моей душе. Мое последнее желание — объединенная Германия, взаимопонимание между Востоком и Западом и мир во всем мире».

Фельдмаршал Кейтель сказал перед смертью: «Более двух миллионов германских солдат умерли за свое Отечество. Теперь и я отправляюсь вслед за ними и за моими сыновьями, отдавшими все за Германию!».

Заукель произнес: «Я умираю невиновным. Да хранит господь Германию и да возвратит Он ей былое величие!».

Йодль был краток: «Приветствую тебя, моя Германия!».

Осужденные Фрик и Розенберг взошли на виселицу безропотно и встретили смерть в полном молчании.

Ганс Франк нашел в себе мужество для тонкой издевки, ограничившись выражением искренней благодарности за ту доброту, с которой с ним обращались тюремные надзиратели.

Зейс-Инкварт, как бывший юрист, был более многословен:

«Надеюсь, эта казнь явится финальным актом в трагедии под названием «Вторая мировая война», и люди извлекут из этого примера должный урок для того, чтобы восстановить истинное взаимопонимание между всеми народами. Я верю в Германию!».

Фрик громко и отчетливо выкрикнул: «Да здравствует вечная Германия!».

Штрейхер, у которого было сильно повреждено колено, очень беспокоился, сможет ли он подняться по ступенькам лестницы к виселице такой же твердой поступью и без посторонней помощи, как обещал это при прощании с женой и сыном. В ту последнюю встречу он даже сказал им, что специально тренируется для этого случая ходить без трости. В последний раз «франкенфюрер» совершил эти свои ежедневные упражнения накануне казни.

Казнь состоялась (как пишет известный британский историк Дэвид Ирвинг, «по причудливой иронии судьбы») 16 октября (в тринадцатый день двенадцатого месяца Адара) 1946 года, в день «веселого праздника Пурим» — одного из главных священных дней по иудейскому календарю, напоминающий о расправе иудеев со своим главным недоброжелателем Аманом, а заодно — с его десятью сыновьями и с 75 000 «зложелателями», «мыслящими недоброе об иудеях» «во дни» правления древнеперсидского царя Артаксеркса. Как известно из Книги Есфири, Аман и его десять сыновей были именно повешены (по ветхозаветному слову: «Проклят всяк висящий на древе»).

«Хайль Гитлер!» выкрикнул «франкенфюрер», стоя под виселицей. — Нынче у нас тут веселый иудейский праздник! Но все же это мой Пурим, а не ваш! Настанет день, когда большевики перевешают многих из вас, очень многих! А я ухожу к Богу!».

Палачи поспешили надеть Штрейхеру на голову черный мешок, но прежде чем люк успел уйти у него из-под ног, гауляйтер успел выкрикнуть: «Адель, моя любимая жена!».

Об этом заключительном эпизоде жизни и карьеры «франкенфюрера» автору, тогда еще молодому студенту-выпускнику, рассказывала Татьяна Григорьевна Ступникова, участвовавшая в Нюрнбергском процессе в качестве переводчицы, ставшая, волей судьбы, свидетельницей последних минут земного существования осужденных, и описавшая свои впечатления от процесса в книге воспоминаний «Ничего кроме правды», вышедшей впервые только в начале нынешнего, XXI, века.

После казни трупы осужденных были сфотографированы сначала в одежде, а затем — раздетыми донага. Затем тела уложили в гробы и вывезли из Нюрнберга в бывший германский концентрационный лагерь Дахау, превращенный, после капитуляции Третьего рейха, в лагерь американский. Там трупы

были кремированы, а пепел казненных высыпан в реку Изар.

Между прочим, один из предприимчивых американских офицеров поспешил сделать на этом «событии века» свой маленький бизнес. Он договорился с местной типографией об изготовлении серии сувенирных почтовых конвертов с напечатанной на них эмблемой Международного военного трибунала, наклеенной негашеной почтовой маркой с видом Нюрнберга и списком имен всех повешенных, причем имя Геринга было напечатано на этих конвертах (то ли по ошибке, то ли сознательно — с целью придать конвертам дополнительной ценности, как филателистическому раритету) не с пометкой «казнен», а с пометкой «совершил самоубийство».

О «коллаборационизме» казаков

Что же касается вопроса сотрудничества казаков с немцами, мы можем только еще раз повторить уже сказанное. Казачьи войска — «жемчужины в короне Российской Империи» (П.Н. Краснов) присягали Императору и Самодержцу Всероссийскому, как и все другие народы России. И когда Императора в России не стало, какие бы то ни было обязательства по отношению к России, утратившей свои исконно-исторические государственно-правовые формы, для казаков прекратились. Вот потому-то казачьи области и занялись налаживанием самоуправления, провозгласив — до восстановления единой Российской державы! — независимость от красных столиц. И были вправе сами искать себе союзников, с помощью которых надеялись отстоять родные земли и исконные казачьи вольности. И снова повторим: в независимости Казачьих войск Атаман Краснов и другие казачьи вожди видели исключительно способ создать на казачьих землях плацдарм для возрождения единой России, но без большевиков и прочих красных чужебесов.

Конечно, будь во главе Германской Империи законный Помазанник Божий — Христианский Император — или любой другой Христианский Вождь, готовый (пусть не вполне бескорыстно!) протянуть руку помощи истерзанному, истекающему кровью из бесчисленных ран под пятой безбожной власти русскому народу ради возвращения его на исконные исторические пути, исход войны, судьбы России и Германии, а значит — и судьбы всего мира, могли бы сложиться иначе.

Но вместо этого лидеры германского национал-социализма (хотя и не являвшиеся, конечно — вопреки безосновательным утверждениям фальсификаторов истории и просто невежд! — никакими «черными магами» или «дьяволопоклонниками»!) в безумном ослеплении своего мнимого расового превосходства развязали борьбу с позиций какого-то тевтонского язычества (к тому же не естественного, сохранившегося с древности, как «синто» у японцев, а искусственно выращенного в оккультистских пробирках розенкрейцерских лож!) против «арийского» (по их же расовым критериям!) славянства, как этноса.

И когда сомнений в характере этой борьбы у русских не осталось, война окончательно приобрела национальный, народный, Отечественный характер — как ни горько писать об этом в 2006 году — поскольку никогда еще в истории ни один народ-победитель не был так беззастенчиво обманут своими

лукавыми «вождями», лишен практических плодов своей добытой ценой моря крови, пота и слез великой победы и после почти полувекового топтания на месте низведен шайкой командовавших им иуд и лицемеров до совершенно ничтожного и, возможно, уже непоправимого исторического и государственного состояния, в котором Русский Народ (имея в виду все три его ветви — великороссов, малороссов, белорусов) и остальные братские народы, некогда населявшие Российскую Империю и причастные ее славе, пребывают по сей день.

Тогда же, в 1941-45 годах, Сталин ухитрился идеологически переиграть Атамана Краснова, навязав ему свои правила игры, противопоставив идею народной, национальной войны — идее войны гражданской (в плену которой все еще находились генерал Краснов и его единомышленники), причем не просто войны гражданской, но вдобавок еще опирающейся на вражескую помощь. И в самом деле — белые казачьи части в составе германского Вермахта (включая даже идейных добровольцев-антикоммунистов из числа бывших «подсоветских граждан») вели в 1941-45 годах фактически гражданскую войну (которая для них никогда не кончалась!) против народной, в сущности войны, которую вело против них подавляющее большинство советского (но по преимуществу все же русского) народа.

Поэтому «Вторая Гражданская война» белых казаков (и не только казаков) — как гениально предвидел Атаман Краснов еще в 1918 году! — была обречена на поражение уже тогда, а тем более — теперь, когда большевикам (пусть вследствие лжи, предательства, фальсификации истории и безудержной, тотальной демагогии!) удалось возглавить, может быть, последнюю, национальную борьбу русского и братских в отношении его народов.

Печально, но факт: большевики, пришедшие к власти как агенты Мировой Закулисы, предатели, в разгар тяжелейшей Отечественной войны постановившие превратить ее в гражданскую (ибо «у пролетариев нет Отечества»!), участники заговора по развалу Российской Державы и превращения ее в оплот «Мировой революции», сумели обвинить в своих собственных преступлениях тех, кто остался верен данной перед Богом и Царем присяге и пытался спасти от уничтожения свои вековые традиции и свободы. И потому моральная санкция (помимо материального превосходства) была, в данном случае, у Сталина. Увы!

Кстати, любопытный штрих — начиная с 1942 года, в СССР было запрещено снимать фильмы о Гражданской войне. Этот запрет был снят только после XX съезда КПСС, развенчавшего

«культ личности» Сталина. Конечно, немалую роль сыграли заградотряды и СМЕРШ, но все же не они были основной силой, позволившей большевикам выиграть и эту войну.

Исторический парадокс заключается и в том, что провести необходимую идеологическую и патриотическую подготовку к грядущей войне, ее выигрышу и невероятно быстрому восстановлению дотла разоренной России будущему «Величайшему Полководцу всех времен и народов» помог его «давний знакомый» с Пулковских высот.

Именно генерал, военный писатель и мыслитель Атаман П.Н. Краснов помог Сталину идеологически подготовиться к предстоящей войне. Это, разумеется, гипотеза, но в бывших «спецхранах» сохранились экземпляры книг русского Царского генерала П.Н. Краснова, испещренные тщательными карандашными пометками и хранящие на себе штампы «Библиотека НКВД», «Канцелярия НКВД» и штампы других советских ведомств. При этом, как уже заметили современные российские исследователи, писавшие в последние годы о П.Н. Краснове, вряд ли тех «внимательных читателей» интересовала только лишь «антисоветская сущность» его произведений.

То же многократно цитированное нами «Всевеликое Войско Донское» — руководство к действию для понятливого эпигона. А что касается красновского романа «За Чертополохом», то читатели постарше, помнящие хотя бы первые послевоенные десятилетия, конечно, согласятся с тем, что даже внешние формы сталинской «псевдоимперии» после 1945 года — по крайней мере, ее «парадный фасад» — пусть неким уродливым слепком, но напоминают многое из описанного Красновым в «За Чертополохом».

Порою создается впечатление, что «дядя Джо» готов был восстановить почти все «царское», «старорежимное» и «дореволюционное»: погоны (после того, как русским офицерам и солдатам в годы гражданской войны вырезали на плечах «погоны» или забивали в плечи гвозди по числу звездочек на погонах, да и после окончания гражданской войны слово «золотопогонник» десятилетиями употреблялось большевиками как ругательство!) и мундиры для всех — от маршалов, генералов, офицеров и послов до лесников, кондукторов и почтальонов; практически восстановленный для инженеров и чиновников «Табель о рангах», сверхвысокие (или казавшиеся таковыми в условиях послевоенной разрухи и бедности) зарплаты ученых, раздельное обучение мальчиков и девочек, практическое восстановление дореволюционной системы образования — классические гимназии и реальные училища (хотя они так и не назывались!) —

вплоть до гимназической формы!; открытие и восстановление десятков тысяч разрушенных в годы «безбожных пятилеток» церквей, монастырей, духовных семинарий и академий…

Как уже говорилось, с 1942 года было запрещено снимать новые фильмы о гражданской войне, и (хотя не были изъяты из проката «Щорс», «Котовский» и «Чапаев»), но полным боевым ходом шел на экране «Крейсер Варяг» — не «воевавший за корейские дрова», а «выполнявший на Дальнем Востоке Особое задание нашей Родины» (как было сказано в сценарии фильма, безо всякого упоминания об «империалистических планах придворной царской камарильи, помещиков и капиталистов»!). Штурмовали вражеские бастионы корабли царского адмирала Ушакова, сжигал турецкий флот при Синопе и так красиво умирал на Малаховом кургане другой царский адмирал — Нахимов.

Так продолжалось до 1957 года, когда «верный ленинец» Н.С. Хрущев, вместе с Порт-Артуром, Дальним, Маньчжурией и КВЖД, окончательно отдал воспитание молодежи на откуп марксистским «классовым» талмудистам, обрушив новый удар на Русскую православную Церковь. Тогда же — в 1957 году — был снят и первый после 1942 года советский фильм о Гражданской войне — вслед за ним они снова «пошли косяком». И почти сразу после «хрущевской оттепели» наступило то, что позднее назвали «брежневским застоем», а в 1991 году — второй за XX столетие — распад Российской Империи.

Таким образом, в чертах измышленной Красновым в «За Чертополохом» воскресшей Российской Империи и послевоенной сталинской России (особенно последних лет жизни генералиссимуса, когда поговаривали даже о замене столь ненавистных Атаману Краснову пятиконечных красных звезд на кремлевских башнях старыми державными двуглавыми орлами — свидетельство писателя В.А. Солоухина, служившего в начале 50-х годов в кремлевской охране) действительно прослеживаются элементы несомненного сходства — кроме одного, самого важного.

В сталинской «России» у русского человека по-прежнему не было ни Бога, ни Царя — Помазанника Божия. И, как следствие, скоро не стало и Отечества — потому что ни одно истинно русское сердце не может применить это святое слово к жалкому обрубку некогда Великой, Единой и Неделимой России — «российской федерации», как бы в насмешку над собой и своими холопами, украсившей свою атрибутику национальными цветами и царскими символами. Отсюда, кстати, явствует вся вздорность так называемых «прав человека» — этих космополитических

предрассудков минувших времен, печатью которых иные желают запечатлеть наше будущее, дабы окончательно лишить Россию шансов на национальное возрождение.

Те же (по внешности!) меры, которые применялись в красновской России, описанной в «За Чертополохом» — резкое (на первый взгляд!) ограничение «свободы слова» (в том числе свободы ругаться матом!), цензура, обязательное идеологическое воспитание подрастающего поколения и пр., служат на благо и расцвет народа, нации, культуры, науки, ремесел, промышленности, Армии и Государства, если делаются ради Бога и Государя, и превращаются в дьявольскую пародию в любом другом случае.

А воспитать народ в истинно Православном духе (конечно, с должным уважением к вере наших братьев — мусульман и буддистов, традиционно верных Российской Империи, Ак-Падишаху, Цаган-Хану — Белому Царю!) — может только Православная Самодержавная Монархия. Как явствует из социологических исследований (см. напр. Дьякон Андрей Кураев. О нашем поражении. СПб., 1999, гл. «Могут ли все быть верующими», с. 354–359), процент людей, способных самостоятельно востребовать религиозную идею, томимых «духовной жаждой», не превышает 10–15 % населения. И вдобавок именно среди них еще возникают ереси, расколы и религиозные войны. Возможно, такой же процент населения невосприимчив к любой — религиозной или псевдо-религиозной — идеологии.

Из оставшихся же более чем 70 % «великого, молчаливого большинства» (мы говорим прежде всего о русских людях) можно, при соответствующем «воспитании» и «образовании», создать как «народ-богоносец» — строитель Святой Руси, растущий и богатеющий вместе с ней, так и «гомо советикуса», чей хребет колеблется «вместе с линией партии», ибо он не закован в мышцы Христовых заповедей и православного воспитания, а можно — и то «глобалистское» (или желающее стать «глобалистским») чудовище, что шевелится ныне на пространствах нашей бывшей Империи под визг и вой телевизионных роликов и масок-шоу.

Поэтому даже одни только разговоры среди русских православных людей, любящих Историческую Россию и жаждущих ее возрождения, о том, что может быть (пусть даже в идеале!) иной, лучший, «демократический» путь воссоздания Великой России, чем восстановление Православного Самодержавного Царства, есть не что иное, как бесплодное толчение воды в ступе, по сути же — очередное предательство той самой исторической России — «первой России» (пользуясь терминологией генерала Краснова), за которую отдал свою жизнь,

таланты, кровь и душу ее верный рыцарь, последний певец Российской Империи и ее славной Армии — Царский Генерал и Донской Атаман Петр Николаевич Краснов.

Вопрос, таким образом, может заключаться лишь в выборе тактики достижения этой Цели. Может быть, она останется для нас недостижимой. Это знает только Бог. Тем не менее, наша задача, как последних солдат Российской Империи, защищать ее, хотя бы как Идею, не жалея сил, бороться за ее воплощение на Русской Земле и, если надо, бестрепетно умереть за нее — как последний защитник затерянной среди бескрайних российских просторов безымянной высотки, за раскаленным, но еще строчащим пулеметом, когда цепи врага уже поднялись в атаку, развернув свое адское знамя.

И да поможет нам Бог!
2001.